

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 3 (16) 2024

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Главный редактор:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова, профессор кафедры гражданского процесса и международного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Заместитель главного редактора:

Лунарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Ответственный секретарь:

Горенко Максим Геннадьевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Члены редакционного совета:

Адигезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Бочкарева Екатерина Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой административного и финансового права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Буэно Жозе Геральдо Романелло, профессор гражданского права, Просветерианский университет Маккензи, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Добробаба Марина Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Киреева Елена Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующая кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Нудненко Лидия Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Попова Юлия Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и административного судопроизводства, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Прохаров Леонид Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Салимгерей Арон Аманжолович, кандидат юридических наук, доцент, директор, Институт государства и права Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Семенов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Слесарев Владимир Львович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Срето Ного, доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия, г. Белград, Республика Сербия

Старилов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права юридического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Шарифзода Файзали Рахмонали, доктор юридических наук, профессор, начальник Академии МВД Республики Таджикистан, генерал-майор милиции, Академия МВД Республики Таджикистан, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Шитов Александр Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор юридического факультета Чиангмайского университета Королевства Таиланд

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Условия использования материалов журнала: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Префикс DOI: 10.31429/20785836

Индексирование: журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область: в журнал принимаются к опубликованию рукописи начинающих и опытных авторов, содержащие актуальные, новые и оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных сферах юридической науки, с целью их дальнейшего развития, решения актуальных проблем, взаимодействия ученых в России и других странах мира.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по области науки – Социальные и гуманитарные науки (группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. – Уголовно-правовые науки).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Сайт журнала: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Адрес редакции: Рашпилевская ул., д. 43, г. Краснодар, Россия, 350000, тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040.

Подписано в печать: 07.10.2024. Дата выхода в свет: 15.10.2024.

Усл. печ. л. 10,5. Тираж 100 экз. Заказ №

История издания журнала: издается с 2009 г.

Периодичность: выходит 4 раза в год.

Цена: свободная.

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет.

Обложка журнала зарегистрирована в качестве патента на промышленный образец Федеральной службой по интеллектуальной собственности 28.02.2024 RU № 140792

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2024.

Legal Bulletin of the Kuban State University № 3 (16) 2024

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Editor-in-Chief:

Sergey V. Potapenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, Professor of the Department of Civil Procedure and International Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Deputy Editor-in-Chief:

Evgeniy B. Luparev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the EAAN, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Executive Secretary:

Maxim G. Gorenko, Cand. of Sci. (Law), lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubSU, Krasnodar, Russia

Members of the Editorial Board:

Gyulnaz E. Adygezalova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey P. Anisimov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Ekaterina A. Bochkareva, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Jose G.R. Bueno, Professor of Civil Law, McKenzie Valerian University, Belo Horizonte, Federal Republic of Brazil

Olga V. Gladysheva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey V. Gusev, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Marina B. Dobrobaba, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies, O.E. Kutafin Moscow State Law Academy, Moscow, Russia

Alexey N. Zherebtsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Sergei A. Zhinkin, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir P. Kamyshansky, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

Elena Y. Kireeva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Personnel Management and Public Administration, Head of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Vladimir P. Konyakhin, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Roman V. Kostenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Denis N. Lozovskiy, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Lidiya A. Nudnenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Alexey N. Pozdnyshov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Rostov University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Leonid A. Prokhorov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina L. Prokhorova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Yulia A. Popova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Proceedings, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Alexander V. Rudenko, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Anatoliy Y. Ryzhenkov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kalmyk State University, Elista, Russia

Aron A. Salimgerei, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Director, Institute of State and Law of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir L. Slesarev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Chief Researcher, S.S. Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Nogo Sreto, Doctor of Law, Professor, Association of International Criminal Law of the Republic of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia

Yuri N. Starilov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law of the Faculty of Law, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Fayzali R. Sharifzoda, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Major General of Militia, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Alexander N. Shitov, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Faculty of Law of Chiang Mai University of the Kingdom of Thailand

Larisa V. Shchennikova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

The editorial board is not responsible for the information published in advertisements.

The editorial board does not always share the point of view of the authors of the published materials.

When using the materials, references to the journal "**Legal Bulletin of the Kuban State University**" are mandatory.

Terms of use for journal materials: Content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications on 20.04.2012.

Certificate of Registration: PI №FS 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Prefix DOI: 10.31429/20785836.

Indexing: the journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published from December 2, 2019.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

Objectives and scope: the journal accepts for publication the manuscripts of novice and experienced authors containing relevant, new and original results of scientific and applied research in various fields of legal science, with the aim of their further development, solving topical problems, interaction of scientists in Russia and other countries of the world.

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science – Social Sciences and Humanities (group of scientific specialties – 5.1. Law; scientific specialties: 5.1.1. – Theoretical-historical legal sciences; 5.1.2. – Public law (state law) sciences; 5.1.3. – Private law (civil law) sciences; 5.1.4. – Criminal law sciences).

The editorial board does not charge the authors for the preparation, placement and printing of materials.

Journal website: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Editorial office address: Rashpilevskaya str., 43, Krasnodar, Russia, 350000, tel.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Printed at the publishing and printing center of KubGU: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040.

Signed to the press: 07.10.2024. Release date: 15.10.2024.

Usl. pech. l. 10,5. Edition of 100 copies. Order No

Publishing history of the journal: published since 2009.

Frequency: published 4 times a year.

Price: free.

Age limit: for persons over 16 years of age.

The cover of the magazine is registered as an industrial design patent by the Federal Service for Intellectual Property on 28.02.2024 RU No 140792

© "**Legal Bulletin of the Kuban State University**", 2024.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Хиль И.М.</i> Нравственные, моральные и этические особенности современной профессиональной деятельности юриста	7
---	---

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Беженцев А.А.</i> Принципы налогового права: нетривиальный подход к базису отрасли	13
<i>Жеребцов А.Н.</i> Интеграционные нормы в сфере миграции: понятие и значение для развития миграционного права Российской Федерации	23
<i>Цорионов В.В.</i> Администрирование налоговых льгот налоговыми органами Российской Федерации.....	29

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Елисеева И.А.</i> Наследование земельных участков по законодательству Российской Федерации и зарубежных государств: сравнительно-правовой анализ	36
<i>Конорезов Н.А.</i> Теория и практика взыскания судебной неустойки (астрент) в гражданском процессе.....	44
<i>Потапенко С.В., Магомеднабиев М.Ш.</i> Актуальные проблемы института защиты чести, достоинства и деловой репутации в контексте деятельности медицинских организаций.....	50
<i>Симонян К.Р.</i> Влияние цифровизации правосудия на трансформацию механизмов правового воздействия	64

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Никитин В.И.</i> Обстоятельства, подлежащие доказыванию, установлению, выявлению – как самостоятельные категории отечественного уголовно-процессуального права.....	71
<i>Семенцов В.А.</i> Допрос оперативного сотрудника по законодательству России и Таджикистана.....	79
<i>Соловьева Н.А.</i> Историческая детерминированность дискуссионности представлений об экспертной инициативе в уголовном процессе	89
<i>Фонштейн А.И.</i> Нейросеть в структуре объективной стороны преступлений против общественной нравственности (на примере ст. ст. 240, 241–242 ² УК РФ).....	101
<i>Цыпина А.В.</i> Уголовно-процессуальная коммуникация участников уголовного судопроизводства...	108

CONTENTS

THEORETICAL-HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Irina M. Khil Moral, moral and ethical features of modern professional activity of a lawyer..... 7

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Alexander A. Bezhetsentsev Principles of tax law: a non-trivial approach to the basis of the industry..... 13

Aleksey N. Zherebtsov Integration norms in the field of migration: concept and significance for the development of migration law of the Russian Federation..... 23

Valery V. Tsorionov Administration of tax benefits by the tax authorities of the Russian Federation..... 29

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

Inga A. Eliseeva Inheritance of land plots according to the legislation of the Russian Federation and foreign countries: Comparative Legal Analysis..... 36

Nikolay A. Konorezov Theory and practice of collecting a court penalty (astrent) in civil proceedings..... 44

Sergey V. Potapenko, Murad S. Magomednabiev Actual problems of the Institute for the Protection of Honor, Dignity and Business Reputation in the context of the activities of medical organizations..... 50

Kristina R. Simonyan The impact of digitalization of justice on the transformation of legal impact mechanisms..... 64

CRIMINAL LAW SCIENCES

Viktor I. Nikitin Circumstances to be investigated, established, and identified as independent categories of domestic criminal procedure law..... 71

Vladimir A. Sementsov Interrogation of an operational officer on the legislation of Russia and Tajikistan... 79

Natalya A. Solovyeva The historical determinism of the discussion of ideas about expert initiative in criminal proceedings..... 89

Anna I. Fonshtein Neural network in the structure of the objective side of a criminal against public morality (on the example of articles 240, 241–242² of the Criminal code of the Russian Federation)..... 101

Alla V. Tsykina Criminal procedural communication of participants in criminal proceedings..... 108

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-7-12>

ПРАВСТВЕННЫЕ, МОРАЛЬНЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

Хиль И.М.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Хиль И.М. Нравственные, моральные и этические особенности современной профессиональной деятельности юриста. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(3):7–12. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-7-12>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Хиль Ирина Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 438-29-69

E-mail: Hill_irina@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 22.08.2024

Статья принята к печати: 20.09.2024

Дата публикации: 15.10.2024

Аннотация: Целью работы стало рассмотрение общих и особенных характеристик профессиональной юридической деятельности с позиций нравственных, этических и моральных компонентов.

Задачи работы включают изучение этического компонента профессии юриста, который представляет собой определенный репутационный базис, характеризующий лицо правовой сферы и системы права в целом, а также анализ профессионального статуса профессии юриста и ее аксиологическое и моральное значение.

Для достижения поставленной цели и решения задач автор использует такие общенаучные и частнонаучные *методы*, как анализ, синтез, исторический, системно-структурный, сравнительный методы.

Результаты: определены особенности моральной составляющей правоприменительного процесса, выделены характерные черты локальных актов, регламентирующих этическую сторону деятельности правоприменителя в государственных и негосударственных структурах, выделен аспектный состав профессиональной этики в целом и этики судьи в частном.

Выводы: соблюдение общепринятых в профессиональном юридическом сообществе норм корпоративной этики является одним из важнейших условий поддержания высокого статуса и степени доверия к работникам юридической отрасли и публичным образованиям со стороны граждан. При этом в современной Российской действительности регуляторами моральной стороны деловых и внепрофессиональных отношений юриста выступают прямо либо же косвенно как законодательство, имеющее под собой пенитенциарную подоплеку, так и локальные акты и нормы морали.

Ключевые слова: профессиональная деятельность юриста, правоприменение, правоприменительная и правозащитная деятельность, правовая культура, правосознание, профессиональный этикет.

MORAL, MORAL AND ETHICAL FEATURES OF MODERN PROFESSIONAL ACTIVITY OF A LAWYER

Irina M. Khil

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Khil I.M. Moral, moral and ethical features of modern professional activity of a lawyer. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(3):7–12. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-7-12>

CONTACT INFORMATION:

Irina M. Khil, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 438-29-69

E-mail: Hill_irina@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 22.08.2024

The article has been accepted for publication: 20.09.2024

Date of publication: 15.10.2024

Annotation: The *purpose* of the work was to consider the general and special characteristics of professional legal activity from the standpoint of moral, ethical and moral components.

The *objectives* of the work include the study of the ethical component of the legal profession, which represents a certain reputational basis characterizing the person of the legal sphere and the legal system as a whole, as well as the analysis of the professional status of the legal profession and its axiological and moral significance.

To achieve this goal and solve problems, the author uses such general scientific and private scientific *methods* as analysis, synthesis, historical, system-structural, comparative methods.

Results: the features of the moral component of the law enforcement process are determined, the characteristic features of local acts regulating the ethical side of the law enforcement officer's activities in state and non-state structures are highlighted, the aspect composition of professional ethics in general and ethics of judges in particular is highlighted.

Conclusions: compliance with the norms of corporate ethics generally accepted in the professional legal community is one of the most important conditions for maintaining a high status and degree of trust in employees of the legal industry and public entities on the part of citizens. At the same time, in modern Russian reality, the regulators of the moral side of business and non-professional relations of a lawyer are directly or indirectly both legislation with a penitentiary background and local acts and norms of morality.

Keywords: professional activity of a lawyer, law enforcement, law enforcement and human rights activities, legal culture, legal awareness, professional etiquette.

Введение

Основой профессиональной деятельности юриста как самостоятельной трудовой единицы является правоприменение. Эта сфера представлена широким спектром различных задач, функций и полномочий, конечной целью которых является эффективное, и что самое главное – законное применение действующих норм права. Правоприменением занимаются как правозащитники, так и представители правоохранительных органов, судьи и т.д. Концептуально любые общественные отношения так или иначе связаны с правоприменением – будь то поход в магазин, кино, спортивный зал. Любая трудовая деятельность субъекта общественных отношений представляет правоприменительный механизм правового регулирования.

Юрист, даже в ходе планирования своей деятельности на любой календарный период сопоставляет ее с нормами законодательства на предмет фактического соответствия своих действий.

При этом юридический труд нередко сопряжен с проявлением эмоций, стрессом, возникающих в ходе различных коммуникаций – допросов, опросов, переговоров, судебных заседаний, иных процессуальных действий [4, с. 67].

В правоприменительной деятельности эмоции являются непожелательной роскошью для юриста, так как внутреннее философско-волевое понимание права с морально-этической точки зрения может отличаться, и скорее всего отличается от декларативного подхода буквы закона. Поэтому существует риск, заключающийся в подмене императивных норм действующего законодательства внутренними убеждениями правоприменителя, что может привести и зачастую приводит к нарушению норм законодательства посредством неисполнения, то есть бездействия или же неверного применения.

Методы исследования

Автор использует такие общенаучные и частнонаучные методы, как анализ, синтез, исторический, системно-структурный, сравнительный.

Результаты исследования

В подавляющем большинстве случаев профессиональная юридическая правоприменительная деятельность связана либо с государственной деятельностью, либо с правоприменением в сфере гражданского права – крупнейшей сфере общественных отношений. Государственная сфера в свою очередь предполагает правоприменение в следующих направлениях [5, с. 56]:

– государственно-праворегулирующая деятельность, с которой приоритетно связаны отрасли административного и конституционного права, государственное строительство, регулирование функционирования органов исполнительной власти и местного самоуправления – отношения власти и подчинения, избирательное право и избирательный процесс, так как избирательная система является важной частью архитектуры государственного механизма, направленной на обеспечение основных прав и свобод человека, реализации принципов правового государства, демократии. Именно избирательный процесс на практике подтверждает конституционную норму, согласно которой – источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ;

– уголовно-правоохранительная деятельность юриста, которая представляет собой охрану наиболее значимых прав и свобод человека, гражданина, общества и государства от общественно-опасных преступных посягательств;

– правозащитная деятельность юриста заключается в обеспечении соблюдения прав и законных интересов человека и гражданина всеми акторами общественных отношений вне зависимости от их процессуального статуса и положения. Правозащитная деятельность должна заключаться исключительно в обеспечении права, но никак не злоупотребления им, например, задача адвоката следить за соблюдением прав подозреваемого/обвиняемого, но никак не избавления или обеспечение избегания уголовной ответственности за совершение преступлений.

Задача государства как социального института со своей стороны заключается в повышении уровня профессиональной грамотности населения, снижения правового нигилизма, направления общественных отношений в исключительно правовое русло, снижения уровня преступности в стране. Важно понимать, что преступность как форма социального протеста не может быть уничтожена полностью априори, хотя подобного рода философско-политические идеологемы имели место быть в исторической практике.

Тем не менее, задача общества и государства в саморазвитии и стремлении к идеалам социальной справедливости. В этом в свою очередь и заключается аксиологическая роль профессии юриста.

Важнейшую роль в профессии занимает этическая компонента, так как абсолютной любой юрист для человека далекого от данной профессии представляет собой определенный репутационный базис, лицо правовой сферы и системы в государстве [3, с. 56]. Именно по этой причине практически каждое юридическое профессиональное сообщество в России, будь то адвокатская система или правоохранительный орган имеет свой собственный профессиональный этический кодекс, нарушение или несоблюдение которого влечет привлечение к дисциплинарной ответственности с последующей перспективой увольнения:

– кодекс профессиональной этики адвоката¹;

¹ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003). (ред. от 15.04.2021) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

- кодекс профессиональной этики нотариуса¹;
- судейский кодекс профессиональной этики²;
- кодекс этики Следственного комитета РФ³;
- кодекс этики прокурорского работника (Прокуратуры РФ)⁴;
- кодекс этики системы МВД РФ⁵.

Данный перечень не является исчерпывающим, локальные этические кодексы создаются во многих юридических компаниях и фирмах, органах исполнительной и законодательной власти – министерствах и ведомствах с целью мягкого управления и сохранения репутации профессии перед обществом. В некоторых случаях он обладает юридической силой подзаконного акта в форме Приказа, в некоторых случаях он является внутренним необязательным актом, но фактически имеет неписанную обязательную силу.

Научная дискуссия

Юридическая профессия предполагает систему сдержек и противовесов, так как целый ряд юридических специальностей предполагает наличие исключительных властных полномочий (судьи, следователи, прокурорские работники, адвокаты и т.д.), что чревато злоупотреблениями и превышениями должностных полномочий, являющимися преступлениями⁶. Каждое подобное действие, особенно если в итоге оно возымело публичную форму, вызвало широкий общественный резонанс, подрывает авторитет права, законодательной системы, системы государственных органов власти. Поэтому государство принимает решительные меры, направленные на особый контроль за правоприменительной деятельностью.

У некоторых субъектов правоприменительной деятельности вследствие этого развивается повышенное требование к себе, выражаемое в ответственном подходе к осуществлению своих должностных полномочий, некоторые же – напротив, идя на поводу у своих низменных желаний и отрицательных качеств личности, начинают использовать профессию в корыстных интересах. Дополнительно следует отметить, что юридическая профессия была и остается одной из наиболее престижных профессий в России и мире, привлекая с каждым годом новые ряды студентов в образовательные организации высшего образования. Во многом, именно поэтому к данной профессии предъявляются столь повышенные требования.

Однако, анализируя профессиональный статус профессии, ее аксиологическое и моральное значение нельзя не исследовать ее понятийно-категориальный базис. Юридическая деятельность прежде всего предполагает использование, применение и создание норм права, обладание коммуникативных и психологических навыков должного уровня. Дополнительно, юрист в зависимости от конкретного направления должен обладать специальными познаниями в ряде отраслей, от физики и химии, до военной отрасли и медицины.

Предметом юридического труда как правило выступают следующие значимые обстоятельства и процессы [1, с. 45]:

- юридически-значимая информация, отраженная в нормативно-правовых актах, договорах, документах, материалах уголовного дела, доследственных проверок, судебных решений, жалоб, постановлений и т.д.;
- информация, относящаяся к юридическим событиям, возникающим по объективным, независящим от субъектов отношений причинам;

¹ Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (утв. Минюстом России 12.08.2019, 19.01.2016) (ред. от 23.04.2019) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 01.12.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации (утв. Следственным комитетом РФ 11.04.2011) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации: приказ Генпрокуратуры России от 17.03.2010 № 114 (ред. от 21.07.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 26.06.2020 № 460 (ред. от 02.05.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

- информация, относящаяся к юридическим фактам, возникающим по субъективным, зависящим от субъектов отношений причинам;
- поведение и активное волевое действие людей, приводящее к различным публично-правовым последствиям.

Юридическая этика способствует воспитанию представителей профессионального общества в духе правосознания, трепетного отношения к правовым нормам, ориентируя их на беспрекословное и добровольное подчинение правовым и морально-этическим стандартам поведения, стремление к справедливости, уважение прав и законных интересов участников процесса и иных граждан, сохранение значительного морально-этического облика профессии [2, с. 23].

Профессиональный этикет – это правила поведения юристов, порой довольно условные, обеспечивающие сохранение имеющихся в юридическом сообществе взглядов о подобающем поведении, которые могут в целом отражать более общие нравственные принципы, затрагивающие справедливого, должного, и выступают важным знаком идентичности представителей сообщества. Соблюдение норм этикета дает возможность сохранить некоторые формальные пределы поведения участников профессиональной деятельности. Объект этики содержит высокие нравственные ограничения и нормативы, предъявляемые к представителям судейского общества, в то время как предмет юридической этики намного обширнее, так как является не просто сводом этических норм, выработанных различными юридическими профессиями [6, с. 146–147].

Этика не может действовать в отдельности от норм морали и нравственности. Нравственное взаимодействие участников процесса содержит в себе нравственно-моральные элементы, свойственные иным профессиям. Но не стоит выпускать из виду то обстоятельство, что каждая профессиональная деятельность различается особыми нравственными требованиями сотрудников. Профессия судьи является одной из более сложных юридических специальностей. В деятельности судьи реализуется значительное количество специальных качеств и умений личности, которые неотъемлемо входят в структуру личности судьи. Определяют его креативные способности и индивидуальный облик работы¹.

Согласно данному обстоятельству главным в судейской этике считается личность судьи. Какими бы не были идеальными нормативные требования, они могут не получить значения в руках бесчестного судьи. Судья должен быть тверд и не допускать сомнения в акте судебной власти. Одной из основных характеристик личности судьи является его профессиональная направленность, которая включает в себя:

- 1) понимание своих обязанностей;
- 2) уровень профессионального правосознания;
- 3) творческий аспект к отправлению судейской функций;
- 4) строгость к нарушению законодательства;
- 5) стремление к принятию самостоятельных, независимых решений.

Характеризующим в структуре личности являются такие свойства судьи как честность, беспристрастность, справедливость, объективность. Данные качества не только порождают успешную реализацию судейских обязанностей, но и способствуют формированию судейских взглядов.

Высокое положение судьи и важность выполняемой государственной функции определяют основы действий судьи как на работе, так и за ее пределами.

Существуют определенные этические требования в профессиональной деятельности юриста и внеслужебной обстановке. Во-первых, это специальное образование. Оно должно быть высшим юридическим. Помимо этого, должна быть активная деятельность в правовой сфере, т.е. стаж работы не менее 5 лет. Далее это сам возраст судьи – не менее 25 лет. Во-вторых, судья должен быть честным. Это важное требование нравственности. Она включает твердость, искренность и субъективную убежденность в правоте своего дела².

В-третьих, незаменимое нравственное качество юриста – повышенное чувство долга в его нравственном аспекте. Социальный нравственный долг это прежде всего справедливая профессиональная деятельность. Справедливость в юриспруденции подразумевает присутствие

¹ Черевко А.А. Становление и развитие судебной этики в России: традиции и инновации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2013. С. 3.

² О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

многих обстоятельств, начиная от содержания законов и вплоть до общественно-политической ситуации. Однако она невозможно там, где судья сам придерживается бессознательной обязанностью функционировать и осуществлять решение объективно.

Справедливая профессиональная деятельность возможна только тогда, когда судьи беспристрастны. Отсюда следует выделить четвертое требование – беспристрастность судьи. Способность исследовать требования процесса и осуществить решение, как к сторонам, так и другим участвующим, не затрагивая личных мотивов, – это не только указание закона, но и индивидуальное свойство судьи как человека. В-пятых, судья обязан быть гуманным. Человек, который видит в участниках процесса лишь «средство», не может быть судьей. К, сожалению, об этом не говорится в Законе «О статусе судей в Российской Федерации».

Таким образом, соблюдение общепринятых в профессиональном юридическом сообществе норм корпоративной этики является одним из важнейших условий поддержания высокого статуса и степени доверия к работникам юридической отрасли и публичным образованиям со стороны граждан. Важно подчеркнуть, что сама практическая работа, связанная с решением моральных трудностей, содействует нравственному становлению личности. Помимо этого, личность создается под воздействием морального просвещения, в ходе которого человек приобретает конкретную сумму познаний, ориентирующих на выполнение нравственных норм. Нравственное воспитание как осмысленная, целенаправленная работа, нацеленная на развитие значительных моральных качеств и преодоление недочетов в своей нравственной области весьма необходимо в профессиональной деятельности юриста.

Список использованной литературы:

1. Алиева М.К. Модель профессиональной подготовки бакалавров-юристов к проектной деятельности в условиях информационно-коммуникационной предметной среды. *Вестник Академии права и управления*. 2015;3(40):274–278.
2. Иванова Л.А. К понятиям «Судебная этика» и «Судейская этика»: история и современность. *Сибирский юридический вестник*. 2015;(2):57–62.
3. Седова К.В., Усманова Е.В. Этикет в профессиональной деятельности юриста. *Мир науки и образования*. 2018;3(15):8.
4. Смирнов А.А., Постнова А.А. Особенности профессиональной деятельности юриста. *Вестник КГУ*. 2012;(1):110–113.
5. Соколов Н.Я. Профессиональная юридическая деятельность и причины нарушения законности юристами. *Журнал российского права*. 2009;9(153):114–126.
6. Сорокотягин И.Н., Маслеев А.Г. Профессиональная этика юриста. М.: Юрайт; 2013.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хиль Ирина Михайловна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

References:

1. Alieva M.K. [The model of professional training of bachelor lawyers for project activities in an information and communication subject environment]. *Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2015;3(40):274–278. (In Russ.)]
2. Ivanova L.A. [On the concepts of «Judicial ethics» and «Judicial ethics»: history and modernity]. *Siberian Legal Bulletin*. 2015;(2):57–62. (In Russ.)]
3. Sedova K.V., Usmanova E.V. [Etiquette in the professional activity of a lawyer]. *The world of science and education*. 2018;3(15):8. (In Russ.)]
4. Smirnov A.A., Postnova A.A. [Features of a lawyer's professional activity]. *Bulletin of KSU*. 2012;(1):110–113. (In Russ.)]
5. Sokolov N.Ya. [Professional legal activity and the reasons for the violation of legality by lawyers]. *Journal of Russian Law*. 2009;9(153):114–126. (In Russ.)]
6. Sorokotyagin I.N., Masleev A.G. [Professional ethics of a lawyer]. Moscow: Yurayt; 2013. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina M. Khil

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-13-22>

ПРИНЦИПЫ НАЛОГОВОГО ПРАВА: НЕТРИВИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К БАЗИСУ ОТРАСЛИ

Беженцев А.А.

Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС)
(Средний пр. В.О., д. 57/43, г. Санкт-Петербург, Россия, 199178)

Ссылка для цитирования: Беженцев А.А. Принципы налогового права: нетривиальный подход к базису отрасли. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(3):13–22. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-13-22>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Беженцев Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС)

Адрес: Средний пр. В.О., д. 57/43, г. Санкт-Петербург, Россия, 199178

Тел.: +7 (812) 335-94-94, мест. 2044

E-mail: adovd@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 23.08.2024

Статья принята к печати: 20.09.2024

Дата публикации: 15.10.2024

Аннотация: Цель статьи состоит в том, чтобы на основе анализа отечественного и зарубежного законодательства дружественных стран, преимущественно евразийского региона, научных источников, обобщения правоприменительной практики уполномоченных органов раскрыть проблемы принципов налогового права Российской Федерации и разработать научно обоснованные теоретические положения и предложения по направлениям усовершенствования их практического внедрения.

Реализация поставленной цели обуславливает необходимость решения следующих научных задач: а) раскрыть теоретико-правовые подходы к определению сущности принципов права; б) охарактеризовать принципы финансового и налогового права в их взаимосвязи; в) раскрыть связь между основами налогообложения и принципами налогового права; г) определить роль общеправовых принципов в регулировании налоговых отношений; д) исследовать сущность правовых принципов, являющихся основой налоговой системы государства; е) установить особенности нормативно закрепленных специальных принципов налогового права (основ налогового законодательства); ж) раскрыть содержание институциональных принципов налогового права.

Методы исследования. В процессе работы над научной статьей, в соответствии с поставленной целью и задачами, с учетом специфики объекта и предмета исследования, применялись общенаучные и специальные методы научного познания: а) системно-структурный; б) логико-семантический; в) восхождение от абстрактного к конкретному; г) сравнительно-правовой; д) формально-догматический; е) обобщения; ж) прогнозирования.

Результаты. Установлено, что принципы налогового права, закрепленные в налоговом законодательстве как фундаментальные основы налогообложения и разработанные на научном уровне, являются ориентирами правового регулирования налоговых отношений, основой реализации

прав и законных интересов субъектов таких отношений. Конечно, закрепить на нормативно правовом уровне те или иные принципы не означает обеспечить их реализацию. Обосновывается необходимость максимального осуществления принципов налогового права.

Вывод. Актуализировав проблемы основ налогообложения, принципов правового государства, принципов налогового права, презумпций налогового права; проанализировав *общеправовые* и *специальные* отраслевые *принципы*, автор утверждает, что в России не до конца совершенен эффективный механизм реализации правовых принципов налогового права, а также реальные меры ответственности за их нарушение. Акцентировано внимание на том, что принципы права должны действовать и непосредственно реализовываться в процессе правоприменения. Учитывая это, важное значение приобретает судебная практика, особенно – толкование и разъяснение актов, в частности налогового законодательства.

Ключевые слова: налоги, налоговое право, налогообложение, налоговая система, налоговое законодательство, основа налогового права, принцип права, принципы налогового права, презумпции налогового права.

PRINCIPLES OF TAX LAW: A NON-TRIVIAL APPROACH TO THE BASIS OF THE INDUSTRY

Alexander A. Bezhetsentsev

North-West Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration" (RANEPA)
(Sredny pr. V.O., 57/43, St. Petersburg, Russia, 199178)

Link for citation: Bezhetsev A.A. Principles of tax law: a non-trivial approach to the basis of the industry. Legal Bulletin of the Kuban State University. 2024;16(3):13–22. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-13-22>

CONTACT INFORMATION:

Alexander A. Bezhetsentsev, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law Department of the North-West Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration" (RANEPA)

Address: Sredny pr. V.O., 57/43, St. Petersburg, Russia, 199178

Tel.: +7 (812) 335-94-94, local. 2044

E-mail: adovd@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 23.08.2024

The article has been accepted for publication: 20.09.2024

Date of publication: 15.10.2024

Annotation: *The purpose* of the article is to reveal the problems of the principles of tax law of the Russian Federation and develop scientifically substantiated theoretical provisions and proposals on the directions of improving their practical implementation on the basis of the analysis of domestic and foreign legislation of friendly countries, mainly the Eurasian region, scientific sources, generalization of the law enforcement practice of authorized bodies.

The implementation of the set goal determines the need to solve the following *scientific problems*: *a)* to reveal the theoretical and legal approaches to determining the essence of the principles of law; *b)* to characterize the principles of financial and tax law in their relationship; *c)* to reveal the relationship between the fundamentals of taxation and the principles of tax law; *d)* to determine the role of general legal principles in regulating tax relations; *e)* to study the essence of legal principles that are the basis of the tax system of the state; *f)* to establish the features of the normatively enshrined special principles of tax law (fundamentals of tax legislation); *g)* to reveal the content of the institutional principles of tax law.

Research methods. In the process of working on the scientific article, in accordance with the set goal and objectives, taking into account the specifics of the object and subject of the study, general scientific and special methods of scientific knowledge were used: *a)* systemic-structural; *b)* logical-semantic; *c)* ascent from the abstract to the concrete; *d)* comparative-legal; *e)* formal-dogmatic; *f)* generalizations; *g)* forecasting.

Results. It has been established that the principles of tax law, enshrined in tax legislation as the fundamental foundations of taxation and developed at the scientific level, are guidelines for the legal regulation of tax relations, the basis for the implementation of the rights and legitimate interests of the subjects of such relations. Of course, to enshrine certain principles at the normative-legal level does not mean to ensure their implementation. The need for maximum implementation of the principles of tax law is substantiated.

Conclusion. Having updated the problems of the fundamentals of taxation, the principles of the rule of law, the principles of tax law, the presumptions of tax law; Having analyzed general legal and special industry principles, the author asserts that in Russia the effective mechanism for implementing legal principles of tax law, as well as real measures of responsibility for their violation, are not fully perfect. Attention is focused on the fact that the principles of law must act and be directly implemented in the process of law enforcement. Taking this into account, judicial practice acquires great importance, especially the interpretation and clarification of acts, in particular tax legislation.

Keywords: taxes, tax law, taxation, tax system, tax legislation, basis of tax law, principle of law, principles of tax law, presumptions of tax law.

Введение

Эффективное функционирование державы и общества в целом зависит от соблюдения и практической реализации комплекса определенных правовых базисов (*принципов*). Сущность и практическое назначение какой-либо отрасли права раскрывается, в частности, в принципах, составляющих ее основу и определяющих значимость права как социального явления.

Современное состояние правоотношений нуждается в системном подходе к определению принципов, в том числе *налогового права*, ведь на них основываются гарантии и защита прав субъектов налоговых правоотношений, за счет налоговых поступлений формируется значительная часть бюджетных доходов. Следовательно, от реализации интересов указанных субъектов зависят и бюджетные поступления, объемы бюджетного финансирования.

Практика внедрения принципов налогового права требует четкого понимания значения этого понятия. Тем более что именно в сфере налогового права сложилась парадоксальная ситуация: нарушение принципов налогового законодательства по Налоговому кодексу Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (НК РФ) не является налоговым правонарушением. Соответственно, отсутствует обобщение судебной практики по делам о нарушении принципов налогового права, а следовательно, их нормативно-правовое закрепление носит преимущественно декларативный характер. Более того, механизм их реализации не предусмотрен, а правовое содержание этих принципов в НК РФ приведено очень кратко. Изложенное свидетельствует об актуальности и необходимости исследования теоретико-прикладных проблем, связанных с реализацией *принципов налогового права*.

Обзор литературы

Подчеркнем, что в последние годы учеными, специалистами, исследователями инициативно осуществляется научный поиск по дополнению и уточнению принципов налогового права, раскрытию их сути, толкованию их для максимального внедрения в правоприменительную практику. Имеются научные [1, с. 58–62; 2, с. 87–93; 3, с. 1203–1211; 4, с. 22–33; 5, с. 244–246; 6, с. 77–83; 7, с. 99–105; 8, с. 163–180; 9, с. 180–183; 10, с. 82–105], учебные публикации¹, вместе с тем, научное

¹ См.: Налоговое право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Е.О. Бондарь, Г.Н. Василенко, А.И. Григорьев [и др.]. 8-е издание, переработанное и дополненное. М.: ООО «Издательство Юнити-Дана», 2023. 335 с.; Налоговое право: учебник / Л.Л. Арзуманова, Н.М. Артемов, О.В. Болтинова [и др.]. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 3-е издание, переработанное и дополненное. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. 304 с.; Крохина Ю.А. Налоговое право: учебник. (Высшее образование). 10-е изд., пер. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2023. 503 с.; Налоговое право: учебник / Г.Ф. Ручкина, М.Ю. Березин, А.С. Адвокатова [и др.]. Финансовый университет при правительстве Российской Федерации. М.: Общество с ограниченной

осознание явлений, проистекающих в данном сегменте, с позиций актуального правоповедения и правоприменения несколько опаздывает и без подобающего прицельного внимания остаются многие вопросы, требующие правильных ответов. Добавим, что с убедительным основанием можно говорить о том, что научные изыскания в области налогового-правовых принципов осуществлялись в обстоятельствах нынешнего времени, как нам представляется, не глубинно, фрагментарно, незначительное количество научных исследований содержит новые сведения по этой теме, в основном же происходит переписывание цитируемых положений без их должной научной проработки, что обуславливает актуальность обращения нами к теоретическим и правоприменительным проблемам принципов налогового права, путям их комплексного решения.

Методы исследования

В процессе работы над статьей, в соответствии с поставленной целью и задачами, с учетом специфики объекта и предмета исследования, использованы общенаучные и специальные методы научного познания, в частности следующие: *а) системно-структурный*, с помощью которого проанализированы правовые основы основ налогообложения; с помощью *б) логико-семантического метода*, *в) метода восхождения от абстрактного к конкретному* углублен понятийный аппарат; *г) сравнительно-правовой метод* использовался при анализе законодательства и научных исследований отдельных аспектов реализации принципов налогового права, в том числе дружественных зарубежных стран, преимущественно евразийского региона; *д) формально-догматический* – использовался для осуществления доктринального толкования правовых норм и терминов; *е) методы обобщения и ж) прогнозирования* применены в процессе формулирования выводов.

Результаты исследования

Сакцентируем внимание на том, что по своему содержанию принципы налогового права объективны, поскольку отражают объективные закономерности эволюции социума и общественных отношений. Субъективными они не могут быть, учитывая, что это принципы публичного права, где превалирует публичный интерес, что не позволяет проявлять субъективизм в регулировании публично-правовых отношений.

В наиболее упрощенном виде *принципы налогового права делятся на: а) общие; б) специальные*. Что касается *общих принципов*, то в налоговом праве их определяют достаточно спорно, как и в целом общую часть. Поддерживая научный подход, при котором общая часть налогового права может рассматриваться только в контексте соответствующей учебной дисциплины и науки, признано необходимым выделить принципы именно общей части налогового права, чтобы иметь четкое представление о том, какие принципы общие и общеправовые участвуют в: *а) регулировании всех налоговых отношений; б) формировании любого отраслевого налогового законодательства*. *Специальные принципы* объединяют принципы отдельных подотраслей и институтов налогового права.

Отметим, что *принципы налогового права* – это фундаментальные экономические, юридические и организационно-технические основы, на которых должна базироваться налоговая система государства и система налогообложения в целом.

В рамках налогового права также выделяют принципы: *а) налогового контроля; б) налоговой ответственности; в) организации и деятельности налоговых органов; г) налогового администрирования; д) взаимодействия налоговых органов; е) публичной службы в налоговых органах*. Принципы иногда ошибочно путают с: определенными критериями или направлениями, в частности, когда речь идет о налоговом планировании и налоговой реформе; соблюдении налоговой тайны, которая не является основой налогового права, а является обязанностью государственно-властных субъектов налоговых правоотношений.

В идеале, для того чтобы принципы налогового права эффективно действовали в области налогового и иного правоприменения и правотворчества, они должны быть сформулированы в виде отдельных правовых норм. Но практически это невозможно, поскольку наука и практика не всегда развиваются параллельно. Главное – это законодательно закрепить не только принципы налогового права в виде отдельных норм, но и гарантии их выполнения, средства протекции. Следовательно, важно закрепить норму о том, что нарушение принципов налогового права являлось налоговым правонарушением.

Определим, что чаще всего *общеправовыми принципами налогового права* определяют следующие: а) законность; б) верховенство права; в) демократизм; г) гласность; д) гуманизм; е) единство субъективных прав и юридических обязанностей; ж) равенство граждан перед законом; з) справедливость.

Критически нами оценивается подход, согласно которому поддерживается применение названия «общеправовые принципы», а не употребление понятия «основополагающие принципы», ведь не все основы являются правовыми, часть может иметь философскую, этическую, морально-нравственную природу.

Среди правовых основ, определяющих состав налоговой системы, особое место отведено *специальным принципам налоговой системы государства, которые должны учитываться в процессе обеспечения целостности налоговой системы* (а) принцип единства экономического пространства; б) принцип разделения властей; в) принцип унитаризма (в унитарных государствах) или федерализма (в федеративных государствах). Перечисленные основные принципы направлены на обеспечение системности норм налогового права (как научного явления) и налогового законодательства, на котором основывается налоговая правореализационная деятельность.

Научная дискуссия

Рассматривая начала налогового законодательства в контексте специальных принципов налогового права, укажем, что к этим принципам относятся основные принципы, определенные частично в ст. 3 НК РФ. Конечно, только формального нормативно-правового закрепления соответствующих устоев недостаточно – необходимо разработать и внедрять в практику механизм их реализации. Анализируя данные принципы в контексте научной дискуссии и частично раскрывая некоторые из них, предложим авторские пояснения и корректировки в кодифицированный нормативный правовой акт по налогам и сборам.

Принцип равенства всех плательщиков перед законом, недопущение каких-либо проявлений налоговой дискриминации состоит в обеспечении одинакового подхода ко всем налогоплательщикам, независимо от социальной, расовой, национальной, религиозной принадлежности, формы собственности юридического лица, гражданства физического лица, места происхождения капитала. Указанный принцип основывается на признанном на международном уровне конституционно закрепленном равенстве прав людей, гарантирует одинаковые права и обязанности налогоплательщиков одной группы (речь идет о том, что одинаковый набор прав и обязанностей имеют юридические лица – налогоплательщики, одинаков набор для налогоплательщиков физических лиц), а также одинаковый комплекс прав и обязанностей имеют органы взыскания одного уровня. При этом допускается установление определенных льготных условий налогообложения в зависимости от обстоятельств, предусмотренных налоговым законодательством.

Принцип неотвратимости наступления определенной законом ответственности в случае нарушения налогового законодательства – это основа налогового законодательства, которая непосредственно не раскрыта в ст. 3 НК РФ. По общему правилу этот принцип означает, что нарушение норм законодательства, в частности налогового, является основанием для привлечения лица-правонарушителя к юридической ответственности.

Принцип-презумпция правомерности решений налогоплательщика заключается в том, что в случае, если норма закона или иного нормативно-правового акта, изданного на основании закона, или если нормы разных законов или разных нормативно-правовых актов допускают неоднозначную (множественную) трактовку прав и обязанностей налогоплательщиков или контролирующих органов, вследствие чего есть возможность принять решение в пользу как налогоплательщика, так и контролирующего органа, принимается решение в пользу плательщика.

Принцип фискальной достаточности означает установление налогов и сборов с учетом необходимости сбалансированности расходов бюджета с его поступлениями. Это в свою очередь означает, что именно налоговые поступления являются основным доходным источником бюджетов всех уровней; они являются основным финансовым инструментом, используемым государством для сбалансирования доходов и расходов бюджета. Создается ситуация, что в случае разбалансированности бюджета (прежде всего государственного) государство может идти по пути введения новых налогов, повышения ставок уже существующих. В таком случае бремя сбалансирования возлагается на налогоплательщиков. Есть и другой способ сбалансирования бюджета – привлечение кредитных ресурсов, плата за пользование которыми возлагается на государство, но практически осуществляется будущими поколениями налогоплательщиков.

Принцип социальной справедливости состоит в установлении налогов и сборов в соответствии с платежеспособностью налогоплательщиков. Данный принцип особенно проявляется в том, как государство социально поддерживает малообеспеченные слои населения, присутствуют налоговые социальные льготы. Этот принцип имеет экономико-правовую и морально-нравственную, этическую природу и занимает особое место в системе принципов налогового права и налогообложения вообще, находит проявление во всеобщности налогообложения (все обязаны уплачивать налоги и сборы в порядке, определенном законом), в равенстве и недопущении любых проявлений налоговой дискриминации. То есть усматривается взаимосвязанность отдельных принципов налогового права посредством объединяющего принципа – справедливости.

Принцип экономичности налогообложения (экономической обоснованности налогообложения) означает установление налогов и сборов, объем поступлений от уплаты которых в бюджет значительно превышает расходы по их администрированию. Очевидно, что законно установленными должны быть те налоги и сборы, которые экономически обоснованы. Нарушение рассматриваемого принципа влечет нарушение практичности налогообложения.

Этот принцип распространяется, прежде всего, на деятельность законодателя как органа, создающего законодательное поле для налогообложения и, исходит из того, что расходы на администрирование налогов и сборов финансируются из средств государственного бюджета.

Отмечена необходимость разграничения экономического обоснования налога и экономической подоплеки налога (например, доход, прибыль, добавленная стоимость).

Принцип нейтральности налогообложения состоит в установлении налогов и сборов способом, не влияющим на увеличение или уменьшение конкурентоспособности налогоплательщика.

Принцип стабильности означает стабильность (лучше неизменность) норм, регулирующих налоговые правоотношения.

Принцип равномерности и удобства уплаты налогов означает, что установление сроков уплаты налогов и сборов должно происходить с учетом необходимости обеспечения своевременного поступления средств в бюджеты для осуществления расходов бюджетов и удобства их уплаты плательщиками. Данный принцип содержит две составляющие: 1) равномерность; 2) удобство. Если равномерность – это материальное проявление, заключающееся в том, чтобы налогоплательщик мог уплачивать налоги в разные налоговые периоды (например, ежемесячно, ежеквартально, ежегодно), то удобство – это процедурный аспект этого принципа. Особенно важно, чтобы налогообложение было удобным именно для налогоплательщика не только из-за определенных материальных потерь, но и, учитывая время, которое тратит лицо на уплату налогов и сборов. Рассматривая данный принцип, в России и многих развитых дружественных странах мира, особенно евразийского пространства, вводится электронная отчетность.

Принцип единого подхода к установлению налогов и сборов означает определение на законодательном уровне всех обязательных элементов налога.

К институциональным принципам налогового права отнесем: 1) принципы, отражающие сущность налога (а) публичная (общественная) цель взимания налогов (б приоритет фискальной направленности налогообложения; в) абстрактность налоговых платежей); 2) принципы, используемые в процессе разработки налогового законодательства (а) установление налогов и сборов законами; б) ограничение обратной силы налоговых законов; в) приоритет налогового закона над неналоговым; г) наличие всех элементов налога в налоговом законе; д) определенность и понятность налоговых норм); 3) принципы, обеспечивающие реализацию и соблюдение прав и свобод налогоплательщиков (а) юридическое равенство налогоплательщиков; б) равное налоговое бремя; в) всеобщность налогообложения); 4) принципы налогообложения, обеспечивающие соблюдение демократических, социальных и правовых основ государства.

Принцип публичной (общественной) цели взимания налогов означает, что налоговые доходы закладываются в размеры расходов на общественные нужды (социальные программы (здравоохранение, образование), оборона, охрана общественного порядка и безопасности, правосудие). Этот принцип развивает конституционные положения о том, что Россия является суверенным, независимым, демократическим, социальным, правовым государством, где человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются высшей социальной ценностью; права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направленность деятельности государства; утверждение и обеспечение прав и свобод человека является главной конституционной обязанностью государства. Публичная цель взимания налогов также обусловлена тем, что налоги являются источником доходов бюджетов, за счет которых

покрываются различные расходы. Это происходит в рамках бюджетной деятельности органов общественной власти, преимущественно органов государственной власти. Одним из принципов бюджетной деятельности является ее социальное направление.

Принцип приоритета фискальной направленности налогообложения означает, что финансирование расходов бюджетов осуществляется, прежде всего, за счет налогов. Сущность данного принципа также состоит в том, что процесс налогообложения предполагает постоянное аккумулирование бюджетных доходов. В этом контексте актуален вопрос бюджетно-налоговой или фискальной политики государства. Также названный принцип в определенной степени дублирует принцип фискальной достаточности.

Принцип абстрактности налоговых платежей состоит в том, что у них нет целевого направления, конкретные расходы бюджета не финансируются из поступлений от конкретных налогов и сборов. Данный принцип обусловлен таким признаком или характерным свойством налогов, как их нецелевой характер.

Принцип установления налогов и сборов законами (принцип законного установления налогов и сборов) частично поглощает нормативно закрепленную основу единого подхода к установлению налогов и сборов. Он предусматривает установление налогов и сборов, их обязательных частей особым налоговым законом. Это означает, что устанавливать налоги должны органы законодательной (представительной власти) путем принятия соответствующих законов (принимаются Федеральным Собранием – парламентом Российской Федерации, который является представительным и законодательным органом Российской Федерации и состоит из двух палат – Совета Федерации Российской Федерации и Государственной Думы Российской Федерации). После установления, то есть законодательного закрепления налогов и сборов их введение и взыскание может осуществляться на основании других актов, не противоречащих НК РФ и федеральному законодательству, если их принятие необходимо. Например, местные налоги и сборы обязательно вводятся на соответствующую территорию путем принятия решений органов местного самоуправления и утверждения положений о соответствующих местных налогах и сборах. Общегосударственные налоги и сборы в нашем государстве закрепляются на уровне НК РФ.

Принцип ограничения обратной силы налоговых законов основывается на законодательстве России. Все нормы налогового права действуют в определенных законом временных пределах, это означает тот факт, что ответственность за совершение правонарушения и сам состав правонарушения определяются тем законом, который действовал во время его совершения.

Принцип приоритета налогового закона над неналоговыми законами означает, что в случае коллизии норм неналоговых законов и налогового законодательства применяются положения последнего.

Принцип наличия всех элементов налога в налоговом законе означает обязательное включение всех элементов налога в налоговый закон и одновременно допускает, что отсутствие хотя бы одного элемента позволяет плательщику не платить налог или сбор. При установлении налога обязательно определяются следующие элементы: а) плательщики налога; б) объект налогообложения; в) налогооблагаемая база; г) ставка налога; д) порядок исчисления налога; е) налоговый период; ж) срок и порядок уплаты налога; з) срок и порядок представления отчетности об исчислении и уплате налога.

Принцип определенности и понятности налоговых норм состоит в том, что акты налогового законодательства должны иметь содержание, понятное для правоприменителей, прежде всего – для налогоплательщиков. Все элементы налогов и сборов должны быть четко прописаны, соответственно урегулированы, чтобы было как можно меньше возможностей различного толкования налогово-правовых норм.

По существу *принцип юридического равенства налогоплательщиков* означает запрет устанавливать отличия в налогообложении.

Принцип равного налогового бремени (нейтральности) означает экономическое равенство плательщиков. Речь идет о том, что при установлении налогов учитывается фактическая способность налогоплательщика к уплате налога исходя из принципа справедливости, он предусматривает установление налогов и сборов в соответствии с платежеспособностью налогоплательщиков.

Принцип всеобщности налогообложения заложен в ст. 57 Конституции Российской Федерации: «Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы» и детализирован в ч. 1 ст. 3 НК РФ: «Каждое лицо должно уплачивать законно установленные налоги и сборы.

Законодательство о налогах и сборах основывается на признании всеобщности и равенства налогообложения».

В рамках *принципов налогообложения, обеспечивающих соблюдение демократических, социальных и правовых основ государства*, нами предлагаются следующие принципы: *а) единства налоговой политики (развивающий принцип единства экономического пространства); б) равенства правового статуса административно-правовых единиц субъектов (федеративным государствам присущ принцип равенства правового статуса субъектов федерации); в) исчерпывающего перечня общегосударственных и местных налогов и сборов (при наличии трехуровневой налоговой системы – также и региональных); г) законодательного ограничения предоставления налоговых льгот и привилегий (традиционно он рассматривается во взаимосвязи с общеправовыми принципами равенства и справедливости); д) экономической обоснованности (целесообразности) налогообложения (состоит в том, что денежные средства, поступающие в виде налоговых доходов, должны покрывать и превышать бюджетные расходы, предусмотренные на администрирование налогов и сборов в государстве); е) недопущения двойного налогообложения (основывается на справедливом налогообложении и означает недопустимость налогообложения одного объекта налога одним и тем же налогом повторно или неоднократно за один и тот же промежуток времени); ж) баланса публичных и частных интересов.*

Детализируем наиболее существенные и важнейшие результаты научного исследования, приведя *теоретические обобщения, выводы, новые подходы к научной дискуссии по научной проблеме принципов налогового права.*

1. Некоторые принципы права (в современном их понимании) существовали еще до возникновения положительного права. Отрицание связи принципов и норм права означает вывод принципов за пределы самого права, отрицание связи общественных отношений с нормами права. Современное право пронизывает всю сферу общественных отношений, а следовательно, и все руководящие требования, предъявляемые к таким отношениям, то есть принципы. Нельзя полностью согласиться с утверждением о том, что исторически принципы права появились значительно позже других его форм. На самом деле, принципы появились в ходе эволюционирования права, его формализации; норма права, как считается, часто является писанным правилом поведения. Кроме того, существует неписаное право, в основном – обычное, что сформировалось во время практики общения между людьми на основе норм этики, морали, нравственности, взаимоуважения. Следовательно, не все правовые принципы возникли позже норм права; а принципы законодательства, напротив, возникли позже, чем нормы права, ведь право впоследствии сформировалось в законодательство, основные принципы которого целесообразно также закреплять.

2. Принципы налогообложения предшествовали возникновению принципов налогового права, ведь возникновению налогового права предшествовала экономика, в последующем и политическая. При этом постепенно производные принципы стали настолько всеохватывающими, что с точки зрения налогово-правовой науки поглотили основы налогообложения.

3. Принципы налогового права являются предметом научных исследований и научно-практических дискуссий, поскольку имеют важную теоретическую и практическую ценность. Мы можем утверждать: значение принципов налогового права состоит в том, что они: *а) отражают сущность налогового законодательства, как его части; б) выступают определенным ориентиром при становлении и развитии налогового права (данное положение подтверждается в процессе завершения реформирования налогового законодательства); в) дают возможность объяснить, разъяснить содержание налогового законодательства в целом и отдельных его норм; г) определяют характер толкования и применения норм налогового права; д) способствуют стабилизации налоговых правоотношений, нормативно ограничивая их; е) содействуют улучшению понимания налогово-правовых норм правоприменителями; ж) дают возможность определить тенденции развития налогового законодательства; з) способствуют правоприменительным органам в решении вопросов, недостаточно урегулированных нормами права; и) обеспечивают разрешение дел, возникших из отношений, не урегулированных нормами права; к) имеют воспитательное значение и играют немаловажную роль в формировании правосознания налогоплательщиков; л) ограничивают негативное усмотрение работников специальных государственно-властных органов, а также других налоговых правоприменителей; м) могут использоваться субъектами налогового правоотношения для дополнительного обоснования их позиций.*

4. В России нормативно закрепленные принципы налогообложения не обладают ярко выраженным прямым действием, их несоблюдение практически не является налоговым

правонарушением и, соответственно, отсутствует реальная судебная практика по вопросам применения и толкования правоприменителями базовых основ налогообложения. Учитывая это, компетентным органам уместно постоянно обобщать положительную практику практического применения принципов налогового права.

5. Принципы правового государства (в частности: а) неотчуждаемость прав и свобод человека и гражданина; б) наличие контроля и надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, реализацией законов; в) разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную; г) взаимная ответственность государства и лица) имеют двойную природу, поскольку они являются: 1) конституционно-правовыми принципами и одновременно конституционно-правовыми гарантиями; 2) руководящими началами в правовом регулировании налоговых отношений, складывающихся как внутри государства, так и за его пределами.

6. В условиях имущественного неравенства, социального расслоения населения даже в правовом государстве встал вопрос о справедливости налогообложения, правильном распределении налогового бремени между налогоплательщиками. Очевидно, государство должно стремиться к введению и соблюдению наиболее справедливого налогообложения. В то же время это практически невозможно, ведь само понятие «справедливость» оценочно, а следовательно, не усматривается возможность законодательно закрепить все его критерии, признаки.

7. Проблема реализации принципа экономичности налогообложения на практике – отсутствие нормативно установленных и закреплённых критериев определения экономической обоснованности и целесообразности налогообложения. Считаем целесообразным налоговым и таможенным органам совместно с Министерством финансов Российской Федерации (Минфином России) разработать соответствующий документ, возможно, стоит внести изменения в НК РФ и четко закрепить требования, предъявляемые к нововведениям в налоговой сфере. Для этого необходимо провести расчеты, чтобы выяснить, сколько государство будет примерно тратить на администрирование налога или сбора, которое планируется ввести; будет ли объект и база предлагаемого налогообложения достаточными для того, чтобы их облагать налогом, не нарушая при этом другие принципы, в частности социальной справедливости.

Пересекая финишную черту, конкретизируем, что принципы налогового права, закреплённые в налоговом законодательстве как базис налогообложения и разработанные на научном уровне, являются ориентирами в правовом регулировании налоговых отношений, основой реализации прав и законных интересов субъектов таких отношений. Конечно, закрепить на нормативно правовом уровне те или иные принципы не означает обеспечить их реализацию. Проанализировав общеправовые и специальные отраслевые принципы, можно утверждать, что в России несколько недостаточны эффективные механизмы реализации правовых принципов налогового права и реальные меры ответственности за их нарушение. Важно, чтобы принципы налогового права были практически действующими, находили непосредственную реализацию в процессе правоприменения.

Список использованной литературы:

1. Абдреев Т.И. Краснов Э.В. Принцип добросовестности в Российском праве: межотраслевой анализ. *Теория и практика общественного развития*. 2020;7(149):58–62. DOI: 10.24158/tipor.2020.7.10.
2. Абрамчик Л.Я. Реализация принципов налогового права в ходе правореализационного и правоприменительного налогового процессов. *Публично-правовое обозрение*. 2023;(2):87–93.
3. Васильева Н.В. Установление и соблюдение принципов налогового права как фактор защиты прав и законных интересов налогоплательщиков. *Baikal Research Journal*. 2023;14(3):1203–1211. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(3).1203-1211.
4. Гриценко В.В. Принципы налогового права России: современное звучание теоретико-правовых основ налогообложения. *Журнал юридических исследований*. 2020;5(4):22–33.
5. Древал Л.Н., Полякова С.А. О принципах в Российском налоговом праве. *Евразийский*

References:

1. Abdreev T.I. Krasnov E.V. [The principle of good faith in Russian law: an intersectoral analysis]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2020;7(149):58–62. DOI: 10.24158/tipor.2020.7.10. (In Russ.).
2. Abramchik L.Ya. [Implementation of the principles of tax law in the course of law enforcement and tax enforcement processes]. *Publichno-pravovoye obozreniye = Public Law Review*. 2023;(2):87–93. (In Russ.).
3. Vasilyeva N.V. [Establishment and compliance with the principles of tax law as a factor in protecting the rights and legitimate interests of taxpayers]. *Baikal Research Journal*. 2023;14(3):1203–1211. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(3).1203-1211. (In Russ.).
4. Gritsenko V.V. [Principles of tax law in Russia: modern sounding of the theoretical and legal foundations of taxation]. *Zhurnal yuridicheskikh issledovaniy = Journal of legal studies*. 2020;5(4):22–33. (In Russ.).
5. Dreval L.N., Polyakova S.A. [On the principles in Russian tax law]. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal =*

юридический журнал. 2022;6(169):244–246.

6. Журавлева О.О. Справедливость как принцип налогового права. *Союз криминалистов и криминологов*. 2022;(4):77–83. DOI: 10.31085/2310-8681-2022-4-216-77-83.

7. Лютова О.И. Принцип самостоятельности исполнения налоговой обязанности в условиях цифровизации экономики. *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2023; 1(15):99–105. DOI: 10.22394/2686-7834-2023-1-99-105.

8. Лютова О.И. Цифровая трансформация принципов налогового права. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024;2(1):163–180. DOI: 10.21202/jdtl.2024.9.

9. Напсо М.Б. Правовая конструкция налогообложения в РФ и ее принципы: новые реалии и вызовы. *Право и государство: теория и практика*. 2022;3(207):180–183. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_3_180.

10. Ядрихинский С.А. Принцип пропорциональности как инструмент достижения баланса интересов в налоговых отношениях: проблемы теории и правоприменительной практики в России и за рубежом. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021;(3):82–105. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.3.56.81.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Анатольевич Беженцев

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС)

ORCID: 0000-0002-9909-9869

AuthorID: 271235

SPIN-код: 5243-1039

Eurasian Law Journal. 2022;6(169):244–246. (In Russ.)].
6. Zhuravleva O.O. [Fairness as a Principle of Tax Law]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = Union of Criminalists and Criminologists*. 2022;(4):77–83. DOI: 10.31085/2310-8681-2022-4-216-77-83. (In Russ.)].

7. Lyutova O.I. [The principle of independence of fulfillment of tax obligations in the context of digitalization of the economy]. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya = Theoretical and applied jurisprudence*. 2023;1(15):99–105. DOI: 10.22394/2686-7834-2023-1-99-105. (In Russ.)].

8. Lyutova O.I. [Digital transformation of the principles of tax law]. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024;2(1):163–180. DOI: 10.21202/jdtl.2024.9. (In Russ.)].

9. Napso M.B. [The legal structure of taxation in the Russian Federation and its principles: new realities and challenges]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and state: theory and practice*. 2022;3(207):180–183. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_3_180. (In Russ.)].

10. Yadrikhinsky S.A. [The Principle of Proportionality as a Tool for Achieving a Balance of Interests in Tax Relations: Problems of Theory and Law Enforcement Practice in Russia and Abroad]. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2021;(3):82–105. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.3.56.81. (In Russ.)].

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Bezhentsev

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law Department of the North-West Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration" (RANEPA)

ORCID: 0000-0002-9909-9869

AuthorID: 271235

SPIN-код: 5243-1039

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-23-28>

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ НОРМЫ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Жеребцов А.Н.

ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»
(Ярославская ул., д. 128, г. Краснодар, Россия, 350005)

Ссылка для цитирования: Жеребцов А.Н. Интеграционные нормы в сфере миграции: понятие и значение для развития миграционного права Российской Федерации. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(3):23–28. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-23-28>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»

Адрес: Ярославская ул., д. 128, г. Краснодар, Россия, 350005

Тел.: +7 (918) 632-74-76

E-mail: admgan2066@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 26.08.2024

Статья принята к печати: 23.09.2024

Дата публикации: 15.10.2024

Аннотация: Целью настоящего исследования является исследование понятия и значения интеграционных норм в сфере миграции и их влияния на развитие российского миграционного права как подотрасли административного права, отмечается неразработанность концепции интеграционных норм и форм их объективизации.

В результате исследования было выявлено, что интеграционные нормы обладают комплексом специфических признаков, отличающих их от норм международного и национального права, что обусловлено самой правовой природой их возникновения и ролью, которую они выполняют в рамках достижения целей деятельности интеграционного объединения, каковым является Евразийский экономический союз.

Вывод: в результате исследования сформулировано определение понятия интеграционной нормы, рассмотрены интеграционные нормы в сфере внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза, признана их субинституциональное место в системе российского миграционного права.

Ключевые слова: интеграция, интеграционная норма, наднациональность, миграция, субинститут права, миграционное право, Евразийский экономический союз.

INTEGRATION NORMS IN THE FIELD OF MIGRATION: CONCEPT AND SIGNIFICANCE FOR THE DEVELOPMENT OF MIGRATION LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Aleksey N. Zherebtsov

FGKOU VO "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia"
(Yaroslavskaya St., 128, Krasnodar, Russia, 350005)

Link for citation: Zherebtsov A.N. Integration norms in the field of migration: concept and significance for the development of migration law of the Russian Federation. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(3):23–28. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-23-28>

CONTACT INFORMATION:

Aleksey N. Zherebtsov, Dr. of Sci. (Law), Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the FGKOU VO "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia"

Address: Yaroslavskaya St., 128, Krasnodar, Russia, 350005

Tel.: +7 (918) 632-74-76

E-mail: admgan2066@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 26.08.2024

The article has been accepted for publication: 23.09.2024

Date of publication: 15.10.2024

Annotation: The *purpose* of this study is to study the concept and significance of integration norms in the field of migration and their impact on the development of Russian migration law as a sub-branch of administrative law, there is a lack of development of the concept of integration norms and forms of their objectification.

As a *result* of the study, it was revealed that integration norms have a set of specific features that distinguish them from the norms of international and national law, which is due to the very legal nature of their occurrence and the role that they play in achieving the goals of the integration association, which is the Eurasian Economic Union.

Conclusion: as a result of the study, a definition of the integration norm was formulated, integration norms in the field of external labor migration of workers of the Eurasian Economic Union member states were considered, their subinstitutional place in the system of Russian migration law was recognized.

Keywords: integration, integration norm, supranationality, migration, sub-institute of law, migration law, Eurasian Economic Union.

Введение

Процессы экономической интеграции и обусловленные ими процессы социальной, культурной, гуманитарной и информационной интеграции являются закономерными факторами сотрудничества между народами, способствующими дальнейшему развитию различных сфер социальной системы. Эти процессы объективно затрагивают правые системы современного общества, изменяя, развивая и модернизируя правовую действительность, влияет на структуру системы действующего права и форм (источников) его нормативной объективизации. Многоаспектные интеграционные факторы не могут быть эффективными без процессов правовой интеграции как юридической (правовой) формы их обеспечения. Правовая интеграция оказывает существенное влияние на развитие правовой системы любого государства, участвующего в интеграционных процессах. Она стала тем значимым фактором, который ведет к трансформации, развитию и совершенствованию правового регулирования общественных отношений на межгосударственном и национальном уровнях, легитимирует сотрудничество государств в сферах экономики, политики, культуре и информации.

Понятие «интеграция» имеет латинское происхождение и означает: *integrum* – целое; *integratio* – восстановление, восполнение. В энциклопедических источниках интеграция понимается как: состояние связанности отдельных дифференцированных частей в целое, а также процесс, ведущий к такому состоянию¹; «... состояние связанности отдельных дифференцированных частей и функций системы, организма в целое, а также процесс, ведущий к такому состоянию»²; процесс, действие, имеющий своим результатом целостность; объединение, соединение, восстановление

¹ Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 358.

² Российский энциклопедический словарь. Книга 1. Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. С. 581.

единства¹. Основываясь на приведенных подходах, следует отметить, что данное понятие представляет собой некий *процесс объединения нормативно-правовых предписаний в определенное единство, их объединение и формирование на основе данного объединения новых норм и форм (источников) права в рамках различных систем права*. Именно такой подход к пониманию правовой интеграции, на наш взгляд, наиболее полно отражает его сущность.

Следует признать, что в настоящее время в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) весьма активно происходят процессы правовой интеграции, которые основаны на Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (ред. от 09.12.2022)². Раздел XXVI Договора о Евразийском экономическом союзе содержит комплекс норм, направленных на регулирование внешней трудовой миграции в рамках ЕАЭС для реализации цели формирования единого рынка трудовых ресурсов. При этом следует признать, что в настоящее время практически отсутствуют исследования, посвященные правовой природе интеграционных правовых норм вообще и в сфере внешней трудовой миграции, в частности. Это обстоятельство требует, на наш взгляд, восполнить данный пробел.

Методы исследования

Представленное научное исследование основывается диалектической методологии познания на стадии описания исследуемого явления, каковым является интеграционные нормы в сфере миграции, классификации и формировании понятия «интеграционная норма», ее влияние на национальное правовое регулирование внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов ЕАЭС. В проведенном исследовании использовались как многообразные общенаучные методы исследования (анализа, синтеза, системности, индукции и дедукции и т.п.), так и специально-юридические методы юридического моделирования, который позволил сформулировать и обосновать предложения по определению места интеграционных норм в системе российского миграционного права как подотрасли административного права.

Результаты исследования

Исследование проблемных аспектов понятия и значения интеграционных норм в сфере миграции для развития системы и структуры российского права и подотрасли миграционного права в частности позволяет нам сформулировать следующий подход к определению интеграционных норм в сфере миграции как международных и наднациональных правил поведения, установленных в рамках реализации полномочий институтов интеграционного объединения для формирования единого рынка трудовых ресурсов, являющихся обязательными для субъектов национальной правовой системы и подлежащих судебной защите в рамках институтов интеграционного объединения государств.

Формирование системы интеграционных норм в сфере миграции, образующих, таким образом, интеграционный субинститут миграционного права, о чем мы ранее отмечали³, создает в системе и структуре современного российского права специфические интеграционные нормативные образования, существенно изменяющие архитектуру российской правовой системы. При этом следует признать, что к созданию на межгосударственном уровне подобной системы интеграционных норм необходимо относиться с определенной долей осторожности. Беря обязательства в рамках интеграционного объединения об исполнении интеграционных норм в национальной правовой системе следует, во-первых, проследить их последствия для национальной безопасности государства, как главенствующей цели миграционной политики страны, во-вторых, сформировать единую стратегию сотрудничества государств в области создания единого рынка трудовых ресурсов в ЕАЭС, в-третьих, четко реализовывать установленные этими нормами правила привлечения и использования трудящихся-мигрантов из государств-доноров трудовой миграции.

Научная дискуссия

Представляется, что в настоящее время в связи со значительным ростом интеграционных норм в рамках ЕАЭС необходимость в их исследовании приобретает особую значимость. Интеграционные нормы в сфере миграции представляют собой специфический вид норм международного права, созданные посредством согласования воли (согласованного волеизъявления) и интересов государств. Если такое согласованное волеизъявление отсутствует, норма права, как

¹ Философский энциклопедический словарь. М.: Наука, 1997. С. 181.

² Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [сайт]. Новости; 2022 [обновлено 19 декабря 2022; процитировано 26 апреля 2024]. Доступно: <http://www.eurasiancommission.org/>.

³ См.: Жеребцов А.Н., Малышев Е.А. Миграционное право России: учебник. М.: Юрайт, 2019. С. 43.

модель желаемого поведения, имеет внутригосударственный характер¹. Интеграционная норма международного права, как и любая иная норма международного права, может быть создана исключительно субъектом международного права, обладающим первичной международной правосубъектностью. Эти базовые положения, в конечном счете, позволяют отделить интеграционные нормы от норм национального права и норм, принятых институциональными образованиями международных межправительственных организаций [7, с. 168–169]. Более того, Г.М. Вельяминов справедливо отмечает положение о том, что международные организации и их институты не обладают правообразующей волей [2, с. 79]. Современные попытки формирования международных отношений, основанных на «международных правилах», происходящее через легитимацию поведенческих установок, формулируемых институтами, подконтрольными либеральной (троцкистской) идеологии, международных межправительственных организаций, позволяют вводить в систему международного права «псевдоинтеграционные нормы». Этот процесс позволяет подменить истинную правовую природу интеграционных норм симулякрами их международно-правовой легитимности. Этот процесс мы наблюдаем в настоящее время. Между тем, следует признать, что такого рода нормы международных организаций не имеют и не имели ни когда интеграционного значения. Эти обстоятельства требуют анализа понятия «интеграционная норма» и эта норма, безусловно, является нормой международного права.

Интеграционные нормы в сфере миграции возникли, по нашему мнению, с момента заключения Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС). Они содержатся, как ранее отмечалось, в гл. XXVI указанного договора. Малоизученность этих правил поведения требует необходимым определить с их особенностями, что, в конечном счете, даст возможным сформулировать специфику их правовой природы и значения в механизме административно-правового регулирования миграционных отношений. Таковыми особенными признаками интеграционных норм в сфере миграции выступают:

1. Интеграционная норма является нормой права, созданная посредством согласования воли и интересов государств в рамках институтов международной межправительственной организации, наделенных учредительным актом признаком наднациональности. В соответствии со ст. 6 Договора о ЕАЭС решения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета подлежат исполнению государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством, т.е. посредством гармонизации и унификации правового регулирования общественных отношений, создания национальных правовых механизмов осуществления указанных норм. Одновременно в соответствии с п. 13 Приложения № 1 к Договору о ЕАЭС «Положение о Евразийской экономической комиссии» Комиссия в пределах своих полномочий принимает решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств-членов. Приведенное позволяет выделить три вида объективизации интеграционных норм, во-первых, это нормы, находящие свое выражение в Договоре о ЕАЭС, международных договорах, заключенных в рамках ЕАЭС и международных договорах ЕАЭС с третьей стороной (нормы международного интеграционного права), во-вторых, решения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором о ЕАЭС и международными договорами, заключенными в рамках ЕАЭС (нормы внутреннего интеграционного права ЕАЭС), в-третьих, решения Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором о ЕАЭС и международными договорами, заключенными в рамках ЕАЭС (наднациональные интеграционные нормы ЕАЭС). Как мы видим эти формы объективизации интеграционных норм в своей совокупности образуют право ЕАЭС (ст. 6 Договора о ЕАЭС).

2. Наднациональный признак интеграционных норм (наднационализм норм интеграционного права): этот признак заключается в обязательности норм международного права для субъекта национального права, которому она адресована. Данная обязательность интегративных норм вытекает из части той суверенной воли государства, которые оно передает международному интеграционному объединению. В этой связи Т.Н. Нешатаева пишет: «Государства, создающие организацию нового типа (интеграционное международное объединение – отм. автором), передают международному органу свои суверенные функции, затрагивающие само ядро властных полномочий по управлению территорией, населением и взаимоотношениями с другими акторами международной

¹ Международное право: учебник / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов и др.; отв. ред. С.А. Егоров. М.: Статут, 2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

жизни» [8, с. 244]. В международно-правовой науке под наднациональностью понимается как общеобязательность, верховенство и прямое действие норм межгосударственных объединений на территории государств-участников этого объединения [1, с. 11] или «как способ организации и деятельности межгосударственного объединения, в рамках которого оно приобретает определенную степень независимости и наделяется внутригосударственными полномочиями в целях международно-правовой интеграции его государств-членов при соблюдении баланса внутригосударственных и международных начал в процессе функционирования такого объединения» [3, с. 12]. Приведенные подходы к определению наднациональности характеризуются, во-первых, как качественная характеристика норм, исходящих от интеграционного объединения, во-вторых, как способ организации и деятельности интеграционного объединения. Думается, что эти две характеристики наднациональности уместно объединить и понимать ее как способ организации и деятельности интеграционного объединения и наделения его право создавать общеобязательные интеграционные нормы.

3. Интеграционная норма создается для достижения единых целей интеграционного объединения. В контексте нашего исследования и в соответствии со ст. 4 Договора о ЕАЭС такой целью выступает формирование единого рынка трудовых ресурсов в рамках ЕАЭС. Иначе интеграционные нормы регламентируют внешнюю трудовую миграцию в рамках интеграционного объединения государств ЕАЭС. Такие нормы в настоящее время содержатся, как ранее отмечалось, в разд. XXVI Договора о Евразийском экономическом союзе. Они формируют интеграционный субинститут внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов ЕАЭС в рамках административно-правовой подотрасли миграционное право РФ [6, с. 129–130; 5, с. 117–126].

4. Интеграционные нормы создаются в рамках реализации полномочий институтов интеграционного объединения. Созданные в рамках ЕАЭС такие институты как Высший Евразийский экономический совет, Евразийская межправительственный совет и Евразийская экономическая комиссия наделяются правотворческой компетенцией по созданию права ЕАЭС (ст. 6 Договора о ЕАЭС). При этом формируя право ЕАЭС, указанные институты создают интеграционные нормы, обличенные в формы (источники) права ЕАЭС.

5. Интеграционные нормы подлежат судебной защите или могут быть подвергнуты проверке на предмет соответствия Договору о ЕАЭС в соответствии с компетенцией Суда ЕАЭС, определенной в гл. IV Приложения № 2 к Договору о ЕАЭС «Статут Суда ЕАЭС».

Формирование в рамках права ЕАЭС системы интеграционных норм оказывает значительное влияние на национальные правовые системы государств-членов интеграционного объединения. Не обошло это влияние и сферу миграционно-правовых отношений с участием трудящихся-мигрантов из стран ЕАЭС. Для Российской Федерации актуальным является использование труда иностранных работников из Республик Кыргызстан и Армении как стран-доноров трудовых ресурсов [6, с. 10–11]. При всем при этом, закрепление в рамках ст. 96 – 98 разд. XXVI Договора о ЕАЭС системы интеграционных норм в сфере трудовой миграции формирует специальный миграционно-правовой режим управления внешней трудовой миграцией населения [4, с. 79–81]. В соответствии с ч. 1 ст. 96 Договора о ЕАЭС государства-члены договариваются осуществлять сотрудничество по согласованию политики в сфере регулирования трудовой миграции в рамках Союза, а также по оказанию содействия организованному набору и привлечению трудящихся государств-членов для осуществления ими трудовой деятельности в государствах-членах, т.е. в качестве целеполагания для указанного специального миграционного режима выступает: во-первых, согласованная политики стран ЕАЭС в сфере внешней трудовой миграции; во-вторых, оказание содействия странам-реципиентам трудовых мигрантов в организованном наборе и привлечении трудящихся для осуществления ими трудовой деятельности в этих странах. Следует отметить, что ни первая, ни вторая целеустановка до настоящего времени не реализована. Вместо этого активно реализуются льготные положения ст. 97 Договора о ЕАЭС и в частности: 1) прием трудящихся государств-членов ЕАЭС без учета национальных законодательных ограничений по защите национального рынка труда; 2) признание документов об образовании без проведения установленных законодательством государства трудоустройства процедур их признания; 3) уведомление об изменении цели въезда без выезда за пределы государства трудоустройства, если для осуществления трудовой деятельности необходимо изменить цель пребывания в государстве трудоустройства; 4) граждане государства-члена ЕАЭС, прибывшие в целях осуществления трудовой деятельности или трудоустройства на территорию другого государства-члена ЕАЭС, и члены семей освобождаются от обязанности регистрации (проходить миграционный учет) в течение 30 суток с даты въезда; 5) при досрочном

расторжении трудового (или гражданско-правового) договора после истечения 90 суток с даты въезда на территорию государства трудоустройства трудящийся государства-члена ЕАЭС имеет право без выезда с территории государства трудоустройства в течение 15 дней заключить новый трудовой (или гражданско-правовой) договор.

Приведенные положения дают основание говорить о специфическом подходе государств-членов ЕАЭС к реализации положений норм интеграционного права в сфере внешней трудовой миграции, что, в конечном счете, порождает комплекс проблем управления миграционными процессами на национальном уровне в государствах-реципиентах трудящихся-мигрантов.

Список использованной литературы:

1. Безбородов Ю.С. Наднациональность, суверенитет и конвергенция: соотношение правовых категорий. *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. 2017;(1):5–17.
2. Вельямонов Г.М. Международная правосубъектность. Советский ежегодник международного права. 1986 = Soviet year-book of international law. 1986. Советская Ассоциация международного права. М.: Наука; 1987.
3. Гаврилов В.В., Даньшов В.Э. Содержание категории «наднациональность» в современной международно-правовой доктрине. *Московский журнал международного права*. 2019;(3):6–13.
4. Жеребцов А.Н. Миграционно-правовые режимы: понятие и виды. *Современное право*. 2008;(1):79–81.
5. Жеребцов А.Н. Правовая интеграция как фактор дальнейшего развития системы отрасли административного права: монография. Краснодар: КрУ МВД России; 2022.
6. Жеребцов А.Н., Натхо Р.М. Проблемы унификации законодательства государств-членов Евразийского экономического союза в области трудовой миграции населения: монография. Краснодар: КрУ МВД России; 2021.
7. Маргиев В.И. Международные организации (теоретические аспекты): монография. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея»; 2001.
8. Нешатаева Т.Н. Интеграция и наднационализм. *Вестник Пермского университета*. 2014;2(24):243–248.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жеребцов Алексей Николаевич

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»
ORCID: 0000-0002-7392-279X
Author ID: 681537

References:

1. Bezborodov Yu.S. [Supranationality, Sovereignty and Convergence: Correlation of Legal Categories]. *Electronic Appendix to the Russian Law Journal*. 2017;(1):5–17. (In Russ.)]
2. Velyaminov G.M. [International legal personality]. The Soviet Yearbook of International Law. 1986 = Soviet yearbook of international law. 1986. The Soviet Association of International Law. Moscow: Nauka; 1987. (In Russ.)]
3. Gavrilov V.V., Danshov V.E. [The content of the category «supranationality» in modern international legal doctrine]. *Moscow Journal of International Law*. 2019;(3):6–13. (In Russ.)]
4. Zherebtsov A.N. [Migration and legal regimes: concept and types]. *Modern law*. 2008;(1):79–81. (In Russ.)]
5. Zherebtsov A.N. [Legal integration as a factor in the further development of the administrative law industry system]. Krasnodar: KrU of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2022. (In Russ.)]
6. Zherebtsov A.N., Natkho R.M. [Problems of unification of the laws of the member states of the Eurasian Economic Union in the field of labor migration of the population]. Krasnodar: KrU of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2021. (In Russ.)]
7. Margiev V.I. [International organizations (theoretical aspects)]. Maykop: GURIPP «Adygea»; 2001. (In Russ.)]
8. Neshataeva T.N. [Integration and supranationalism]. *Bulletin of Perm University*. 2014;2(24):243–248. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey N. Zherebtsov

Dr. of Sci. (Law), Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the FGKOU VO "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia"
ORCID: 0000-0002-7392-279X
Author ID: 681537

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-29-35>

АДМИНИСТРИРОВАНИЕ НАЛОГОВЫХ ЛЬГОТ НАЛОГОВЫМИ ОРГАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цорионов В.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Цорионов В.В. Администрирование налоговых льгот налоговыми органами Российской Федерации. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(3):29–35. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-29-35>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Цорионов Валерий Владимирович, начальник отдела № 3 Управления экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по Краснодарскому краю; соискатель кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (909) 444-31-22

E-mail: zorionow@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 27.08.2024

Статья принята к печати: 26.09.2024

Дата публикации: 15.10.2024

Аннотация: Налоговые органы выступают основными проводниками фискальной функции современного государства. Реализуя свои полномочия, они способствуют экономическому и социальному развитию публично-правовых образований, профилактируют, выявляют и пресекают налоговые правонарушения, а также участвуют в обеспечении баланса публичных и частных интересов, в том числе в процессе администрирования разнообразных налоговых льгот.

Цель исследования заключается в определении содержания полномочий Федеральной налоговой службы России и ее территориальных подразделений в сфере администрирования налоговых льгот на современном тапе развития налогового законодательства.

Основными *методами* исследования стали общенаучные методы познания (анализ и синтез, обобщение и аналогия), философский метод диалектического познания, специальные методы технико-юридического и сравнительно-правового анализа.

В результате исследования было установлено, что администрирование налоговых льгот Федеральной налоговой службой России и ее территориальными подразделениями включает в себя: 1) полномочия по администрированию введения льгот органами государственной власти и местного самоуправления; 2) полномочия по администрированию реализации принадлежащего налогоплательщикам права на льготы. В своей совокупности указанные группы полномочий направлены на обеспечение баланса частных и публичных интересов при формировании централизованных фондов государства и его территорий.

Ключевые слова: налоговые органы, Федеральная налоговая служба России, администрирование налоговых льгот, полномочия налоговых органов, налоговые льготы, налоговые расходы, налоговый контроль.

ADMINISTRATION OF TAX BENEFITS BY THE TAX AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Valery V. Tsorionov
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Tsorionov V.V. Administration of tax benefits by the tax authorities of the Russian Federation. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(3):29–35. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-29-35>

CONTACT INFORMATION:

Valery V. Tsorionov, Head of Department No. 3 of the Department of Economic Security and Anti-Corruption of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Krasnodar region; applicant for the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (909) 444-31-22

E-mail: zorionow@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 27.08.2024

The article has been accepted for publication: 26.09.2024

Date of publication: 15.10.2024

Annotation: Tax authorities act as the main conductors of the fiscal function of the modern state. Realizing their powers, they contribute to the economic and social development of public and legal entities, prevent, detect and suppress tax offenses, as well as participate in ensuring the balance of public and private interests, including in the process of administration of various tax benefits.

The *purpose* of the study is to determine the content of the powers of the Federal Tax Service of Russia and its territorial subdivisions in the administration of tax benefits at the current stage of development of tax legislation.

The main *methods* of research were general scientific methods of cognition (analysis and synthesis, generalization and analogy), philosophical method of dialectical cognition, special methods of technical-legal and comparative-legal analysis.

As a *result* of the study, it was established that the administration of tax benefits by the Federal Tax Service of Russia and its territorial bodies includes: 1) powers to administer the introduction of benefits by state authorities and local governments; 2) powers to administer the realization of the right to benefits belonging to taxpayers. In their totality, these groups of powers are aimed at ensuring the balance of private and public interests in the formation of centralized funds of the state and its territories.

Keywords: tax authorities, Federal Tax Service of Russia, powers of tax authorities, tax administration, tax benefits, tax expenses, tax control.

Введение

Современный период развития России характеризуется активной трансформацией ее экономической системы, во многом обусловленной сложной геополитической и макроэкономической обстановкой. Изменения в экономике страны требуют незамедлительной реакции аппарата государственного управления для обеспечения тонкой настройки механизма правового регулирования, потому как «Экономически эффективное право создает условия, когда можно доступно и гарантированно с минимальными затратами получить результат от экономической деятельности» [3, с. 30].

Исследования структуры федерального бюджета Российской Федерации за 2017–2023 годы свидетельствуют о том, что налоги как были, так и остаются ключевым доходным источником

государства¹. Данный факт обязывает администраторов бюджетных доходов, прежде всего – налоговые органы, использовать весь комплекс мероприятий, направленных на поддержание стабильного уровня наполняемости бюджета. Многие из этих мероприятий претерпели в последние годы существенные качественные изменения, обусловленные процессами цифровизации и участия населения в процессах бюджетирования [6].

Наиболее эффективным методом воздействия и формой реализации полномочий налоговых органов является *налоговое администрирование*, которое в научной и учебной литературе рассматривают в единстве двух аспектов: «организации налогового контроля (более узкое понимание) и управления налоговой системой государства (более широкое понимание)»².

Методы исследования

Основными методами исследования стали общенаучные методы познания (анализ и синтез, обобщение и аналогия), философский метод диалектического познания, специальные методы технико-юридического и сравнительно-правового анализа, которые в своей совокупности позволили установить особенности осуществления налоговыми органами контроля применения налоговых льгот и выявить содержание управленческих полномочий Федеральной налоговой службы.

Результаты исследования

Результаты проведенного исследования заключаются в следующем.

1. Государство, являясь единственным субъектом, обладающим правом устанавливать налог, выступает и тем единственным субъектом, который имеет право требовать его уплаты. Таким образом, важно понимать, что налоговый орган функционирует в налоговом правоотношении не от своего имени, а от имени государства, обладающего юрисдикционными полномочиями. Ряд авторов определяют указанную ситуацию как реализацию налоговым органом своей специальной правосубъектности и, соответственно, компетенции в налоговом правоотношении [2, с. 51–52].

2. Одним из элементов правосубъектности налоговых органов выступает *администрирование налоговых льгот*, которое, в совокупности с перечисленными процессами, является важной гарантией достижения соблюдения баланса интересов всех участников налоговых правоотношений и обеспечивает соблюдение принципов налогообложения [1, с. 108].

3. Отсутствие в законодательстве упорядоченной системы преференций, перманентные попытки недобросовестной налоговой оптимизации, а также появление льгот «нового образца» [4] существенно осложняют контроль законности их использования. Задача налоговых органов в такой непростой ситуации заключается в создании контролируемой среды и недопущении злоупотребления правами со стороны фискально-обязанных субъектов.

4. В зависимости от функциональной направленности полномочия Федеральной налоговой службы и ее территориальных подразделений по администрированию налоговых льгот предлагается рассматривать в единстве узкого (контрольного) и широкого (управленческого) подходов как совокупность полномочий по администрированию введения льгот органами государственной власти и местного самоуправления, и полномочий по администрированию реализации принадлежащего налогоплательщикам права на льготы, осуществляемые посредством мероприятий налогового учета и налогового контроля.

Научная дискуссия

В соответствии с законодательным определением, сущность функционирования налоговых органов состоит в контроле за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты (перечисления) в бюджетную систему Российской Федерации налогов, сборов и страховых взносов, соответствующих пеней, штрафов, процентов³. Применительно к налоговым льготам налоговые органы проводят работу по выявлению фактов формирования налогоплательщиками искусственного документооборота и создания видимости соблюдения условий получения налоговой льготы.

¹ См., например: Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2022 год [сайт]. Министерство финансов Российской Федерации; 2024 [обновлено 10 февраля 2023; процитировано 21 июля 2024]. Доступно: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/08/main/Illustrirovannoe_izdanie_za_2022_god.pdf.

² Налоговое администрирование: учебник / под общ. ред. Л.И. Гончаренко. М.: ИНФРА-М, 2023. С. 9.

³ О налоговых органах Российской Федерации: Закон РФ от 21.03.1991 № 943-1 (ред. от 28.12.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Так, например, в последнее время участились случаи незаконного использования права на получение социальных налоговых вычетов в сумме, якобы уплаченной в налоговом периоде за услуги по лечению, предоставленные налогоплательщику медицинскими учреждениями Российской Федерации, в том числе по дорогостоящим видам лечения [5]. Реализация налоговыми органами своих контрольных полномочий по данному направлению позволяет противостоять правонарушениям при выполнении социальных задач, предусмотренных государственной программой «Развитие здравоохранения».

Осуществляя налоговый контроль, налоговые органы также препятствуют нарушениям при использовании налоговых инструментов социальной поддержки в процессе осуществления благотворительной деятельности, предоставлении услуг санаторно-курортных, оздоровительных организаций и организаций отдыха взрослого населения и детей. Налоговые проверки в данном случае требуют кропотливой работы, направленной на сбор доказательств, позволяющих достоверно установить действительный характер деятельности хозяйствующих субъектов и сущность оказываемых ими услуг.

В качестве примера приведем кейс, предметом которого выступил спор ООО «Сочинский оздоровительный комплекс «Спутник» с налоговым органом, завершившийся принятием постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29 сентября 2023 г. по делу № А32-4375/2022¹.

Судом кассационной инстанции была дана надлежащая оценка доказательствам, представленным налоговыми органами о необоснованности применения организацией налоговой льготы, указанной в подпункте 18 пункта 3 статьи 149 Налогового кодекса РФ, предусматривающей освобождение от налогообложения по НДС при оказании услуг санаторно-курортных, оздоровительных организаций и организаций отдыха, организаций отдыха и оздоровления детей. В ходе налоговой проверки инспекцией было установлено, что налогоплательщиком в проверяемый период заявлено оказание, освобождаемых от налогообложения по правилам указанной статьи, услуг питания и проживания спортивных команд на период проведения спортивных мероприятий. Однако налоговыми органами добыты неоспоримые доказательства того, что спортивные команды заселялись фактически в целях гостиничного размещения на период проведения спортивных мероприятий, а не в целях получения курса лечения и плана получения медицинских процедур. Налоговый орган в ходе проверки абсолютно, верно, интерпретировал сущность оказываемых налогоплательщиком услуг, четко разделяя гостиничные услуги и услуги, которые в соответствии с Перечнем налоговых расходов Российской Федерации (по состоянию на 13 ноября 2023 г.)² реализуются в рамках государственной программы по социальной поддержке граждан и программы развития образования.

Налоговое администрирование позволяет бороться с таким распространенным способом злоупотребления правами налогоплательщиков, как «фиктивная миграция» налогоплательщиков. Данное явление проявляется в перемещении налогоплательщика в регионы с более низкой налоговой нагрузкой (пониженные налоговые ставки при использовании упрощенной системы налогообложения в субъектах РФ и др.) с целью создания искусственной видимости законности и обоснованности использования налоговых льгот.

Отметим, что на практике бывает достаточно сложно, а порой и практически невозможно исключить необоснованную перемену места регистрации хозяйствующего субъекта и отказать в проведении регистрационных действий. По сути, в настоящее время у налоговых органов имеется единственный инструмент для борьбы с незаконной миграцией субъектов предпринимательской деятельности. Речь идет о пп. «р» п. 1 статьи 23 Федерального закона от 08 августа 2001 г. №129-ФЗ

¹ Постановление арбитражного суда кассационной инстанции (Арбитражный суд Северо-Кавказского округа) по делу № А32-4375/2022 от 29.09.2023 [сайт]. Электронное правосудие; 2024 [обновлено 29 сентября 2023; процитировано 02 августа 2024]. Доступно: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4f6811e8-c4a4-4e1b-b19f-58b583b51205/493d6e0b-517c-4471-8044-2462f63dc561/A32-4375-2022_20230929_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

² Перечень налоговых расходов Российской Федерации (по состоянию на 13.11.2023) [сайт]. Министерство финансов Российской Федерации; 2024 [обновлено 13 ноября 2023; процитировано 02 августа 2024]. Доступно: https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/raskhod/rf?id_65=302571-perechen_nalogovykh_raskhodov_rossiiskoi_federatsii_po_sostoyaniyu_na_13.11.2023.

«О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»¹, которым предусмотрено право налогового органа при наличии подтвержденной информации о недостоверности сведений об адресе организации отказать в регистрации. При этом, однако, налоговый орган не имеет закононо установленной возможности производить оценку действий руководства и собственников организации, принявших решение о перерегистрации в более выгодный с позиции налоговой нагрузки регион, на предмет наличия разумной деловой цели такой миграции. Полагаем, что данная ситуация нуждается в правовом урегулировании путем корректировки налогового законодательства.

В целом, можно заключить, что налоговые органы Российской Федерации, являясь носителями полномочий по администрированию реализации налогоплательщиками права на налоговые льготы, реализуют их посредством мероприятий налогового учета и налогового контроля.

Помимо собственно налогового контроля, важным направлением администрирования налоговых льгот выступает помощь ФНС России, Министерству финансов России, оказываемая службой в процессе разработки аналитической платформы «Эффективность льгот». Давая в апреле 2022 года оценку деятельности ФНС России в этой части, А.В. Сазанов отметил, что в указанной аналитической системе «...будет создана возможность проводить системную автоматизированную оценку эффективности инвестиционных льгот и преференциальных налоговых режимов. Создаваемый продукт позволит оперативно оценивать влияние льгот на результаты деятельности как отдельно взятых предприятий, так и отраслей в целом».

На основе информации, собранной и структурированной ФНС России, Правительством РФ принимаются решения о необходимых изменениях и осуществляется настройка законодательства, в том числе в части поддержки бизнеса².

Существенным для раскрытия полномочий ФНС является взаимодействие Министерства финансов России и Федеральной налоговой службы на уровне аналитических подразделений, которое позволяет заложить основу для точного прогнозирования доходов и расходов централизованных бюджетных фондов. Как отмечает директор Департамента доходов Минфина России Е.В. Лебединская, «С учетом повышенного уровня неопределенности, перед аналитическими подразделениями стоят задачи подготовки прогнозов налоговых поступлений в различных вариантах с учетом возможных рисков, оперативного мониторинга изменяющихся тенденций. Это требует от сотрудников нового уровня самоотдачи и тесного взаимодействия как с налогоплательщиками, так и с финансовыми органами регионов, с Минфином»³.

Рассмотренное направление деятельности ФНС России иллюстрирует управленческий характер администрирования налоговых льгот, решение о введении которых соответствующими уровнями государственной власти и местного самоуправления должно быть фискально-обоснованным и отвечать целям социально-экономического развития территории.

Задачи налоговых органов в сфере администрирования налоговых преференций определены достаточно масштабно. Программными документами, определяющими вектор развития налоговых органов в указанной сфере, являются ведомственные приказы, утвердившие Стратегическую карту ФНС России на 2021–2023 годы⁴, а также Миссию и политику ФНС России в области качества на 2023–2026 годы⁵. В частности, планируется развитие использования инструментов анализа в системе «Эффективность льгот» за счет увеличения источников данных по неналоговым мерам поддержки,

¹ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Алексей Сазанов: ФНС России собирает ключевые аналитические данные для принятия решений о необходимой настройке законодательства и мер поддержки [сайт]. Министерство финансов Российской Федерации; 2024 [обновлено 28 апреля 2022; процитировано 02 августа 2024]. Доступно: https://minfin.gov.ru/press-center/?id_4=37898-aleksei_sazanov_fns_rossii_sobiraet_klyuchevye_analiticheskie_dannye_dlya_prinyatiya_reshenii_o_nyeobkhodimoi_nastroike_zakonodatelstva_i_mer_podderzhki.

³ Елена Лебединская: работа ФНС России играет ключевую роль в принятии оперативных решений для экономики и бюджета страны [сайт]. Министерство финансов Российской Федерации; 2024 [обновлено 21 июля 2024; процитировано 02 августа 2024]. Доступно: https://minfin.gov.ru/press-center/?id_4=37901.

⁴ Об утверждении Стратегической карты ФНС России на 2021–2023 годы: Приказ ФНС России от 05.03.2021 № ЕД-7-1/173@ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Об утверждении Миссии ФНС России и Политики ФНС России в области качества на 2023–2026 годы: Приказ ФНС России от 07.04.2023 № ЕД-7-19/232@ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

субсидиям и т.д., а также расширение функционала проекта «Налоговые расходы» с интеграцией данных Федеральной таможенной службы России¹. Результатом проведения мероприятий по упорядочению данной сферы общественных правоотношений должны стать: 1) систематизация налоговых льгот и преференций; 2) создание действенного механизма оценки эффективности налоговых расходов; 3) минимизация пробелов законодательного регулирования.

Как видим, основные полномочия налоговых органов (непосредственно – ФНС России) в данной сфере сориентированы на *администрирование обоснованности введения налоговых льгот* и предполагают прежде всего максимально корректное ведение статистической налоговой отчетности и надлежащее информационное взаимодействие, с целью недопущения фактов искажения сведений о численности плательщиков, как уже воспользовавшихся налоговой льготой, так и потенциальных «налоговых льготников». При этом общей тенденцией для налоговых органов, как, впрочем, и для всей ветви исполнительной власти, является расширение компетенции и в традиционных сферах (налоговый учет, налоговый контроль), и в новых областях функционирования (налоговый мониторинг, валютный контроль).

Итак, администрирование налоговых льгот является важным элементом специальной правосубъектности налоговых органов. Проведенное исследование позволяет выделить две группы полномочий налоговых органов, которые отражают и управленческую, и контрольную сущность налогового администрирования. Первая группа – это полномочия по *администрированию введения льгот органами государственной власти и местного самоуправления*, осуществляемые ФНС в тесном взаимодействии с Министерством финансов России. Вторая группа – *администрирование реализации права на льготы*, осуществляемое налоговыми органами посредством мероприятий налогового учета и налогового контроля. В совокупности полномочия обеих групп направлены на достижение единой цели – обеспечить государству и его территориям количественные и качественные параметры формирования централизованных фондов публично-правовых образований.

Список использованной литературы:

1. Вершило Т.А. Налоговые расходы публично-правового образования как средство эффективного управления расходами бюджетов бюджетной системы в условиях становления цифровой экономики (правовой аспект). *Правовое государство: теория и практика*. 2019;3(57):107–113.
2. Карасева М.В. Компетенция налогового органа: структура и вопросы развития. *Российский журнал правовых исследований*. 2022;9(2):49–55. DOI: 10.17816/RJLS106750.
3. Момотов В.В. Экономическая эффективность права как цель правового регулирования. *Журнал российского права*. 2022;26(1):29–35. DOI: 10.12737/jrl.2022.003.
4. Тимофеев С.В. Налоговые льготы в Российской Федерации: проблемы и недостатки. *Налоги*. 2023;(2):14–17. DOI: 10.18572/1999-4796-2023-2-14-17.
5. Удалов М.И., Шибалова М.А. Актуальные схемы мошенничества при получении налогового вычета и способы противодействия им. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2021;4(141):153–159. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-4-153-159.
6. Bochkareva E., Kurdyuk P., Voronenko E. and Farikova E. Impact of Digital Tools and Technologies on The Effectiveness of Financial Control. *Nexo Scientific Journal*. 2023;36(02):199–207. DOI: 10.5377/nexo.v36i02.16063.

References:

1. Vershilo T.A. [Tax expenditures of public legal education as a means of effective budget management of the budgetary system in the context of the formation of the digital economy (legal aspect)]. *The rule of law: theory and practice*. 2019;3(57):107–113. (In Russ.)
2. Karaseva M.V. [Competence of the tax authority: structure and development issues]. *Russian Journal of Legal Studies*. 2022;9(2):49–55. DOI: 10.17816/RJLS106750. (In Russ.)
3. Momotov V.V. [Economic efficiency of law as a goal of legal regulation]. *Journal of Russian Law*. 2022;26(1):29–35. DOI: 10.12737/jrl.2022.003. (In Russ.)
4. Timofeev S.V. [Tax benefits in the Russian Federation: problems and disadvantages]. *Taxes*. 2023;(2):14–17. DOI: 10.18572/1999-4796-2023-2-14-17. (In Russ.)
5. Udalov M.I., Shibalova M.A. [Actual schemes of fraud in obtaining a tax deduction and ways to counteract them]. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2021;4(141):153–159. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-4-153-159. (In Russ.)
6. Bochkareva E., Kurdyuk P., Voronenko E. and Farikova E. Impact of Digital Tools and Technologies on The Effectiveness of Financial Control. *Nexo Scientific Journal*. 2023;36(02):199–207. DOI: 10.5377/nexo.v36i02.16063.

¹ Задачи ФНС России, которые обозначил Статс-секретарь – замминистра финансов Алексей Сазанов на расширенном заседании коллегии службы [сайт]. Министерство финансов Российской Федерации; 2024 [обновлено 25 сентября 2023; процитировано 02 августа 2024]. Доступно: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38675.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цорионов Валерий Владимирович

начальник отдела № 3 Управления экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по Краснодарскому краю; соискатель кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8253-9844>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valery V. Tsorionov

Head of Department No. 3 of the Department of Economic Security and Anti-Corruption of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Krasnodar region; applicant for the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8253-9844>

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-36-43>

НАСЛЕДОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Елисева И.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Елисева И.А. Наследование земельных участков по законодательству Российской Федерации и зарубежных государств: сравнительно-правовой анализ. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(3):36–43. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-36-43>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Елисева Инга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 320-44-16

E-mail: inucia@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 19.08.2024

Статья принята к печати: 17.09.2024

Дата публикации: 15.10.2024

Аннотация: Целями настоящей статьи является исследование особенностей наследования земельных участков в Российской Федерации, а также проведение сравнительного анализа наследования земельных участков в отечественном законодательстве и законодательстве зарубежных стран. Это представляется важным для совершенствования российского законодательства, регулирующего указанные общественные отношения.

Для достижения указанных целей в качестве *задач* представляется необходимым изучить российскую научную доктрину о наследовании земельных участков, действующее российское законодательство, провести сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства в данной области, выявить недостатки и позитивный опыт законодательного регулирования наследственных земельных отношений в Российской Федерации и зарубежных государствах.

Цель и задачи работы определили *методологию* настоящего исследования, в основу которой положен ряд методов, в частности: сравнительно-правовой, формально-логический, диалектический метод познания общественных явлений и процессов.

В результате проведенного исследования автором сформулирован ряд выводов, а также некоторые рекомендации относительно совершенствования российского законодательства в данной сфере. В частности, обоснованным представляется положение, установленное в законодательстве стран германской группы, согласно которому завещатель не имеет права произвольно завещать свое земельное имущество (земельный участок и недвижимость, находящуюся на нем). Имущество должно переходить к одному из наследников умершего, а остальные имеют право требования имущественной компенсации от наследника. Если это земельный участок сельскохозяйственного

назначения, то при выборе наследника необходимо использовать следующие критерии: наследник должен быть тесно связан с ведением хозяйства на нем, иметь соответствующую квалификацию, опыт работы в сельском хозяйстве и возможность эффективно вести хозяйство. Привлекательным с этой точки зрения представляется и французский принцип «преференциальной оценки сельскохозяйственных угодий», согласно которому судом должен быть избран самый квалифицированный среди всех наследник. При этом выплата остальным сонаследникам материальной компенсации ложится на хозяйство финансовым бременем, но ее срок во французском законодательстве длительный (десять лет). Предлагаем внести в российское законодательство соответствующие изменения, увеличив срок выплаты соответствующей компенсации по крайней мере до трех лет.

Таким образом, рекомендуем внести в российское законодательство некоторые новеллы с учетом зарубежного опыта регулирования наследственных земельных отношений, что, как представляется, будет способствовать улучшению правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: земельный участок, наследование земельных участков, наследодатель, наследник, правопреемство, право собственности на земельный участок, раздел земельного участка, крестьянское (фермерское) хозяйство.

INHERITANCE OF LAND PLOTS ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Inga A. Eliseeva

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Eliseeva I.A. Inheritance of land plots according to the legislation of the Russian Federation and foreign countries: Comparative Legal Analysis. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(3):36–43. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-36-43>

CONTACT INFORMATION:

Inga A. Eliseeva, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Gavrilova str., 62, sq. 20, Krasnodar, Russia, 350020

Tel.: +7 (918) 320-44-16

E-mail: inucia@mail.ru

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 19.08.2024

The article has been accepted for publication: 17.09.2024

Date of publication: 15.10.2024

Annotation: The *purpose* of this article is to study the features of inheritance of land plots in the Russian Federation, as well as to conduct a comparative analysis of inheritance of land plots in domestic legislation and legislation of foreign countries. This is important for improving Russian legislation regulating these public relations.

In order to achieve these goals, it seems necessary to study the Russian scientific doctrine on inheritance of land plots, the current Russian legislation, conduct a comparative analysis of Russian and foreign legislation in this area, identify shortcomings and positive experience in the legislative regulation of hereditary land relations in the Russian Federation and foreign countries.

The *purpose* and *objectives* of the work determined the methodology of this study, which is based on a number of methods, in particular: comparative legal, formal logical, dialectical method of cognition of social phenomena and processes.

As a *result* of the conducted research, the author has formulated a number of conclusions, as well as some recommendations regarding the improvement of Russian legislation in this area. In particular, the provision established in the legislation of the countries of the German group, according to which the testator does not have the right to arbitrarily bequeath his land property (land and real estate located on it), seems justified. The property must pass to one of the heirs of the deceased, and the rest have the right to claim property compensation from the heir. If this is an agricultural land plot, then the following criteria must be used when choosing an heir: the heir must be closely associated with farming on it, have appropriate qualifications, work experience in agriculture and the ability to effectively farm. From this point of view, the French principle of «preferential valuation of agricultural land» is also attractive, according to which the court must elect the most qualified heir among all. At the same time, the payment of financial compensation to the remaining co-heirs places a financial burden on the farm, but its term in French law is long (ten years). We propose to amend the Russian legislation accordingly, increasing the period of payment of appropriate compensation to at least three years.

Thus, we recommend introducing some novelties into Russian legislation, taking into account foreign experience in regulating hereditary land relations, which, it seems, will contribute to improving legal regulation in this area.

Keywords: land plot, inheritance of land plots, testator, heir, succession, ownership of a land plot, division of a land plot, peasant (farm) economy.

Введение

Вопросы наследственного правопреемства достаточно анализировались в отечественной цивилистической доктрине. Что касается земельных участков, то, с одной стороны, они наследуются по общим правилам универсального правопреемства. Однако имеется немало особенностей их наследования с учетом особого статуса земельных участков как природного компонента, ресурса, основы хозяйственной деятельности и одновременно недвижимого имущества, часть положений требует уточнений, имеются дискуссионные вопросы [4, с. 95]. Отношения по наследованию земельных участков регулируется Гражданским кодексом РФ, Основами законодательства РФ о нотариате¹ и Земельным кодексом РФ (далее – ЗК РФ²).

Методы исследования

Поставленные в настоящей статье задачи предполагают использование следующих методов научного познания: сравнительно-правового, формально-логического, диалектического.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования формулируются предложения о внесении в российское законодательство следующих полезных новелл с учетом рекомендаций российских авторов и зарубежного правового опыта:

1. Предлагаем внести в российское законодательство норму, аналогичную существующей в законодательстве стран германской группы, согласно которому завещатель не имеет права произвольно завещать свое земельное имущество (земельный участок и недвижимость, находящуюся на нем). Имущество должно переходить к одному из наследников умершего, а остальные имеют право требования имущественной компенсации от наследника.

2. Рекомендуем также включить в отечественное законодательство следующую новеллу: при наследовании земельных участков сельскохозяйственного назначения, в частности, предназначенных для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, при выборе наследника необходимо установить следующие критерии: наследник должен быть тесно связан с ведением хозяйства на нем, иметь соответствующую квалификацию, опыт работы в сельском хозяйстве и возможность эффективно вести хозяйство, что реализуется во французском законодательстве.

3. Предлагаем внести в российское законодательство соответствующие изменения, увеличив срок выплаты наследником крестьянского (фермерского) хозяйства компенсации другим сонаследникам с одного года по крайней мере до трех лет в целях избавления хозяйства от финансового бремени, дробления материальной базы хозяйства.

¹ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 26.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (в ред. от 18.03.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Научная дискуссия

Наследование земельных участков и имущественных прав на них на практике вызывает особый интерес как у практикующих юристов, так и у цивилистов.

Так, по мнению Т.К. Крайновой, земля и другие природные ресурсы должны быть выделены в «особую» категорию объектов наследования исходя из их оборотоспособности. В п. 3 ст. 129 ГК РФ содержится специальная норма об оборотоспособности земли и других природных ресурсов. Так как это норма отсылочного характера, то все вопросы, связанные с объемом оборотоспособности земли и иных природных ресурсов, решаются ЗК РФ, другими нормативными актами о природных ресурсах [5, с. 11].

Представляется, что нотариус, который руководит процедурой наследования при принятии наследства наследниками, при наследовании земельных участков и имущественных прав на них должен учитывать оборотоспособность наследуемого земельного участка, исходя из его целевого назначения и вида разрешенного использования.

Ст. 1181 ГК РФ устанавливает следующие особенности наследования земельных участков: принадлежащий наследодателю на праве собственности земельный участок или право пожизненного наследуемого владения земельным участком входит в состав наследства и наследуется на общих основаниях, предусмотренных ГК РФ. При наследовании земельного участка и права пожизненного наследуемого владения земельным участком по наследству переходят также находящиеся в границах земельного участка поверхностный (почвенный) слой, водные объекты, находящиеся на нем растения, если иное не установлено законом. Итак, по своей природе земельный участок является сложным объектом наследования (в силу своей объективной характеристики), поэтому он в соответствии с абз. 2 ст. 1181 ГК РФ наследуется со всеми его составляющими: древесно-кустарниковой растительностью, почвенным слоем, общераспространенными полезными ископаемыми (песком, глиной и т. п.), водными объектами. Таким образом, как отмечает А.Л. Корнеев, речь может идти и о земельном участке, и об имущественном комплексе, включающем земельный участок [4, с. 95], если из закона не вытекает иное.

Необходимо уточнить, что в настоящее время согласно п. 9.1 ст. 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ в редакции Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 478-ФЗ, вступившей в силу с 01 сентября 2022 г., если земельный участок предоставлен гражданину до введения в действие ЗК РФ в постоянное (бессрочное) пользование или в пожизненное наследуемое владение, то такой земельный участок считается предоставленным гражданину на праве собственности, за исключением случаев, если в соответствии с федеральным законом земельный участок не может предоставляться на праве частной собственности¹. Значит, если наследство открылось после 01 сентября 2022 г., то наследодатель уже считался собственником земельного участка, и таким же собственником земельного участка, а не владельцем, должен быть признан его наследник. Таким образом, земельные участки, ранее находившиеся в пожизненном наследуемом владении, должны быть переданы наследникам на праве собственности.

В юридической литературе отмечается, что в России процедура вступления в наследство на земельные участки и последующая их регистрация вызывает споры, сложности на практике и неоднозначные выводы, что мешает наследникам реализовать свое право на наследство и оформить в собственность земельные участки. Среди практических проблем выделяются следующие: неточности, оговорки и ошибки в правоустанавливающих документах; ошибки в кадастровых паспортах на земельные участки; трудности при согласовании границ земельных участков со смежными землепользователями; некомпетентность кадастровых инженеров при составлении межевых планов и другие [6, с. 44]. Так, Е.В. Морева приходит к выводу, что наследник уже в момент вступления в наследство на земельный участок имеет весь спектр прав на него, но по причине возникающих сложностей не может реализовать свои законные права [6, с. 44]. Недопустимыми представляются случаи, когда, унаследовав земельный участок, наследник не может оформить право собственности на жилой дом, расположенный на этом участке из-за ошибок и некомпетентности представителей государственных органов, предлагающих ему выкупить жилой дом [6, с. 44], ведь в земельном законодательстве содержится принцип единства судьбы земельных участков и объектов, прочно связанных с ним. Наследство, которые фактически принято наследниками, предполагает не

¹ О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

документальное подтверждение собственности на наследуемое имущество, в том числе на земельные участки, а фактическую заботу о сохранности наследуемого недвижимого имущества. Следовательно, нормы земельного законодательства, регулирующего наследование земельных участков, нуждаются в совершенствовании.

О.В. Касьянова обращает внимание на следующие проблемы при реализации данных норм:

Возникают ситуации, когда наследодатель, начав оформление документов по предоставлению земельного участка в собственность, умер, не получив свидетельство о праве собственности. Согласимся с позицией автора о том, что вопрос о приобретении наследником права собственности на земельный участок должен решаться по аналогии с практикой о приватизации жилья, в соответствии с которой наследники имеют право завершить приватизацию, начатую наследодателем, если нет законных оснований для отказа в предоставлении земельного участка в собственность [3, с. 23–24].

Но, если земельный участок был предоставлен наследодателю в постоянное (бессрочное) пользование, его передача по наследству ранее представлялась невозможной, пусть даже там имелись задания, сооружения, ранее принадлежащие наследодателю на праве собственности, ведь право постоянного (бессрочного) пользования по наследству не передается. В подобном случае наследники имели право переоформить земельный участок в собственность по правилам, установленным земельным законодательством.

Так, гражданин, которому перешло в порядке наследования или по иным основаниям право собственности на расположенное на этом земельном участке здание (строение) или сооружение, вправе зарегистрировать также право собственности на этот земельный участок [1, с. 71]. Такое право предусмотрено п. 4 ст. 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ. Учитывая изменения, внесенные в п. 9.1 ст. 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ в редакции Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 478-ФЗ, вступившей в силу с 01 сентября 2022 г., если земельный участок предоставлен гражданину до введения в действие ЗК РФ в постоянное (бессрочное) пользование, такой земельный участок считается предоставленным гражданину на праве собственности, за исключением случаев, если в соответствии с федеральным законом земельный участок не может предоставляться на праве частной собственности [3, с. 25]. Значит, если наследство открылось после 01 сентября 2022 г., то по аналогии с обладателями права пожизненного наследуемого владения наследодатель должен считаться собственником земельного участка, а не пользователем, и таким же собственником земельного участка, должен быть признан его наследник. Таким образом, и земельные участки, ранее находившиеся в постоянном (бессрочном) пользовании наследодателя, с 01 сентября 2022 г. должны передаваться наследникам на праве собственности.

Представляется обоснованной позиция, согласно которой завещания, касающиеся земельных участков и расположенных на них строений, должны признаваться ничтожными, если их содержание противоречит требованиям земельного законодательства, а именно: не соответствует принципу единства судьбы земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости, и применять в подобных случаях положения о наследовании по закону [2, с. 49–52]. О.В. Касьянова также отмечает, что земельный участок и расположенные на нем объекты недвижимости должны наследоваться как единое целое. Если наследников два и более, то должна быть установлена общая долевая собственность на все наследственное имущество [3, с. 25].

При регулировании отношений по наследованию земельных участков необходимо принять во внимание Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. «О судебной практике по делам о наследовании», где выражен несколько противоположный подход к разрешению подобных ситуаций (п. 79): земельные участки и расположенные на них здания, строения, сооружения выступают в качестве самостоятельных объектов гражданского оборота (ст. 130 ГК РФ), поэтому завещатель вправе сделать в отношении их отдельные распоряжения, в том числе распорядиться только принадлежащим ему строением или только земельным участком (правом пожизненного наследуемого владения земельным участком). Однако при этом, по смыслу подп. 5 п. 1 ст. 1, а также ЗК РФ, не могут быть завещаны отдельно часть земельного участка, занятая зданием, строением, сооружением и необходимая для их использования, и само здание, строение, сооружение. Наличие в завещании таких распоряжений влечет в этой части недействительность завещания.

В случае возникновения спора между собственником недвижимости, расположенной на земельном участке, и собственником этого участка суд может признать право собственника

недвижимости на приобретение в собственность земельного участка, на котором находится эта недвижимость, или право собственника земельного участка на приобретение оставшейся на нем недвижимости либо установить условия пользования земельным участком собственником недвижимости на новый срок.

В особом порядке осуществляется наследование имущества члена крестьянского (фермерского) хозяйства (ст. 1179 ГК РФ). Основная цель установления этих правил – сохранить целостность крестьянского хозяйства и не допустить его раздробления. Так, преимущественное право наследования означает, что если среди других наследников имеется наследник, являющийся членом этого же хозяйства, то именно он унаследует земельную долю наследодателя в составе имущества крестьянского (фермерского) хозяйства в натуре. Если наследник умершего члена крестьянского (фермерского) хозяйства сам членом этого хозяйства не является, он может быть принят в него либо имеет право на получение компенсации, соразмерной наследуемой им доле в общей совместной собственности членов хозяйства.

При этом отметим, что сам порядок раздела имущества и выплаты компенсации устанавливается по взаимной договоренности всех членов крестьянского хозяйства, а при ее отсутствии – через подачу искового заявления в судебном порядке. Срок выплаты компенсации не должен превышать одного года со дня открытия наследства. Представляется, что этот годичный срок слишком короткий для выплаты компенсации, ведь ее выплата может серьезно подорвать материальную базу хозяйства, и предлагаем внести в ст. 1179 ГК РФ изменения, увеличив его до трех лет.

Представляется интересным сравнительный анализ особенностей наследования земельных участков в зарубежных странах в целях внесения предложений для совершенствования отечественного законодательства. В частности, В.И. Назаренко, исследуя указанный вопрос, выделяет три группы стран. К первой группе будут относиться страны с германским гражданским правом, ориентированные на Германский гражданский кодекс и на немецкую юридическую практику, а именно: Германия, Австрия, Швейцария, а также близкие к ним скандинавские страны в лице Норвегии, Дании, Швеции и Финляндии.

Вторая группа стран основана на гражданском праве, которое нашло свое выражение в Гражданском кодексе Наполеона. В эту группу стран входит, прежде всего, сама Франция, а также Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Италия, Испания и Португалия [7].

В третью группу стран включаются прежде всего государства англосаксонской правовой культуры. «Англосаксонская правовая теория и практика прежде всего базируется на обычном праве, отдельных законах, на праве прецедента, она исходит из конкретных фактов, не стараясь облечь их в законченную форму кодексов. В то же время эта юридическая система ориентирована в большей мере на свободу отдельного индивидуума, его неотъемлемого права и значительно меньшим вмешательством государства в область гражданско-правовых, в частности семейно-правовых, отношений, в том числе и в сфере наследования. К этой группе стран можно отнести прежде всего саму Великобританию, США, Ирландию, Канаду, Австралию, Новую Зеландию».

Отметим, что страны германской группы придерживаются своего принципа в наследовании прав обязанностей наследодателя. Так, в наследственном земельном праве рассматриваемой категории стран закреплен принцип, согласно которому завещатель не имеет права произвольно завещать свое земельное имущество (земельный участок и недвижимость, находящуюся на нем). Имущество, как правило, должно переходить к одному из наследников умершего, а остальные имеют право требования имущественной компенсации от наследника.

Данный принцип можно проследить в законодательстве северных протестантских земель ФРГ, где после того, как будет установлен факт смерти наследодателя, принадлежащий ему земельный участок, недвижимость и сельскохозяйственный инвентарь переходят лишь к одному из наследников (обычно это либо старший ребенок в семье, либо тот наследник, который больше всего связан с ведением хозяйства). Если возникают споры в отношении того, кто же является наследником, то необходимо обратиться в суд и разрешить сложившуюся ситуацию законным способом. По закону требуется, чтобы этот человек имел бы соответствующую квалификацию, опыт работы и возможность эффективно вести хозяйство.

На юге Гражданский кодекс Германии разрешает раздел земельного участка как между всеми наследниками, так и позволяет унаследовать земельный участок одному из наследников с выплатой материальной компенсации остальным. Таким образом, в рамках одного Кодекса существуют два подхода, которые регулируются законами земель.

Продолжая рассматривать наследование земельных участков хозяйственного типа, отметим, что, в отличие от Германии, в Норвегии существует специальный акт о наследовании (Arveloven), который преследует две цели: сохранить сельское хозяйство во всех районах страны, особенно в малообеспеченных, а также поддержать местных фермеров, препятствуя дроблению наследуемого земельного участка. Для проведения политики «сохранения сельскохозяйственных земель» в стране существует правило, которое утверждает, что земля и хозяйство переходят к старшему из детей – сыну или дочери. В данном случае закон является обязательным и не предоставляет какой-либо альтернативы наследодателю. Однако в соответствии с этим же законом иные наследники имеют право выкупить у старшего наследника ферму, если тот согласен. Но и получение наследства или покупка фермы накладывают на нового владельца серьезные обязательства: он должен прожить минимум пять лет на этой ферме и вести там сельскохозяйственное производство.

Относительно наследования земельных участков в странах с господством римского права (вторая группа), заметим, что главенствующим законом является Гражданский кодекс Наполеона (*du Code civil*). По кодексу Наполеона собственность на имущество можно приобрести путем наследования, дарения, завещания или в силу обязательств (*des différentes manières dont on acquiert la propriété, article 711*)¹. Наследование, как и во всех остальных странах романо-германской правовой семьи, может быть как на основании завещания, так и по закону. Наследство передается по закону, когда умерший не распоряжается своим имуществом путем освобождения (завещания) (*Les successions sont dévolues selon la loi lorsque le défunt n'a pas disposé de ses biens par des libéralités, article 721*). Наследник, принимая земельный участок по наследству, отвечает за управление этим участком и имуществом, расположенным на нем. Здесь учитываются административные функции, требования кредиторов, которые выплачиваются наследником после смерти наследодателя, а также иные действия, связанные с принятым земельным участком и имуществом или влияющие на его стоимость (*article 800*).

Согласно законодательству, во Франции на практике применяется принцип равенства прав участников наследственных правоотношений. Данное положение повлекло за собой серьезные последствия в виде целенаправленного и последовательного дробления земельных участков при передаче их по наследству. Особенно ярко это выражалось при дроблении земельных наделов у фермеров.

Для решения сложившейся правовой ситуации во Франции был принят принцип «преференциального наследника» (*L'attribution préférentielle*), применявшейся в том случае, если участок и вся ферма подлежали разделу между несколькими наследниками. Суть принципа заключалась в том, что судом избирался самый квалифицированный среди всех наследник как кандидат во владельцы передаваемого земельного участка и фермы в целом. После принятия судом решения в отношении кандидата наследник должен был выплатить остальным сонаследникам определенную материальную компенсацию в течение десяти лет со дня вступления в наследство.

Преференциальное наследование участка имеет место быть тогда, когда от раздела земельного участка и, соответственно, находящейся на нем недвижимости имущество или фермерское хозяйство пострадает.

Исследуя особенности третьей группы стран, где господствует англосаксонское право, В.И. Назаренко отмечает, что вопрос о наследовании земельных участков стоит принципиально по-иному. В соответствии с принципами этого права завещатель не связан никаким обязательством по передаче своей земли и может ее оставить кому угодно, чаще всего лишь одному из наследников. Этот принцип имеет как свои положительные, так и отрицательные последствия. Положительными последствиями этого принципа является сохранение целостности землевладения, а отрицательными – произвольность завещателя и неопределенность прав других сонаследников [7].

Итак, рассмотрев особенности наследования земельных участков всех трех групп стран, можно сделать вывод, что некоторые нормы зарубежного законодательства являются полезными для имплементации в российское законодательство. Так, обоснованным представляется положение, установленное в законодательстве стран германской группы, согласно которому завещатель не имеет права произвольно завещать свое земельное имущество (земельный участок и недвижимость, находящуюся на нем). Имущество должно переходить к одному из наследников умершего, а

¹ Code civil (version consolidée au 14 février 2020) [сайт]. Le service public de la diffusion broit «Legifrance»; 2024 [обновлено 19 августа 2024; процитировано 19 августа 2024]. Доступно: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721>.

остальные имеют право требования имущественной компенсации от наследника. Если это земельный участок сельскохозяйственного назначения, то наследник должен быть тесно связан с ведением хозяйства на нем, иметь соответствующую квалификацию, опыт работы в сельском хозяйстве, и возможность эффективно вести хозяйство. Привлекательным с этой точки зрения представляется и французский принцип «преференциальной оценки сельскохозяйственных угодий», согласно которому судом должен быть избран самый квалифицированный среди всех наследник. Конечно, выплата остальным сонаследникам материальной компенсации ложится на хозяйство финансовым бременем, но ее срок во французском законодательстве длительный (десять лет). В российском законодательстве также предусмотрена материальная компенсация другим наследникам ввиду невозможности раздела земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения крестьянского (фермерского) хозяйства, но срок ее выплаты составляет всего один год со дня открытия наследства. Думается, что срок ее выплаты должен быть увеличен по крайней мере до трех лет, хотя здесь тоже можно спорить и продолжать обсуждения относительно установления оптимального срока выплаты компенсации в целях предотвращения нанесения ущерба материальной базе хозяйства.

Список использованной литературы:

1. Верхолетов М.А. Проблемы наследования земельных участков. *Мариjsкий юридический вестник*. 2017;(1):71–74.
2. Волкова Н.А. К вопросу о правовом регулировании наследственно-земельных отношений. *Законодательство и экономика*. 2006;(2):49–52.
3. Касьянова О.В. Правовые проблемы наследования земельных участков. *Глаголь правосудия*. 2013;2(6):23–24.
4. Корнеев А.Л. Некоторые вопросы правопреемства в отношении земельных участков. *Вестник Московского университета. Серия 11 «Право»*. 2016;(6):94–108.
5. Крайнова Т.К. Наследование ограниченно оборотоспособных объектов. *Нотариальный вестник*. 2007;(8):8–13.
6. Морева Е.В. К вопросу о наследовании земельных участков. *Международный научный журнал «Символ науки»*. 2016;(7):160–165.
7. Назаренко В.И. Зарубежный опыт функционирования земельного рынка [сайт]. Государственный университет по землеустройству; 2024 [обновлено 23 января 2003; процитировано 19 августа 2024]. Доступно: <https://www.valnet.ru/m7-114.phtml>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елисева Инга Александровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6092-4489>

References:

1. Verkholetov M.A. [Problems of inheritance of land plots]. *Marijskij juridicheskiy vestnik = Mari Legal Bulletin*. 2017;(1):71–74. (In Russ).
2. Volkova N.A. [On the issue of legal regulation of inheritance and land relations]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika = Legislation and Economics*. 2006;(2):49–52. (In Russ).
3. Kasyanova O.V. [Legal problems of inheritance of land plots]. *Glagol' pravosudiya = Verb of justice*. 2013;2(6):23–24. (In Russ).
4. Korneev A.L. [Some issues of succession in relation to land plots]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11 «Pravo»*. = *Bulletin of the Moscow University. Episode 11 «Law»*. 2016;(6):94–108. (In Russ).
5. Krainova T.K. [Inheritance of limited marketable objects]. *Notarial'nyy vestnik = Notary Bulletin*; 2007;(8):8–13. (In Russ).
6. Moreva E.V. [On the issue of inheritance of land plots]. *Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal «Simvol nauki» = International scientific journal «Symbol of Science»*. 2016;(4):160–165. (In Russ).
7. Nazarenko V.I. Foreign experience of the functioning of the land market [website]. State University of Land Management; 2024 [updated January 23, 2003; cited September 02, 2024]. Available: <https://www.valnet.ru/m7-114.phtml>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inga A. Eliseeva
Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6092-4489>

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-44-49>

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВЗЫСКАНИЯ СУДЕБНОЙ НЕУСТОЙКИ (АСТРЕНТ) В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Конорезов Н.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Конорезов Н.А. Теория и практика взыскания судебной неустойки (астрент) в гражданском процессе. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(3):44–49. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-44-49>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Конорезов Николай Андреевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (938) 474-70-70

E-mail: konorezov@list.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 02.09.2024

Статья принята к печати: 30.09.2024

Дата публикации: 15.10.2024

Аннотация: Целью статьи является проведение анализа теоретических положений и особенностей практического применения института астрента (судебной неустойки) в гражданском процессе. На основе анализа существующих в научной литературе позиций подчеркнута смешанная правовая природа астрента, являющегося комплексным материально-процессуальным институтом. Автором с учетом проанализированной судебной практики делается *вывод* о востребованности судебной неустойки и предлагается расширение сферы ее применения, включая трудовые и административные споры. С учетом отсутствия в судебной практике однозначного подхода к установлению размера астрента подчеркивается необходимость дополнительной конкретизации критериев его определения.

Ключевые слова: астрент, судебная неустойка, размер астрента, гражданский процесс, трудовые споры, административные споры.

THEORY AND PRACTICE OF COLLECTING A COURT PENALTY (ASTRENT) IN CIVIL PROCEEDINGS

Nikolay A. Konorezov

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Konorezov N.A. Theory and practice of collecting a court penalty (astrent) in civil proceedings. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(3):44–49. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-44-49>

CONTACT INFORMATION:

Nikolay A. Konorezov, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (938) 474-70-70
E-mail: konorezov@list.ru

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 02.09.2024

The article has been accepted for publication: 30.09.2024

Date of publication: 15.10.2024

Annotation: The *purpose* of the article is to analyze the theoretical provisions and features of the practical application of the astrent institute (judicial penalty) in civil proceedings. Based on the analysis of the positions existing in the scientific literature, the mixed legal nature of astrent, which is a complex material and procedural institution, is emphasized. The author, taking into account the analyzed judicial practice, *concludes* that the court penalty is in demand and suggests expanding the scope of its application, including labor and administrative disputes. Taking into account the lack of an unambiguous approach in judicial practice to determining the amount of the astrent, the need for additional specification of the criteria for its determination is emphasized.

Keywords: astrent, court penalty, amount of astrent, civil procedure, labor disputes, administrative disputes.

Введение

Впервые судебная неустойка (астрент) как мера принуждения в российском цивилистическом процессе была закреплена в постановлении Пленума ВАС РФ от 04 апреля 2014 г. № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта»¹. Данным постановлением предусматривался новый инструмент процессуальной защиты истца в виде возможности потребовать присуждения денежной суммы на случай неисполнения решения арбитражного суда. Закрепленная с 2014 г. возможность взыскания денежных средств за неисполнение судебного акта фактически соответствует уже известному мировому порядку институту астрента (судебной неустойки), хотя и в подобной формулировке в российском законодательстве он поименован не был.

Спустя год после принятия упомянутого постановления ВАС РФ гл. 21 ГК РФ была дополнена ст. 308.3, закрепляющей на законодательном уровне право кредитора требовать присуждения ему денежной суммы на случай неисполнения судебного акта о понуждении к исполнению обязательства в натуре. Разъяснения по вопросу применения судебной неустойки были даны в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее – ППВС № 7)². Подчеркнем, что в указанном постановлении Верховный Суд РФ впервые обратил внимание на то, что астрент связан не столько с неисполнением обязательства, сколько с неисполнением решения суда (именно поэтому данная неустойка и названа судебной).

Позднее, в 2018 г. были внесены поправки и в процессуальное законодательство, дополнившие ст. 174 АПК РФ и ст. 206 ГПК РФ новыми положениями о порядке взыскания денежной суммы на случай неисполнения решения суда, обязывающего ответчика совершить определенные действия. Таким образом, с 2014 г. астрент укоренился в правовой системе России в качестве комплексного материально-процессуального института, призванного обеспечить дополнительные гарантии прав кредиторов.

Введение судебной неустойки в законодательство Российской Федерации было вполне закономерным явлением, которое вытекало из необходимости решения проблемы низкой исполнимости юрисдикционных актов, обязывающих должника совершить определенные действия или отказаться от их совершения. И решение этой проблемы было найдено во внедрении ранее

¹ О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта: Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 г. № 22 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

неизвестного российскому праву института астрента, основное предназначение которого заключается в воздействии на волю должника тогда, когда исполнение силами государственного принуждения затруднительно или вовсе нереализуемо¹. Заметим, что проблема исполнимости судебных актов актуальна и в настоящее время, однако до сих пор мнения о целесообразности инкорпорирования астрента рознятся от полярных до нейтральных.

Методы исследования

В процессе исследования использовались такие общенаучные и специальные методы, как: анализ, синтез, логический, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический.

Результаты исследования

Решение законодателя имплементировать в российское право французский институт астрента, хотя и неоднозначно оценивается в научных кругах, все же следует признать положительным. Астрент успешно зарекомендовал себя в качестве эффективной гарантии и дополнительного механизма реализации не только частных, но и публичных интересов, позволив отчасти повысить процент исполнимости юрисдикционных актов.

Научная дискуссия

Происхождение астрента изучено российскими исследователями достаточно подробно. Этот институт зародился в XIX в. во Франции – сначала в судебной практике и затем был последовательно закреплен в Гражданском процессуальном кодексе Франции. Взор на этот институт был впервые обращен советскими цивилистами. Об астренте как эффективном средстве принуждения к исполнению обязательства в натуре писал М.М. Агарков, определив его как присуждение ответчика к уплате истцу определенной суммы денег за каждый день (неделю, месяц) неисполнения должником судебного решения, присуждающего его совершить какое-либо действие или воздержаться от определенного действия [2, с. 179]. Однако долгое время астрент исследовался лишь в рамках материального права, рассматривался в качестве ответственности за неисполнение обязательства или в качестве способа обеспечения его исполнения, но не как меры процессуальной ответственности.

По этому поводу справедливо высказывался Е.А. Суханов, отмечая, что классический французский астрент является институтом процессуального права, «а мы его сделали нормой материального права»². Нормативно-правовое закрепление астрента в разделе ГК РФ, посвященном обязательственному праву, породило точку зрения о том, что астрент выступает инструментом частного права. В этом смысле судебную неустойку называют самостоятельным видом гражданско-правовой неустойки и способом обеспечения исполнения обязательства.

Напротив, многие исследователи, анализируя правовую природу судебной неустойки, подчеркивают ее публично-правовую составляющую, то есть относят ее к институтам публичного права. Например, Р.С. Зардов закреплял за астрентом публично-правовую функцию, состоящую в переложении на истца бремени контроля за исполнением судебного решения и созданием для него соответствующего материального стимула [4, с. 63].

Нам же близок комплексный подход к определению правовой природы судебной неустойки как синтеза права частного и публичного, гражданского материального и гражданского процессуального права [3, с. 47]. Представляется, что данный подход позволяет учесть одновременное законодательное закрепление астрента в нормах материального (ст. 308.3 ГК РФ) и процессуального права (ст. 174 АПК РФ, ст. 206 ГПК РФ). Весомый аргумент в подтверждение данного подхода приводит А.В. Фиошин, говоря о том, что установление и определение размера астрента судом свидетельствует о его публично-правовой составляющей, а его взыскание по инициативе и в пользу кредитора указывает на причастность рассматриваемого института частному праву [5, с. 34].

Таким образом, астрент, по нашему мнению, следует рассматривать в качестве комплексного материально-процессуального института, обладающего смешанной правовой природой. Вместе с тем, полагаем, что процессуально-правовой компонент является преобладающим и судебная неустойка в большей степени является инструментом процессуального, а не материального, права, о чем свидетельствуют порядок и цели его применения.

¹ Либанова С.Э. Гражданско-правовая ответственность: взыскание убытков: учеб. пособие. М., 2024. С. 129.

² Только судьи и ученые в состоянии написать объективный закон / Е.А. Суханов [сайт]. Legal.report; 2016 [обновлено 1 марта 2016; процитировано 15 июля 2024]. Доступно: <https://legal.report/tolko-sudi-i-uchenye-v-sostoyanii-napisat-obektivnyj-zakon/>.

Однако проведенный обзор демонстрирует дискуссионный характер ряда теоретических положений, касающихся правовой природы астрента. В литературе имеется критическое отношение и к законодательно сформулированным положениям о порядке взыскания и определения размера астрента, а также к ограничению его применения лишь сферой обязательственных отношений. Исследователи пока не пришли к единому мнению и по многим иным дискуссионным вопросам, в том числе и о целесообразности наличия этого института в российском праве. Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что институт судебной неустойки пока не является достаточно проработанным на теоретическом и законодательном уровне, хотя и в целом его имплементация кажется явлением положительным.

В настоящей работе автором не ставится цель предпринять попытку ответить на все имеющиеся спорные вопросы, как и не предполагалось провести теоретико-правовой анализ рассматриваемого института. Однако изложение основных его теоретических положений, а также обзор существующей дискуссии, позволил сделать вывод, что судебная неустойка пока является институтом «сырым», а потому интересно проанализировать и практический аспект его применения, поскольку именно из судебной практики черпается материал для совершенствования законодательства.

Прежде всего следует остановиться на сферах применения астрента, поскольку от решения этого вопроса зависит в целом решение и более глобальной проблемы исполнимости юрисдикционных актов. Сразу заметим, что судебная неустойка имеет достаточно узкую сферу применимости, включающую в себя только споры, связанные с неисполнением гражданско-правовых неденежных обязательств. Следовательно, определяя возможность использования астрента в качестве дополнительного способа защиты нарушенных прав, необходимо установить отраслевую принадлежность возникшего спора (гражданско-правовая) и характер лежащего в его основе обязательства (неденежное). Принимая во внимание данные критерии, Верховный Суд РФ императивно исключил из сферы применения астрента споры публично-правового характера (административные, пенсионные споры, споры, связанные с социальной поддержкой), а также трудовые споры и семейные споры, вытекающие из личных неимущественных отношений супругов (п. 30 ППВС № 7).

Одновременно с этим категории гражданско-правовых споров, в которых может быть применим астрент, формально не ограничены. Более того, в современной правоприменительной практике сложилась тенденция к их расширению. На данный момент этот инструмент активно применяется как к частноправовым спорам (например, к спорам о защите прав потребителей¹, жилищным спорам², спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации³), так и к спорам с публичным элементом (споры о сносе самовольных построек⁴, иные земельные споры⁵). Материально-правовая относимость спора в целом не имеет существенного значения, важно лишь, чтобы лежащее в его основе требование имело неденежный характер. К таким требованиям в первую очередь относится принуждение к исполнению гражданско-правового обязательства в натуре (о принуждении к заключению договора, о передаче вещи, о выполнении работ и т.п.), а также виндикационные и негаторные требования.

Нам представляется, что в дальнейшем сфера применения судебной неустойки может быть расширена за счет включения в нее административных споров. Эта возможность в целом следует из

¹ См. напр.: Решение Советского районного суда г. Самары Самарской области от 11.10.2023 по делу № 2-1667/2023; Апелляционное определение Ленинского районного суда г. Курска от 16.02.2024 по делу № 88-16592/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См. напр.: Решение Заводского районного суда г. Орла от 16.10.2021 по делу № 88-8151/2022; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.05.2023 по делу № 8Г-10250/2023, 88-11640/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См. напр.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.11.2021 по делу № 88-27770/2021; Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.06.2024 № 88-13373/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См. напр.: Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска от 08.11.2023 по делу № 2-4349/2023; Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18.06.2024 № 88-18776/2024 по делу № 2-4053/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См. напр.: Решение Сысертского районного суда Свердловской области от 11.10.2023 по делу № 2-210/2023; Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 14.02.2024 по делу № 2-6/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

сложившейся правоприменительной практики. Так, Верховный Суд РФ, исключив из сферы применения астрента административные споры, рассматриваемые в порядке КАС РФ и гл. 24 АПК РФ, одновременно допустил его использование в рамках административных споров, если судом по результатам его рассмотрения на уполномоченный орган государственной власти была возложена обязанность гражданско-правового характера (п. 34 ППВС от 28 июня 2021 г. № 21)¹.

Однако данное исключение действует лишь применительно к спорам, рассматриваемым в порядке гл. 24 АПК РФ, что кажется несколько непоследовательным, учитывая, что любые административные споры так или иначе могут быть связаны с последующим возникновением гражданских прав. Получается, что взыскание судебной неустойки в данном случае поставлено в зависимость от вида судопроизводства: административного или арбитражного. Например, решение или действие (бездействие) уполномоченного органа, на котором лежит обязанность гражданско-правового характера, может быть оспорено и в порядке КАС РФ, и в порядке гл. 24 АПК РФ с учетом критериев компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов, однако судебная неустойка почему-то взыскивается только при рассмотрении дела арбитражным судом. Полагаем, что нормативные положения о взыскании судебной неустойки должны быть включены и в КАС РФ.

Отметим, что в научной литературе встречается критика отраслевого ограничения применимости астрента и высказываются предложения о расширении сфер его применения. В частности, Д.Б. Абушенко предлагает использовать астрент в трудовых отношениях [1, с. 215]. Эта позиция не является бесспорной и требует дополнительного обоснования, но все же с ней можно согласиться отчасти. Например, полагаем, что судебная неустойка может быть вполне эффективным средством исполнения судебных решений о восстановлении на работе.

В судебной практике неоднозначно решен вопрос о порядке определения размера судебной неустойки. В практике судов общей юрисдикции сложился подход к взысканию астрента в форме периодических платежей в твердой денежной сумме за каждый день просрочки исполнения решения суда. Этот подход к порядку установления способа взыскания судебной неустойки является превалирующим в гражданском процессе. При этом суммы астрента, как правило, являются незначительными. В пользу истцов взыскиваются суммы в размере 50 руб.², 100 руб.³, 1000 руб.⁴ за каждый день просрочки исполнения. Размер астрента редко превышает 1000 руб., хотя, заметим, в арбитражном процессе суммы могут быть куда существеннее.

Верховным Судом РФ по этому вопросу были даны лишь общие разъяснения. Так, суды при определении размера судебной неустойки должны руководствоваться ориентирами справедливости, соразмерности и недопустимости злоупотребления правом. Главный критерий же состоит в следующем: суды, устанавливая размер астрента, должны предполагать, что исполнение решение суда окажется для ответчика более выгодным, чем его неисполнение (п. 32 ППВС № 7).

По нашему мнению, порядок определения суммы астрента очерчен Верховным Судом РФ слишком абстрактно. Критерий «выгоды» в целом кажется недостаточно разъясненным. Так, например, и в случае установления астрента в размере 1 руб. за каждый день просрочки ответчик не несет никакой выгоды. Неясно, как определить и критерии справедливости, соразмерности.

Во всяком случае, как и при применении любых оценочных понятий, суды руководствуются конкретными обстоятельствами дела и принимают во внимание, например, длительность неисполнения обязанностей, степень затруднительности исполнения судебного акта, имущественное положение ответчика, размер заработной платы ответчика и наличие у него обязательных платежей⁵. Представляется, что критерии определения справедливости и соразмерности должны быть дополнительно конкретизированы Верховным Судом РФ с целью создать объективные гарантии

¹ О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См. напр.: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.06.2024 № 88-10652/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См. напр.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.06.2024 № 88-19225/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См. напр.: Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12.04.2024 № 88-4421/2024-(88-46344/2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См. напр.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.06.2024 № 88-19225/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

исполнения судебного решения, которые одновременно бы препятствовали чрезмерному материальному обременению должника.

В заключение отметим, что на сегодняшний день в практическом применении судебной неустойки продолжают сохраняться отдельные проблемы, ограничивающие «мощность» этого инструмента. С учетом востребованности астрента и постепенного расширения круга гражданско-правовых споров, в которых он стал применяться наиболее активно, мы допускаем возможность его взыскания в рамках трудовых, административных и иных споров. Также полагаем, что эффективное применение судебной неустойки требует и дальнейшего совершенствования законодательства и, в частности, дополнительной конкретизации порядка определения ее размера.

Список использованной литературы:

1. Абушенко Д.Б. Судебная неустойка как мера косвенного принуждения: размышления об отраслевой принадлежности правового института. *Порядок исполнения требований имущественного характера, содержащихся в исполнительных документах: проблемные вопросы и пути их решения: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции (г. Уфа, Республика Башкортостан, 9–11 июня 2016 г.)*. М.; 2017.
2. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР; 1940.
3. Афолина Ю.Ю. Судебная неустойка (астрент) и другие меры ответственности должника за неисполнение судебного решения: сравнительный анализ. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2016;(11):45–49.
4. Зардов Р.С. К вопросу о соотношении астрента и неустойки. *Право и экономика*. 2018;(3):61–69.
5. Фиошин А.В. О правовой природе астрента. *Вестник гражданского процесса*. 2021;(3):29–49.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Конорезов Николай Андреевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

References:

1. Abushenko D.B. [Judicial penalty as a measure of indirect coercion: reflections on the branch affiliation of a legal institution]. *The procedure for fulfilling property requirements contained in executive documents: problematic issues and ways to solve them: collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference (Ufa, Republic of Bashkortostan, June 9–11, 2016)*. M.; 2017. (In Russ.)
2. Agarkov M.M. [Obligation under Soviet civil law]. M.; 1940. (In Russ.)
3. Afonina Yu.Yu. [Court penalty (astrent) and other measures of liability of the debtor for non-execution of a court decision: a comparative analysis]. *Arbitration and civil proceedings*. 2016;(11):45–49. (In Russ.)
4. Zardov R.S. [On the issue of the ratio of the rent and the penalty]. *Law and economics*. 2018;(3):61–69. (In Russ.)
5. Fiochin A.V. [On the legal nature of astrent]. *Bulletin of the civil procedure*. 2021;(3):29–49. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay A. Konorezov

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law of the FGBOU VO "«Kuban State University»"

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Потапенко С.В.*, Магомеднабиев М.Ш.
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Потапенко С.В., Магомеднабиев М.Ш. Актуальные проблемы института защиты чести, достоинства и деловой репутации в контексте деятельности медицинских организаций. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(3):50–63. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-50-63>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Потапенко Сергей Викторович*, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040
Тел.: +7 (918) 262-46-50
E-mail: potapenkosv@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование проведено во исполнение договора на проведение научно-исследовательских работ № 24/105 от 16.05.2024 при финансовой поддержке ООО «МедРейтинг»

Статья поступила в редакцию: 03.09.2024

Статья принята к печати: 02.10.2024

Дата публикации: 15.10.2024

Аннотация: *Цель* исследования: Исследование направлено на анализ института защиты чести, достоинства и деловой репутации в контексте деятельности медицинских организаций. Особое внимание уделяется адаптации существующих правовых механизмов к условиям информационного общества и специфике медицинской сферы, учитывая ее социальную значимость и публичность.

Задачи исследования:

1. Изучение нормативно-правовой базы и судебной практики, касающейся защиты нематериальных благ в медицинской сфере.
2. Анализ особенностей применения правовых механизмов в контексте медицинских организаций и их сотрудников.
3. Исследование роли судебной экспертизы и экспертов-лингвистов в доказывании распространения диффамационной информации в интернете.

Методы:

В исследовании использовались общенаучные методы, такие как анализ и синтез, которые применялись для изучения нормативно-правовой базы и научной литературы, что позволило выделить ключевые аспекты защиты чести, достоинства и деловой репутации в медицинской сфере. Индукция и дедукция способствовали обобщению данных о правоприменительной практике и формулированию выводов о специфике защиты нематериальных благ в медицинской деятельности. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления различных правовых механизмов защиты как на национальном, так и на международном уровне.

Результаты:

Исследование выявило, что защита чести, достоинства и деловой репутации является критически важной в условиях развития информационных технологий и глобализации. В медицинской сфере репутация играет ключевую роль в формировании доверительных отношений между пациентами и медицинскими учреждениями, влияя на качество оказываемой медицинской

помощи и здоровье пациентов. Работа также подчеркивает значимость совершенствования правовых механизмов защиты в условиях цифровизации.

Выводы автора:

1. Защита чести, достоинства и деловой репутации в медицинской сфере важна для поддержания стабильности гражданских правоотношений и доверия между пациентами и медицинскими учреждениями.

2. Судебная экспертиза и эксперты-лингвисты играют важную роль в делах о диффамации, и их квалификация требует повышения.

3. Врачебная этика и уважение к чести и достоинству пациента должны быть интегрированы в профессиональную деятельность врачей.

4. Важно найти баланс между правом пациентов на свободу выражения мнений и правом медицинских организаций на защиту репутации.

Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация, защита, диффамация, СМИ, судопроизводство, медицина, услуги, лингвистическая экспертиза.

ACTUAL PROBLEMS OF THE INSTITUTE FOR THE PROTECTION OF HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION IN THE CONTEXT OF THE ACTIVITIES OF MEDICAL ORGANIZATIONS

Sergey V. Potapenko*, **Murad S. Magomednabiev**
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Potapenko S.V., Magomednabiev M.S. Actual problems of the Institute for the Protection of Honor, Dignity and Business Reputation in the context of the activities of medical organizations. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(3):50–63. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-50-63>

CONTACT INFORMATION:

Sergey V. Potapenko*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 262-46-50

E-mail: potapenkosv@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Financing. The study was carried out in pursuance of the contract for conducting scientific research No. 24/105 dated 05.16.2024 with the financial support of MedReyting LLC

The article was submitted to the editorial office: 03.09.2024

The article has been accepted for publication: 02.10.2024

Date of publication: 15.10.2024

Annotation: The *purpose* of the study: The study is aimed at analyzing the institute for the protection of honor, dignity and business reputation in the context of the activities of medical organizations. Special attention is paid to the adaptation of existing legal mechanisms to the conditions of the information society and the specifics of the medical field, taking into account its social significance and publicity.

Research objectives:

1. Study of the regulatory framework and judicial practice related to the protection of intangible benefits in the medical field.

2. Analysis of the specifics of the application of legal mechanisms in the context of medical organizations and their employees.

3. Research on the role of forensic expertise and linguistic experts in proving the dissemination of defamatory information on the Internet.

Methods: The study used general scientific *methods* such as analysis and synthesis, which were used to study the regulatory framework and scientific literature, which made it possible to identify key aspects of

protecting honor, dignity and business reputation in the medical field. Induction and deduction contributed to the generalization of data on law enforcement practice and the formulation of conclusions about the specifics of the protection of intangible benefits in medical activities. The comparative legal method was used to compare various legal protection mechanisms both at the national and international levels.

Results: The study revealed that the protection of honor, dignity and business reputation is critically important in the context of information technology development and globalization. In the medical field, reputation plays a key role in the formation of trusting relationships between patients and medical institutions, affecting the quality of medical care and the health of patients. The work also highlights the importance of improving legal protection mechanisms in the context of digitalization.

The author's *conclusions:*

1. The protection of honor, dignity and business reputation in the medical field is important to maintain the stability of civil relations and trust between patients and medical institutions.
2. Forensic expertise and linguistic experts play an important role in defamation cases, and their qualifications require improvement.
3. Medical ethics and respect for the honor and dignity of the patient should be integrated into the professional activities of doctors.
4. It is important to find a balance between the right of patients to freedom of expression and the right of medical organizations to protect their reputation.

Keywords: honor, dignity, business reputation, protection, defamation, media, legal proceedings, medicine, services, linguistic expertise.

Введение

Институт защиты чести, достоинства и деловой репутации является ключевым элементом правовой системы, защищающим нематериальные блага, которые играют важную роль в обеспечении стабильности гражданских отношений. Рост числа споров, связанных с распространением недостоверной информации, особенно в цифровую эпоху, подчеркивает необходимость изучения правовых механизмов, защищающих эти блага в условиях информационного общества.

Особое внимание данный вопрос приобретает в медицинской сфере, где репутация медицинских организаций и их сотрудников критически важна для доверия пациентов. Негативная или не соответствующая действительности информация может существенно навредить деловой репутации медицинских учреждений, что отражается на их экономическом состоянии и качестве услуг. Поэтому защита репутации в медицине требует тщательного научного анализа.

Актуальность исследования обусловлена быстрым развитием цифровых технологий, увеличением информационных рисков и необходимостью высокого уровня правовой защиты в медицине. Несмотря на наличие научных работ в этой области, специфические аспекты правовой защиты в медицинской сфере остаются недостаточно изученными. Это исследование направлено на восполнение этого пробела и улучшение практических механизмов защиты репутации медицинских учреждений и специалистов.

Методы исследования

В исследовании использовались различные методы: анализ и синтез применялись для изучения нормативно-правовой базы и научной литературы, что позволило выделить ключевые аспекты защиты чести, достоинства и деловой репутации в медицинской сфере. Индукция и дедукция способствовали обобщению данных о правоприменительной практике и формулированию выводов о специфике защиты нематериальных благ в медицинской деятельности. Диалектический метод научного познания, формально-юридический и метод системного анализа также были использованы в работе.

Результаты исследования

1) Выявлена возрастающая актуальность защиты репутации медицинских учреждений в условиях развития информационных технологий и глобализации информационного пространства. Установлено, что репутация медицинских организаций напрямую влияет на качество оказываемой помощи и здоровье пациентов. Это подчеркивает необходимость совершенствования правовых механизмов защиты чести, достоинства и деловой репутации в медицинской сфере.

2) Определена ключевая роль судебной экспертизы и экспертов-лингвистов в доказывании распространения диффамационных сведений в сети Интернет. В связи с этим рекомендуется разработать и внедрить специальные программы обучения и повышения квалификации для таких экспертов, чтобы обеспечить их высокую компетентность и объективность.

3) Обоснована необходимость поиска баланса между правом пациентов на свободу выражения мнения и правом медицинских организаций на защиту своей репутации.

4) Установлена значимость врачебной этики и уважения к чести и достоинству пациента как факторов укрепления доверия между пациентами и медучреждениями. В связи с этим рекомендуется проводить информационно-просветительскую работу среди пациентов и медицинских работников о важности защиты чести, достоинства и деловой репутации в медицинской сфере.

5) Сформулирована оценка текущего состояния института защиты чести, достоинства и деловой репутации в медицинской сфере как требующего дальнейшего развития и совершенствования с учетом современных реалий информационного общества.

Научная дискуссия

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы в качестве стратегической задачи определено обеспечение потребностей граждан и общества в получении «качественных и достоверных сведений» при формировании информационного пространства¹.

Поскольку жизнь и здоровье человека относится к общепризнанным ценностям, гарантируемым Конституцией Российской Федерации, то обсуждение вопросов о состоянии здравоохранения и качестве медицинской помощи безусловно имеет большое общественное значение.

Здоровье – одна из ключевых жизненных ценностей, поскольку оно определяет различные аспекты существования человека в социуме, поэтому взгляды людей на врачей и медицинские учреждения представляют большой общественный интерес [3, с. 66–76].

Значимость сведений о качестве оказания медицинских услуг очевидна. Согласно п. 1 ст. 79.1. Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» независимая оценка качества условий оказания услуг медицинскими организациями является одной из форм общественного контроля и проводится в целях предоставления гражданам информации о качестве условий оказания услуг медицинскими организациями, а также в целях повышения качества их деятельности. Независимая оценка качества условий оказания услуг медицинскими организациями не осуществляется в целях контроля качества и безопасности медицинской деятельности, а также экспертизы и контроля качества медицинской помощи.

Таким образом, законодатель, исходя из того, что каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь и что здоровье – высшее неотчуждаемое благо, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности, признал, что существует особый общественный интерес к сведениям о лицах, профессионально занятых оказанием медицинской помощи. Это позволяет рассматривать интернет-отзыв о медицинских услугах правомерной формой общественного контроля [3, с. 66–76].

К основным принципам охраны здоровья статьей 4 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» отнесены приоритет интересов пациента, доступность и качество медицинской помощи, которые согласно статье 10 данного закона обеспечиваются в том числе возможностью выбора медицинской организации и врача в соответствии с этим законом.

Исходя из этого, в судебных спорах пациентов с врачами по вопросам качества медицинской помощи должна действовать презумпция приоритета пациента как потребителя медицинских услуг.

Как в отмечено в одном из определений ВС РФ, установленные данным законом обязанности государства по проверке качества медицинской помощи и доступности информации в сфере здравоохранения, в том числе обязанность медицинских учреждений публиковать данные о врачах, их образовании и уровне квалификации, сами по себе не исключают потребность общества в обсуждении этих вопросов в СМИ, включая сбор отзывов пациентов о качестве оказанной им медицинской помощи и опубликование этих сведений².

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 [сайт]. Официальный интернет-портал правовой информации; 2024 [обновлено 09 мая 2017; процитировано 25 августа 2024]. Доступно: <http://www.pravo.gov.ru>.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2023 № 5-КГ22-147-К2 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Навстречу указанной потребности общества в первую очередь пошли интернет – СМИ и социальные сети. Например, сайт «ПроДокторов» – это медицинский агрегатор информации о клиниках и врачах. В этом сервисе собирается вся основная информация о клиниках и врачах: название, регион, контакты и время работы, отзывы о клиниках и врачах. Проблема лишь в одном, не всем врачам нравятся отзывы пациентов об оказанной им платной медицинской помощи. Некоторые врачи рассматривают отзывы своих пациентов в качестве диффамационного деликта и обращаются в суды с исками о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Мы разделяем меткое замечание М.Г. Орешкиной о том, что «усердная защита чьей-то репутации может вылиться в посягательство на гарантированные Конституцией свободу слова и свободу прессы и таким образом воспрепятствовать свободному распространению информации, необходимой обществу» [6, с. 173].

Сразу отметим, что далеко не все такие иски судами удовлетворяются. Однако для более продуктивного погружения в обозначенную проблему не обойтись, в первую очередь, без определения понятий права на честь, достоинство и деловую репутацию врача, а также объектов этого права.

Прежде всего отметим, что ст. 23 Конституции Российской Федерации¹ декларируется право каждого на защиту чести, достоинства и деловой репутации.

В объективном смысле право на честь, достоинство и деловую репутацию врача представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения по осуществлению, охране и защите этих нематериальных благ при оказании медицинской помощи пациентам.

В субъективном смысле право на честь, достоинство и деловую репутацию врача – это юридически обеспеченная возможность каждого врача осуществить судебную защиту своей чести, достоинства и деловой репутации от постороннего вмешательства.

Как и любое другое субъективное право, право на судебную защиту чести, достоинства и деловой репутации включает в себя, с одной стороны (процессуальной), возможность обращения в суд с иском о защите названных нематериальных благ, а с другой стороны (материальной), возможность требования от суда применения гражданско-правовой ответственности к лицу, распространившему о других лицах не только сведения, порочащие их честь, достоинство или деловую репутацию, но и любые распространенные о них сведения, если эти сведения не соответствуют действительности (п. 10 ст. 152 ГК РФ).

В ст. 152 ГК РФ не имеется определения чести, достоинства и деловой репутации, поэтому суды, рассматривая дела о защите этих нематериальных благ, пользуются понятийным аппаратом, выработанным в науке гражданского права.

Честь, достоинство и деловая репутация как категории нравственного порядка, являющиеся объектами соответствующего субъективного гражданского права. Они связаны между собой как оценка и самооценка, как почтение и самоуважение.

Честь врача как объект права на нее – это морально-правовая категория позитивно-объективного характера, определяющая общественную оценку личности врача.

Достоинство врача как объект гражданско-правовой судебной защиты от диффамации – это морально – правовая категория позитивно – субъективного характера, определяющая оценку врачом собственной личности.

Понятие репутации (вообще) в гражданском законодательстве отсутствует, есть лишь понятие деловой репутации. Если репутация – это сложившееся о лице мнение, основанное на оценке общественно значимых его качеств, то деловая репутация – оценка профессиональных качеств.

Деловая репутация врача как объект субъективного гражданского права – это морально-правовая категория позитивно-объективного характера, определяющая деловые и профессиональные качества врача в общественном сознании.

Наиболее распространенным злоупотреблением правом на свободу мысли, слова, мнения и информации является диффамация [7]. Как указано в п. 1 Постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации № 3 от 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в статье 152 ГК РФ.

¹ Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 01 июля 2020 года): принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. М.: Эксмо, 2021. 89 с.

Решение об удовлетворении иска о защите чести, достоинства и деловой репутации выносится судом в случае установления совокупности трех условий: сведения должны носить порочащий характер, быть распространены и не соответствовать действительности. При этом заявитель обязан доказывать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, и порочащий характер этих сведений. На ответчика же возложена обязанность доказать, что распространенные им сведения соответствуют действительности.

Распространение правдивых, но порочащих потерпевшего сведений, под понятие диффамационного деликта не подпадает. Лицо, распространившее такие сведения не может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 152 ГК РФ. Можно сказать, что это традиционный подход российской цивилистики к данной проблеме. Так, например, в Научно-практическом комментарии ГК РСФСР под редакцией профессора Е.А. Флейшиц, вышедшем в 1966 г., специально подчеркивалось, что «распространение о данном лице сведений, умаляющих его честь и достоинство, но соответствующих действительности, не является правонарушением и не может служить основанием для предъявления иска, предусмотренного ст. 7»¹.

Способами защиты от диффамации являются опровержение, возмещение убытков и компенсация морального вреда, право на ответ и удаление порочащей информации из сети Интернет (п. 5 ст. 152 ГК РФ).

Базовым гражданско-правовым способом защиты чести, достоинства и деловой репутации является опровержение. Согласно п. 2 ст. 152 ГК РФ сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина и распространенные в средствах массовой информации, должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации. Гражданин, в отношении которого в средствах массовой информации распространены указанные сведения, имеет право потребовать наряду с опровержением также опубликования своего ответа в тех же средствах массовой информации.

Что касается права на ответ, то медицинская организация (медицинский работник), в отношении которой в средствах массовой информации распространены указанные сведения, имеет право потребовать наряду с опровержением также опубликования своего ответа (комментария, реплики) в тех же средствах массовой информации (части 1 статьи 46 Закона РФ «О средствах массовой информации»).

При этом, как отмечается Конституционным Судом РФ, редакция средства массовой информации, зарегистрированного в форме сетевого издания, обязана предоставить медицинскому работнику и (или) медицинской организации организационно-техническую возможность реализовать гарантированное законом право на ответ, например, разместив на интернет-сайте совместно с критическим отзывом об их деятельности ответ на него, что призвано обеспечить как защиту прав затронутых таким отзывом лиц².

Анализ правового содержания ст. 12, 152 ГК РФ позволяет прийти к выводу, что опровержение – это специальный способ защиты гражданских прав, представляющий собой обоснованное отрицание не соответствующих действительности и/или порочащих деловую репутацию физического или юридического лица сведений, исходящее от лица, распространившего такие сведения.

Однако, идеи, мнения и оценки не могут быть опровергнуты по решению суда как не соответствующие действительности. Они могут оспариваться в порядке полемики, т.е. ответа, реплики, комментария в том же средстве массовой информации. Хотя на этот счет сложилась весьма противоречивая судебная практика. Так, например, Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 марта 2023 г. № 5-КГ22-147-К2 (О защите персональных данных, чести, достоинства и деловой репутации врачей) отменены судебные постановления об отказе в иске врачу Михайдаровой Г.З. к Антоненко О.В. и ООО «Медрейтинг» о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации морального вреда. Дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

¹ Флейшиц Е.А. Научно-практический комментарий к ГК РСФСР / Б.С. Антимонов, З.С. Беляева, С.Н. Братусь, Д.М. Генкин; М.: Юридическая литература, 1966. 640 с.

² По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "МедРейтинг": Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2021 № 22-П // Собрание законодательства РФ. 2021. № 22. Ст. 3915.

Основанием для этого явилось то, что «суды ... не дали оценки тому, могут ли содержащиеся в исследуемом отзыве высказывания, в том числе о нарушении истцом графика приема пациентов, о неправильном оформлении листа нетрудоспособности, о назначении лекарств вопреки представленным пациентом сведениям об аллергии, о нарушении врачебной этики, быть проверены на предмет соответствия действительности. Вместо этого, отказывая в иске, суд первой инстанции сослался только на то, что оспариваемые фразы не подлежат проверке на соответствие действительности, поскольку являются субъективным мнением пациента о враче Мирхайдаровой Г.З., а суд апелляционной инстанции указал также на отсутствие доказательств, которые могли бы послужить основанием для удовлетворения иска, и на то, что истец не воспользовалась правом на заявление ходатайства о проведении судебной лингвистической экспертизы».

По другому диффамационному спору, связанному с отзывом пациента о враче, суд первой инстанции исходил из того, что публикация ответчиком отрицательного отзыва о посещении врача представляет собой субъективное мнение, следовательно, данная публикация не может являться предметом судебной проверки на предмет соответствия ее действительности. Московский областной суд согласился с выводами нижестоящего суда.

Рассмотрев кассационную жалобу истца, судебная коллегия по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции оставила обжалуемые судебные решения без изменения, поскольку размещенный на странице сайта отзыв ответчика является оценочным мнением, суждением, убеждением автора, характеризуется признаками субъективной модальности, то есть представляет собой форму выражения субъективного мнения автора, не носит порочащий характер, не может быть расценен как утверждение о фактах и соответственно быть предметом опровержения в порядке, установленном подпунктами 1, 2 статьи 152 ГК РФ. (Определение по делу № 88-29060/2022).

12 ноября 2019 г. Верховный суд РФ рассмотрел дело по иску Гладышевой Т.В. к ООО «МедРейтинг» о защите персональных данных, компенсации морального вреда, возмещении понесенных расходов и отменил апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Воронежского областного суда от 12 февраля 2019 г. с направлением дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

В определении ВС РФ, в частности, отмечено, что установленные Законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» обязанности государства по проверке качества медицинской помощи и доступности информации в сфере здравоохранения, в том числе обязанность медицинских учреждений публиковать данные о врачах, их образовании и уровне квалификации, сами по себе не исключают потребность общества в обсуждении этих вопросов в средствах массовой информации, включая сбор отзывов пациентов о качестве оказанной им медицинской помощи и опубликование этих сведений. Между тем, объем информации о конкретных врачах, включая их персональные данные, а также способ получения и распространения этой информации должны быть соотнесены с правом каждого врача на защиту частной жизни, чему не было дано оценки судом апелляционной инстанции по настоящему делу.

Ответчиками по судебным диффамационным спорам, связанным с оказанием медицинской помощи, являются юридические и физические лица, распространившие в отношении врачей не соответствующую действительности порочащую информацию (сведения). По факту такая информация о врачах преимущественно распространяется на сайтах-агрегаторах отзывов, например «ПроДокторов». Но сайт сам по себе – это всего лишь цифровая технологическая платформа, не являющаяся субъектом юридической ответственности. Поэтому субъектами гражданско-правовой ответственности за диффамационные деликты, содержащиеся в отзывах пациентов о врачах, могут быть исключительно юридические или физические лица, которым принадлежит сайт.

Пунктом 4 ст. 17 Закона об информации, на владельца сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет, которые предназначены и (или) используются их пользователями для предоставления и (или) распространения посредством созданных ими персональных страниц информации возложена обязанность соблюдать права и законные интересы граждан и организаций, в том числе честь, достоинство и деловую репутацию граждан, деловую репутацию организаций.

В отличие от классических сайтов социальные сети формируются в основном благодаря контенту, который создают сами пользователи сети [8, с. 150].

Пунктом 5 ст. 17 Закона об информации предусмотрено, что лица, права и законные интересы которых были нарушены владельцем социальной сети в результате неисполнения им требований об особенностях распространения информации в социальных сетях (ст. 10.6 Закона об информации),

вправе обратиться в установленном порядке за судебной защитой своих прав, в том числе с исками о возмещении убытков, компенсации морального вреда, защите чести, достоинства и деловой репутации.

Владельцы социальных сетей и других интернет-ресурсов, не являющиеся непосредственными авторами и инициаторами распространения порочащих сведений, однако предоставляющие таковым техническую возможность для их распространения в Сети, получили название информационных посредников [9, с. 74–94].

Согласно п. 1 ст. 1253.1 ГК РФ, информационный посредник – это лицо, осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети «Интернет», лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети.

Информационный посредник – это специальный субъект информационных отношений, обеспечивающий надлежащее функционирование технической инфраструктуры. К ним, в частности, относятся владельцы сайтов в сети Интернет, предоставляющие сторонним лицам возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети.

В силу ст. 10.6 Закона об информации они, как и автор несут гражданско-правовую ответственность за распространение диффамационных сведений, выступая в качестве публикатора, не принявшего эффективных мер для своевременного удаления оставленных анонимными пользователями диффамационных сведений.

В соответствии с п. 77 Постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» суд устанавливает, является ли конкретное лицо информационным посредником, с учетом характера осуществляемой таким лицом деятельности. Если лицо осуществляет деятельность, которая указана в ст. 1253.1 ГК РФ, то оно признается информационным посредником в части осуществления данной деятельности. Если лицо осуществляет одновременно различные виды деятельности, то вопрос о его отнесении к информационному посреднику должен решаться применительно к каждому виду деятельности [5].

Особенности ответственности информационного посредника закреплены в ст. 1253.1 ГК РФ.

Услуги информационных посредников также могут использоваться для распространения оскорбительной, ложной и иной порочащей информации с нарушением права других лиц на честь, достоинство и деловую репутацию. Однако, как и в случае с неправомерным распространением результатов интеллектуальной деятельности, распространение информации, нарушающей право на честь, достоинство и деловую репутацию, информационные посредники, как правило, не иницируют и не контролируют распространение такой информации. Следовательно, привлечение информационных посредников к ответственности за распространение такой информации наравне с пользователями их услуг, которые являются авторами или иницируют распространение информации, нарушающей право на честь, достоинство и деловую репутацию, навряд ли будет справедливым. Тем не менее информационные посредники часто могут предотвратить или прекратить распространение такой информации пользователями их услуг. Особый статус информационных посредников при распространении информации, нарушающей право на честь, достоинство и деловую репутацию, сделал необходимым создание особого правового регулирования юридической ответственности информационных посредников за распространение такой информации пользователями их услуг.

Помимо автора диффамационных сведений владельцы социальных сетей несут гражданско-правовую ответственность за распространение диффамационных сведений как публикатор, не принявший эффективных мер для своевременного удаления оставленных анонимными пользователями диффамационных сведений.

Владелец социальной сети обязан не допускать распространения: информации, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию граждан и организаций. Однако обязанность по осуществлению мониторинга и блокировки установлена в отношении лишь некоторых видов информации. Согласно п. 5 ч. 1 и ч. 4 введенной ст. 10.6 Закона об информации владелец социальной сети осуществляет мониторинг и блокировку без участия Роскомнадзора или иного уполномоченного органа только в отношении следующих видов информации:

– детской порнографии и объявлений о привлечении несовершеннолетних к участию в мероприятиях порнографического характера;

- информации о способах изготовления, приобретения и использования наркотиков и иных подобных веществ;
- информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства;
- информации, направленной на привлечение к участию в азартных играх и лотереях, осуществляемых онлайн;
- предложения розничной продажи алкогольной и иной подобной продукции, если такая продажа запрещена законом;
- информации, направленной на склонение или иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих угрозу для их жизни или здоровья либо для жизни или здоровья иных лиц;
- информации, выраженной в неприличной форме и оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность или проявляющей явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам России, Конституции РФ или органам, осуществляющим государственную власть в России;
- призывов к массовым беспорядкам или участию в несанкционированных массовых мероприятиях;
- призывов к осуществлению экстремистской деятельности;
- fake news (недостоверных сообщений, распространяемых под видом достоверных и представляющих важность для общества);
- информационных материалов нежелательной иностранной или международной неправительственной организации.

Исходя из анализа, указанного выше, можем сделать вывод о том, что диффамационные сведения не входят в перечень информационных материалов, в отношении которых владелец социальной сети обязан применять меры превентивного выявления и блокирования.

Следует обратить внимание на существенно скорректированную позицию Верховного Суда РФ о том, в каких случаях пост в социальных сетях может стать основанием для иска о защите деловой репутации. Так, в п. 5 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации отмечалось, что по общему правилу, размещенный в социальной сети пост не является предметом судебной защиты по спорам о защите деловой репутации, поскольку представляет собой субъективное суждение лица¹. Однако не прошло и года как в п. 20 Обзора судебной практики ВС РФ № 1, утвержденного Президиумом ВС РФ 16 февраля 2017 г., Верховный Суд РФ привел в качестве примера спор, при разрешении которого Суд уточнил, в каком случае пост в социальных сетях все же может стать основанием для предъявления иска о защите деловой репутации. Так, 23 марта 2015 г. гражданка С. разместила в социальной сети пост, в котором указала, что заявленная компанией «Р» стоимость работ занижена и является «изначально демпинговой», а «конкурсная документация свидетельствует либо о полной некомпетентности ее составителей, либо о наличии коррупционной составляющей в виде договоренности заказчика с потенциальными исполнителями». По мнению компании «Р», такая информация порочит ее деловую репутацию, в связи с чем она обратилась в суд. В своем исковом заявлении организация указала, что умаление ее деловой репутации привело к отказу потенциальных подрядных организаций от участия в конкурсе. В итоге он был признан несостоявшимся, из-за чего компания понесла убытки, связанные с необходимостью оплачивать услуги третьих лиц по эксплуатационно-техническому обслуживанию оборудования.

Верховный Суд РФ отметил, что оспариваемые компанией «Р» сведения представляют собой информацию о незаконном и недобросовестном поведении организации и сформулированы в форме утверждений. Изложенная С. информация не указывает на то, что описанные факты носят характер предположения и что она лично таким образом оценивает поведение истца. Избранный стиль изложения информации, подчеркнул Верховный Суд РФ, указывает на наличие описываемых фактов в реальной действительности (факта занижения стоимости работ, факта установления демпинговой цены, факта некомпетентности составителей конкурсной документации, фактов коррупционного и иного незаконного поведения, мошенничества). Все эти факты могут быть проверены.

¹ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10. С. 153.

Следовательно, такая информация не носит субъективного характера. С учетом этого Верховный Суд РФ отменил акты нижестоящих судов и направил дело на новое рассмотрение¹.

Что касается владельцев сайтов, то согласно п. 78 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» владелец сайта самостоятельно определяет порядок его использования (п. 17 ст. 2 Закона о защите информации), поэтому бремя доказывания того, что материал, включающий результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, на сайте размещен третьими лицами, а не владельцем сайта и, соответственно, последний является информационным посредником, лежит на владельце сайта. При отсутствии таких доказательств презюмируется, что владелец сайта является лицом, непосредственно использующим соответствующие результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Из этого по аналогии вытекает, что владелец сайта, разместивший информацию диффамационного характера, может быть ответчиком по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации.

На наш взгляд, идеи, мнения и оценки не могут быть опровергнуты по решению суда как не соответствующие действительности. Они должны оспариваться в порядке полемики, т.е. ответа, реплики, комментария в том же средстве массовой информации. Чистые оценки, например, «хороший – плохой», «добрый – злой» не могут быть предметом опровержения, поскольку не поддаются проверке на истинность. Оценочное суждение говорит не об объекте, а об отношении субъекта к объекту. Сведение по смыслу ст. 152 ГК РФ – это утверждение о факте, которое можно проверить на предмет соответствия его действительности. В противоположность этому во мнении выражается соответствие оцениваемого факта не действительности, не объективному миру, а субъективным понятиям и представлениям отдельного человека, выражающим мнение.

Если же сайт, не являющийся СМИ, создан по модели интернет-форума, позволяющей пользователям размещать на сайте анонимные комментарии без предварительной проверки, то в соответствии с пунктом 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» судебная защита чести, достоинства и деловой репутации лица, в отношении которого распространены не соответствующие действительности порочащие сведения, не исключается также в случае, когда невозможно установить лицо, распространившее такие сведения (например, при направлении анонимных писем в адрес граждан и организаций либо распространении сведений в сети Интернет лицом, которое невозможно идентифицировать). В соответствии с пунктом 8 статьи 152 Гражданского кодекса суд в указанном случае вправе по заявлению заинтересованного лица признать распространенные в отношении него сведения не соответствующими действительности порочащими сведениями. Такое заявление рассматривается в порядке особого производства².

Поскольку судопроизводство по гражданским делам может растянуться на длительный срок, а распространенная в сети Интернет порочащая информация может продолжать наносить репутационный и материальный ущерб, то Конституционный Суд Российской Федерации указал на возможность применения мер по обеспечению иска, которые дают возможность приостановить распространение порочащей информации до момента принятия окончательного решения по судебному делу [10, с. 51].

Согласно п. 5 ст. 152 ГК РФ, если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, оказались после их распространения доступными в сети «Интернет», гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети «Интернет».

При этом требования об удалении порочащих сведений и об их опровержении выступают в качестве самостоятельных, а не идентичных способов защиты прав [4, с. 215–216]. Объясняется это тем, что удаление информации позволяет добиться того, чтобы в последующем с ней никто не мог ознакомиться, тогда как опровержение сведений имеет целью информирование широкого круга

¹ ВС РФ уточнил, в каких случаях пост в социальных сетях может стать основанием для иска о защите деловой репутации [сайт]. ГАРАНТ.РУ информационно-правовой портал; 2024 [обновлено 07 марта 2017; процитировано 30 августа 2024]. Доступно: <http://www.garant.ru/news/1096355>.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.03.2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

пользователей, которые ранее с ними уже ознакомились, о несоответствии их действительности [1, с. 161–162].

Так ч. 2 ст. 10 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» обязывает владельцев сайта размещать не только информацию о себе, но и о третьих лицах, которые размещают информацию на сайте. Таким образом, истец может предъявить исковые требования, не только к владельцам сайтов, на котором размещена информация, но и к непосредственно к автору, разместившему информацию со спорным содержанием.

Требования о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц рассматриваются как в порядке гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции, так и арбитражными судами в порядке, установленном арбитражным процессуальным законодательством, в связи с этим особенно важным представляется определение компетентного суда, к подсудности которого относится возникший спор.

С 1 октября 2019 г. термин «подведомственность» в Арбитражном процессуальном кодексе РФ заменен на термин «компетенция» (ст. 27, 28 АПК РФ), а в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации – на «подсудность» (ст. 22 ГПК РФ). Поэтому на данный момент для разграничения полномочий между судами общей юрисдикции и арбитражными судами используются категории подсудности и компетенции.

В Постановлении Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» обращается внимание на существование специальной подведомственности арбитражным судам дел о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, «независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возник спор или требование, юридические лица, индивидуальные предприниматели или иные организации и граждане»¹.

Как следует из ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений». Однако в п. 1 ст. 152 ГК РФ установлено, что «гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности». Поэтому в отличие от общего правила бремя доказывания при судебном рассмотрении диффамационных споров лежит на ответчике. В данном случае мы наблюдаем проявление так называемой доказательственной презумпции, когда за основу принимается предположение о существовании факта или его отсутствии, пока не доказано иное.

Таким образом, в законе определено как субъективное право на судебную защиту чести, достоинства и деловой репутации, так и юридическая обязанность лиц, распространивших не соответствующие действительности, порочащие сведения, опровергнуть их. При этом действует присущий гражданскому праву принцип презумпции невиновности потерпевшего, проявляющийся в том, что распространенные в отношении гражданина (организации) порочащие его сведения признаются не соответствующими действительности, поэтому доказывать обратное, т.е. достоверность этих сведений, обязан тот, кто их распространил.

Одним из источников сведений о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения гражданского дела, являются заключения экспертов (ст. 55 ГПК РФ)².

Однако заключение эксперта для суда не является обязательным и непроверяемым и должно оцениваться судом в совокупности с другими доказательствами по делу.

Судебная экспертиза назначается судом в случае, когда в процессе рассмотрения дела возникают вопросы, требующие специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства или ремесла. Экспертиза может быть назначена на любой стадии процесса до вынесения судом окончательного постановления.

¹ О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 // Российская газета. 2005. 16 марта.

² Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам / утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 декабря 2011 г. М., 2011.

Порядок назначения и проведения судебной экспертизы закреплен в статьях 79–87 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Каждая из сторон и другие лица, участвующие в деле, вправе представить суду вопросы, подлежащие разрешению при проведении экспертизы. Однако окончательный круг вопросов определяется судом. Если суд отклоняет вопросы, предложенные сторонами, он обязан мотивировать свое решение.

Как отмечено в п. 5 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г., при решении вопроса о том, носят ли оспариваемые истцом сведения порочащий характер, а также для оценки их восприятия с учетом того, что распространенная информация может быть доведена до сведения третьих лиц различными способами (образно, иносказательно, оскорбительно и т.д.), судам в необходимых случаях следует назначать экспертизу (например, лингвистическую) или привлекать для консультации специалиста (например, психолога).

Как указано в п. 7 Постановления Пленума ВС РФ № 23 от 19 декабря 2003 г. «О судебном решении», судам «следует иметь в виду, что заключение эксперта, равно как и другие доказательства по делу, не являются исключительными средствами доказывания и должны оцениваться в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами (статья 67, часть 3 статьи 86 ГПК). Оценка судом заключения должна быть полно отражена в решении. При этом суду следует указывать, на чем основаны выводы эксперта, приняты ли им во внимание все материалы, представленные на экспертизу, и сделан ли им соответствующий анализ»¹.

Правоприменительная практика по рассмотрению диффамационных споров сложилась таким образом, что в подавляющем большинстве случаев суд основывает свое решение на выводах, содержащихся в заключении судебной лингвистической экспертизы. При этом сами эксперты-лингвисты сообщают о потенциальной возможности множества ошибок в экспертной деятельности, «которые заключаются в использовании непригодных методов лингвистического анализа, приводящих к подмене смыслового содержания текста как объекта экспертного исследования или видоизменению его содержания посредством синонимической замены, свертки, реферирования, интерпретации и толкования, интроспекции, помещения в искусственно созданный новый контекст «сложного объединенного текста» [2, с. 33–39].

В связи с этим на первый план выступает вопрос квалификации эксперта, поэтому суд должен проверить, обладает ли эксперт достаточной квалификацией. Суд должен удостовериться, что соответствующий род (вид) экспертизы включен в «Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России», а экспертная специальность соответствует «Перечню экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России.

Как следует из приведенного перечня, эксперт-лингвист должен иметь экспертную специальность 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности». Хотя актуальная редакция ГПК РФ не содержит требований о необходимости производства судебной экспертизы исключительно в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России.

Таким образом, единственным условием, соблюдение которого позволяет эксперту принять поручение о производстве судебной лингвистической экспертизы, является наличие базового филологического образования. Как показывает практика, особенно значимым этот вопрос становится в тех случаях, когда в исследуемом продукте речевой коммуникации выявляется негативная информация (сведения), выраженная в имплицитной (скрытой) форме. Если при этом эксперт не вербализировал, то есть не доказал свой вывод словесно, суд лишается возможности проверить выводы эксперта.

Известную сложность представляют вопросы доказывания распространения диффамационных сведений в сети Интернет. Прежде всего потому, что наполнение виртуального пространства информацией постоянно изменяется. Сведения, которые еще минуту назад были зримы и общедоступны, могут быть мгновенно, в один клик, удалены или изменены в результате редактирования или модерации. Одним из способов фиксации таких сведений в сети Интернет, в многочисленных мессенджерах является изготовление скриншота.

¹ О судебном решении: п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 23 от 19.12.2003 // Российская газета. 2003. 26 декабря.

Оспаривая это доказательство, ответчик вправе ссылаться на возможность внесения изменений в скриншот с помощью специальных технических устройств и программ. В такой ситуации закрепление доказательств следует произвести с помощью совершения нотариального действия, в ходе которого нотариус производит осмотр информации, находящейся на странице сайта или мессенджера. Такой способ обеспечения доказательств применяется в случае «если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным».

Врач обратилась в суд с иском к жительнице Подмосковья и ООО «Медрейтинг» (учредитель интернет-сайта «ПроДокторов»), указав, что ответчик после прохождения у нее медицинского обследования оставила на сайте отзыв, порочащий ее честь, достоинство и деловую репутацию.

Истец просила суд признать данные сведения не соответствующими действительности, обязать ответчика их опровергнуть, а ООО «МедРейтинг» удалить их с сайта. Кроме того, заявительница потребовала взыскать с ответчика компенсацию морального вреда.

Решением Орехово-Зуевского городского суда Московской области, оставленным без изменения апелляционным определением Московского областного суда, в иске отказано в полном объеме.

В рамках рассмотрения спора судом была назначена и проведена судебная лингвистическая экспертиза, согласно заключению которой опубликованный отзыв содержит утверждения, умаляющие деловую репутацию истца как врача в форме высказывания о несоответствии ее профессиональной компетенции и непрофессионализме.

«Выражение «абсолютно некомпетентный врач» является порочащим деловую репутацию выражением, прямо указывающим на профессиональную некомпетентность Ф. как врача, выраженным в форме утверждения. Говорить о том, что в публикации задеты честь и достоинство Ф. как врача или как личности нельзя, так как автор высказывает утверждения только относительно профессиональной некомпетентности, т.е. деловых качеств Ф», – отмечается в заключении эксперта.

В завершение отметим, что в Кодексе профессиональной этики врача Российской Федерации сформулированы корреспондирующие с данным принципом этические требования: врач должен уважать честь и достоинство пациента и при лечении учитывать все особенности его личности, относиться с уважением к его личной жизни и праву на конфиденциальность, строить отношения с пациентом на основе взаимного доверия и взаимной ответственности; объективная информация о состоянии здоровья пациента дается доброжелательно; план медицинских действий разъясняется в доступной форме; взаимоотношения врача и пациента должны строиться на партнерской основе; при любых обстоятельствах врач обязан стремиться к тому, чтобы облегчить страдание пациента, поддержать его морально и избегать неразумной настойчивости в проведении диагностических и лечебных процедур (ст. ст. 28, 30, 32, 37).

Список использованной литературы:

1. Гаврилов Е.В. О новейшей практике Верховного Суда РФ по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации опорооченных в сети Интернет. *Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал*. 2019;(1):161–162.
2. Галяшина Е.И. Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышления после прочтения криминалистических работ Р.С. Белкина). *Теория и практика судебной экспертизы*. 2017;12(3):33–39.
3. Иссерс О.С. Отзывы о медицинских услугах и их конфликтогенный потенциал в эпоху цифровизации. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2022;21(3):66–76. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.6>.
4. Козьякова Е.А. Защита чести и достоинства медицинского работника: теория и практика. *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*. 2023;(23–1):215–216.
5. Лоренц Д.В. Информационные посредники

References:

1. Gavrilov E.V. [On the latest practice of the Supreme Court of the Russian Federation in cases of protection of honor, dignity and business reputation of those defamed on the Internet]. *Perm Law Almanac. An annual scientific journal*. 2019;(1):161–162. (In Russ.)]
2. Galyashina E.I. [Special methods of forensic linguistic expertise and expert phantoms (reflections after reading the criminological works of R. S. Belkin)]. *Theory and practice of forensic expertise*. 2017;12(3):33–39. (In Russ.)]
3. Issers O.S. [Reviews of medical services and their conflict-causing potential in the era of digitalization]. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*. 2022;21(3):66–76. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.6>. (In Russ.)]
4. Kozyakova E.A. [Protection of honor and dignity of a medical worker: theory and practice]. *Actual problems of combating crimes and other offenses*. 2023;(23–1):215–216. (In Russ.)]
5. Lorenz D.V. [Information intermediaries (providers) in

(провайдеры) в России и зарубежных странах: природа, сущность и типология. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2020;5(75):136–163.

6. Орешкина М.Г. Ответственность за диффамацию по праву США (Обзор). *Государство и право*. 1998;(4):171–174.

7. Потапенко С.В. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации от диффамации в СМИ. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права; 2020.

8. Потапенко С.В., Даниелян А.С. Защита чести, достоинства и деловой репутации: гражданско-правовой и процессуально-правовой аспекты: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; 2021.

9. Прохоренко Д.В. Ответственность информационных посредников за диффамацию в сети «Интернет». *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2020;(27):74–94.

10. Селина А.А., Холоденко Ю.В. Удаление информации в сети Интернет как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан. *Юристлингвистика*. 2017;(6):51–56.

Russia and foreign countries: nature, essence and typology]. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2020;(5):136–163. (In Russ.)]

6. Oreshkina M.G. [Liability for defamation under U.S. law (Review)]. *State and law*. 1998;(4):171–174. (In Russ.)]

7. Potapenko S.V. [Civil protection of honor, dignity and business reputation from defamation in the media]. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law; 2020. (In Russ.)]

8. Potapenko S.V., Danielyan A.S. [Protection of honor, dignity and business reputation: civil and procedural aspects]. Krasnodar: Kuban State University; 2021. (In Russ.)]

9. Prokhorenko D.V. [Responsibility of information intermediaries for defamation on the Internet]. *Journal of the Intellectual Property Rights Court*. 2020;(27):74–94. (In Russ.)]

10. Selina A.A., Kholodenko Yu.V. [Deleting information on the Internet as a way to protect the honor, dignity and business reputation of citizens]. *Legal linguistics*. 2017;(6):51–56. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Потапенко Сергей Викторович

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0003-3013-5072

Author ID: 57200339768

Researcher ID: AAB-5391-2021

Магомеднабиев Мурад Шамильевич

магистрант юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Potapenko

Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0003-3013-5072

Author ID: 57200339768

Researcher ID: AAB-5391-2021

Murad S. Magomednabiev

master's student of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov of the FGBOU VO "Kuban State University"

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-64-70>

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ МЕХАНИЗМОВ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Симомян К.Р.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Симомян К.Р. Влияние цифровизации правосудия на трансформацию механизмов правового воздействия. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(3):64–70. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-64-70>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Симомян Кристина Романовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: + 7 (928) 906-30-10

E-mail: kristina.simonyan.92@bk.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 30.08.2024

Статья принята к печати: 27.09.2024

Дата публикации: 15.10.2024

Аннотация: *Цель настоящей статьи* – проанализировать, как процесс цифровизации правосудия может воздействовать на изменение механизмов правового воздействия.

В связи с поставленной целью мы можем обозначить следующие задачи исследования:

1. Рассмотреть понятие цифровизации правосудия.
2. Изучить факторы и особенности современного общества, влияющие на правовое воздействие.
3. Исследовать особенности цифровизации правового воздействия.
4. Рассмотреть цифровизацию как инструмент совершенствования правосудия.

Методы исследования. В настоящей статье мы использовали общенаучные (сравнение, анализ, дедукция) и частнонаучные (формально-юридический, метод толкования правовых норм, сравнительно-правовой) методы.

Результаты исследования. Одним из ключевых механизмов цифрового правового воздействия является внедрение электронного правосудия. Это включает в себя использование электронных систем для подачи и рассмотрения исков, а также проведение судебных заседаний в онлайн-формате. Такие инновации могут существенно сократить время на рассмотрение дел и сделать правосудие более доступным для граждан.

Вывод. Общими направлениями совершенствования правового регулирования процессуальных правоотношений, реализуемых в электронном формате, являются: создание блока правовых норм, касающихся принятия или отказа в принятии искового заявления, поданного в электронном виде; урегулирование порядка обеспечения, приобщения, аутентификации, исследования электронных доказательств и доказательств, поданных в электронном виде, а также порядка исследования вещественных и письменных доказательств в судебном заседании, проводимом в формате видео-конференц-связи; урегулирование последствий отсутствия аудиопотока судебного заседания или несоответствия протокола судебного заседания его аудиоверсии.

Ключевые слова: цифровизация правосудия, блокчейн-технология, правовое воздействие, электронное правосудие.

THE IMPACT OF DIGITALIZATION OF JUSTICE ON THE TRANSFORMATION OF LEGAL IMPACT MECHANISMS

Krisrina R. Simonyan

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Simonyan K.R. The impact of digitalization of justice on the transformation of legal impact mechanisms. Legal Bulletin of the Kuban State University. 2024;16(3):64–70. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-64-70>

CONTACT INFORMATION:

Kristina R. Simonyan, Cand. of Sci. (Law), Senior Lecturer at the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: + 7 (928) 906-30-10

E-mail: kristina.simonyan.92@bk.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 30.08.2024

The article has been accepted for publication: 27.09.2024

Date of publication: 15.10.2024

Annotation: The *purpose* of this article is to analyze how the process of digitalization of justice can affect changes in the mechanisms of legal influence.

In connection with this goal, we can identify the following research objectives:

1. Consider the concept of digitalization of justice.
2. To study the factors and features of modern society that affect the legal impact.
3. To investigate the features of digitalization of legal impact.
4. Consider digitalization as a tool for improving justice.

Research methods. In this article, we used general scientific (comparison, analysis, deduction) and private scientific (formal legal, method of interpretation of legal norms, comparative legal) methods.

The results of the study. One of the key mechanisms of digital legal impact is the introduction of electronic justice. This includes the use of electronic systems for filing and reviewing lawsuits, as well as conducting court sessions in an online format. Such innovations can significantly reduce the time for reviewing cases and make justice more accessible to citizens.

Conclusion. The general directions for improving the legal regulation of procedural legal relations implemented in electronic format are: creation of a block of legal norms concerning the acceptance or refusal to accept a statement of claim filed in electronic form; regulation of the procedure for securing, attaching, authenticating, examining electronic evidence and evidence submitted in electronic form, as well as the procedure for examining physical and written evidence in a court session conducted in the format of a video conference call; settlement of the consequences of the absence of an audio protocol of the court session or inconsistency of the minutes of the court session with its audio version.

Keywords: digitalization of justice, blockchain technology, legal impact, electronic justice.

Введение

Цифровизация с каждым годом становится все более неотъемлемой характеристикой современного общества, его лейтмотивом. В этой связи правовая система как неразрывная составляющая социосферы также является отражением на себе общие веяния эпохи. В контексте данного исследования акцент будет сделан на одну из подсистем правовой системы (судебную систему), в рамках которой и будет проведен анализ текущего состояния применения цифровых технологий при реализации судами их первичной задачи – отправления правосудия.

Методы исследования

В настоящем исследовании автором были использованы общенаучные методы исследования –

такие как анализ, синтез, дедукция и сравнение. При помощи данных методов автором была проанализирована сущность цифровизации правосудия, ее характерные признаки и особенности.

Также в статье были использованы специальные методы исследования. Формально-юридический метод позволил автору проанализировать правовые основы введения цифровизации правосудия, привести законодательные обоснования необходимости ее применения.

Метод толкования правовых норм использовался, чтобы рассмотреть особенности законодательного регулирования цифровизации правосудия, изучить недостатки законодательства.

При помощи сравнительно-правового метода автор рассмотрел специфику электронного правосудия, сопоставил законодательные основы правовой регламентации и правового воздействия электронного правосудия с реализуемыми в настоящее время традиционными его формами.

Результаты исследования

Цифровизация общественной жизни становится неотъемлемой частью современной реальности, оказывая значительное влияние на все аспекты человеческой деятельности, включая правовую сферу. Процессы цифровизации затрагивают не только методы обработки информации, но и механизмы правового регулирования и воздействия, что представляет собой фундаментальные изменения в системе правосудия и правоприменения.

Как заметила Е.К. Щербакова, правовое воздействие в широком понимании не что иное, как влияние права на сознание и поведение людей, на социальные отношения, производимое как системой общесоциальных правовых явлений (правосознания, правовой культуры, правовых установок и принципов), так и совокупностью специальных юридических средств (норм права, юридических фактов, актов применения и реализации права, правоотношений) с целью стабилизации общественных отношений и установления правопорядка [8, с. 364]. Принимая во внимание высказанное мнение становится ясно, что право не ограничивается только формальным применением норм и законов. Оно глубоко интегрировано в ткань общественной жизни, формируя правосознание и правовую культуру. Это подчеркивает не только важность каждого юридического акта, но и обширное влияние правовой системы в целом на стабилизацию общественных отношений и поддержание порядка, что, в свою очередь, приводит к выводу о том, что правовое воздействие и правоприменение должны быть осознанно направлены на укрепление правовой культуры и развитие правосознания, что логически способствует более эффективному и гармоничному функционированию общества [6, с. 40–58].

Подчеркнем, что в доктрине понятие «правовое воздействие» рассматривается в самом широком смысле и охватывает весь процесс воздействия права на социальную жизнь, сознание и поведение людей. Это понятие воспринимается как единое и многообразное явление, которое включает в себя все формы воздействия права на общественные отношения и поведение людей. Сущностно правовое воздействие – это многомерный процесс влияния права на сознание и поведение индивидов, отдельных социальных групп и общества в целом, проходящий в условиях диалектического единства национальной и глобальной социально-правовой среды, преемственности и новизны в государственно-правовом развитии¹. Такое понимание правового воздействия позволяет рассматривать не только формальные нормы права, но и их реализацию в практике, а также социальные, экономические и культурные факторы, которые влияют на процессы правового воздействия в обществе.

При этом в современной эпохе научно-технического прогресса и взаимодействия с правовыми системами возникают новые сложные вопросы, особенно в контексте правового регулирования и цифровизации [4, с. 4–23]. Цифровые технологии активно внедряются в различные сферы, значительно улучшая или усложняя жизнь и деятельность людей и организаций. В сфере государственного управления цифровизация изменяет области компетенции публичных органов, устраняя некоторые функции и вводя новые, такие как аналитические инструменты и прогностические модели, тем самым упрощает процесс управления и повышает его эффективность за счет более широкого доступа к информации².

¹ Симонян К.Р. Правовое воздействие в сущностном и функциональном измерении: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 84.

² Тенденции цифровизации исполнительной власти в зарубежных странах: научно-практическое пособие / Т.И. Чурсина, Н.Б. Крысенкова, Ф.А. Лещенков, Н.Ю. Трещетенкова; отв. ред. А.Н. Пилипенко; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Инфотропик Медиа, 2021. С. 114–189.

Предваряя анализ влияния цифровизации правосудия на трансформацию механизмов правового воздействия стоит определиться с трактовкой цифровизации правового воздействия в целом. Так, под ней понимается процесс интеграции цифровых технологий в процессы правового регулирования, правоприменения и правоохранительной деятельности, включающий в себя несколько ключевых аспектов:

1) внедрение информационных систем и программного обеспечения для автоматизации рутинных задач, таких как обработка данных, подача и обработка юридических документов, управление делами в судах и других правоохранительных органах.

2) разработка и использование цифровых платформ для улучшения доступности, прозрачности и скорости судопроизводства. Это может включать электронное документооборот, видеоконференцсвязь для слушаний, а также онлайн-сервисы для подачи исков и апелляций, т.е. то, что получило в профессиональной среде наименование «электронное правосудие».

3) создание и использование обширных баз данных законодательства, судебной практики и другой юридической информации, доступных онлайн. Внедрение инструментов искусственного интеллекта для анализа больших объемов данных и предоставления предварительных юридических заключений или рекомендаций.

4) применение цифровых методов для идентификации лиц и обеспечения безопасности юридически важной информации через технологии шифрования, блокчейн и другие средства цифровой защиты.

5) разработка и предоставление онлайн-сервисов, которые позволяют гражданам легко получать юридическую информацию, консультации, а также взаимодействовать с государственными органами, например, через порталы государственных и муниципальных услуг.

Изложенное, вкуче, приводит к перераспределению традиционных границ правового пространства, стирая физические и географические ограничения, что в потенциале ведет к созданию новой формации отправления правосудия¹, где территориальная юрисдикция и местоположение становятся менее значимыми.

Научная дискуссия

Расширение сферы использования при отпращении правосудия (как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах) цифровых средств связи и технологий, более активное применение электронного документооборота не оставляет судебным органам альтернативы – необходимо мимикрировать в цифровую среду. Вкуче, это способствует выработке в правовой доктрине следующих векторов цифрового развития системы судопроизводства:

1) модернизация автоматизированных средств содействия в отпращении правосудия;

2) актуализация сведений о проводимых судебных заседаниях на сайтах соответствующих судов (дата и время, участники, итог рассмотрения и т.д.);

3) закрепление электронных/цифровых документов в качестве самостоятельных средств доказывания;

4) применение цифровых технологий для обеспечения фиксации хода судебного заседания (аудио/видеопотоколирование);

5) смягчение правил применения видеоконференц-связи в рамках судебного разбирательства.

Важно отметить, что признанием и правовой основной закрепления возрастающей роли цифровизации на судебную систему РФ послужила утвержденная Правительством РФ в конце 2012 г. программа ее развития до 2024 года².

Дальнейший значимый шаг в деле цифрового развития судебной системы связан с ограничениями, вызванными распространением новой коронавирусной инфекции Covid-19 и сложившейся на ее фоне эпидемиологической ситуацией. При возникших запретах посещения залов судебных заседаний Верховным судом РФ совместно с Советом судей РФ было предложено проведение судебных процессов посредством средств дистанционной связи [2, с. 34–36].

Однако в процессе адаптации права к цифровой реальности возникают различные проблемы, в том числе методологического характера. Право, стремясь сохранить свою эффективность как

¹ Капустин О.А. Организация судебной деятельности в современный период: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 5; 14.

² О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы»: Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 29.12.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

регулятора общественных отношений, модифицируется, вводя в структуру правоотношений новые виды объектов (сеть Интернет, криптовалюта и др.) и субъектов (электронное правительство, роботы, искусственный интеллект, операторы данных и др.). Это неизбежно влечет за собой изменение содержания правоотношений и формирование их новых видов, таких как цифровые платформы.

Аналитический обзор функционирующих в настоящее время систем цифровой среды позволяет высказать мнение о наличии на текущий момент ряда проблемных вопросов в обеспечении единого стандарта правового регулирования электронного правосудия. Так, в частности, основными ориентирами в данной области должно послужить:

- 1) формирование законодательной платформы для упорядочивания процедуры подачи процессуальных документов в электронном формате;
- 2) закрепление электронных документов как самостоятельных средств доказывания в рамках судебного разбирательства и утверждения правил их использования;
- 3) фиксация процедуры исследования иных доказательств (в первую очередь вещественных и письменных), которые были представлены в цифровом формате либо при проведении дистанционного судебного заседания.

Позиции отечественных исследователей в контексте осмысления места и роли цифровизации в деятельности судебной системы в целом сводятся к постулату о его становлении как общепризнанного феномена правовой реальности, требующего скрупулезную оценку в рамках правовой мысли [1, с. 39–44].

Исследование действующих цифровых систем судопроизводства свидетельствует, по мнению А.К. Фетисова, о единой проблеме недостаточности правового регулирования «электронного правосудия».

В настоящее время одной из попыток осмысления категории «цифровизация судопроизводства» является предложение имплементации в научный оборот понятия «цифровая дееспособность». Авторам идеи представляется, что носители т.н. «цифровой дееспособности» будут наделены возможностями использования цифровых благ в рамках процессуальных правоотношений. В качестве перечня возможностей, реализуемых субъектами судебного разбирательства приводится создание цифрового профиля лица, закрепляющего право на осуществление процессуальных действий путем использования цифровых средств связи, а также IT-сервисов и платформ [5, с. 3–7].

Немаловажным фактором расширения границ «цифры» служит модернизация технологических инструментариев ее реализации. Вышеизложенное приводит нас к формированию и последующему закреплению комплекса информационно-технологических средств и способов, направленных на осуществление задач, стоящих перед судебными органами. Считаем, что наиболее оптимальной в данной связи использования их классификации по критерию выбора действий ими осуществляемых (функциональный критерий):

- 1) информационно-технологические средства и способы фиксации и воспроизведения;
- 2) информационно-технологические средства и способы транслирования данных;
- 3) информационно-технологические средства и способы обработки данных.

Очевидно, что имплементация тех или иных способов и средств информационно-технологических средств и способов возможна лишь в полном соответствии критериям, приведенным выше. Можно согласиться с позицией авторов касаясь наличия в действующих цифровых технологиях ряда пробелов и спорных аспектов, требующих дополнительной проработки и детализации [3, с. 7–12]. Считаем, необходимо признать, что текущий этап развития цифровых технологий выявляет ряд проблемных зон, которые не были полностью адресованы на начальных этапах разработки и внедрения данных технологий. В частности, вопросы кибербезопасности, защиты персональных данных, а также этические аспекты использования искусственного интеллекта требуют не только технических, но и правовых, нормативных решений. Это подразумевает необходимость междисциплинарного подхода в доработке и оптимизации информационно-технологических средств, где юридические, этические и технологические экспертизы должны дополнять друг друга, создавая комплексную и безопасную систему цифровых технологий.

Правоприменительная деятельность является одним из ключевых элементов механизма правового воздействия и играет важную роль в его качественном исполнении. Улучшение эффективности этого механизма тесно связано с гармоничным сочетанием нормативного и индивидуального правового регулирования¹. Это включает в себя точное (релевантное) отражение

¹ Щербакова Е.К. Механизм правового воздействия: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. С. 213.

нормативных указаний в актах применения права. Важно, чтобы индивидуальное правовое регулирование строго соответствовало нормативным предписаниям, тем самым позволяя как не впасть в излишний формализм, когда нормы права не реализуются в жизни, так и избежать произвола, при котором нормативные регуляции игнорируются правоприменителем¹.

Правовое регулирование приводит к возникновению новых правоотношений и определяет условия их изменения или прекращения, что требует активного вмешательства со стороны компетентных органов и должностных лиц в процессе их реализации или же в предусмотренных законодательством случаях [7, с. 174].

В рамках тенденций развития правоприменительной практики в условиях цифровизации предполагается продолжение процесса цифровизации судопроизводства, что подразумевает принятие организационных мер, таких как идентификация участников процесса, подтверждение их полномочий и возможность получения заверенных копий судебных документов дистанционно.

Для улучшения механизмов правового воздействия при внедрении новых технологий в правосудие рекомендуется:

1. Модернизировать нормативно-правовую базу, адаптировать процессуальное законодательство к условиям электронного правосудия, устранить правовые барьеры для использования цифровых технологий.

2. Обеспечить надежность, безопасность и независимость информационных систем суда, прозрачность используемых алгоритмов, защиту персональных данных участников процесса.

3. Внедрять системы поддержки принятия судебных решений на основе анализа судебной практики, выявления типовых дел и единообразных правовых позиций.

4. Предоставить гражданам и организациям удобные инструменты для онлайн-доступа к правовой информации, повысить правовую грамотность и осведомленность о возможностях электронного правосудия.

5. Сохранять возможность традиционного «бумажного» судопроизводства наряду с электронным, учитывать интересы граждан, не имеющих доступа к цифровым технологиям.

Конечно же это не весь спектр возможных способов совершенствования механизмов правового воздействия в области отправления правосудия, но, как думается, первоочередной и действенный.

В заключении хотелось бы тезисно отметить следующие моменты:

1) процесс цифровизации судебной системы является частью более масштабного процесса «оцифровывания» реальности, затрагивающего социосферу в полном объеме. В этой связи перед юридическим сообществом стоит вопрос о мимикрировании в новую [правовую] реальность и трансформации имеющихся правовых конструктов для эффективного применения оных в перспективе;

2) цифровизация дает дополнительные возможности для совершенствования процедуры отправления правосудия. С одной стороны, дает возможность субъектам правоотношений для защиты своих прав и законных интересов, а с другой стороны, позволяет суду как органу публичной власти более эффективно выполнять задачи по обеспечению законности и правопорядка.

Цифровизация правосудия является неотвратимым и значимым процессом, который трансформирует механизмы правового воздействия. Чтобы адаптироваться к этим изменениям, необходима активная роль всех акторов – законодателей, правозащитников, ИКТ-экспертов и общественности. Правовая система должна не только реагировать на изменения, но и активно формировать условия для защиты основных прав и свобод личности в цифровую эпоху.

Список использованной литературы:

1. Брановицкий К.Л. Цифровая доступность правосудия: трансграничное измерение. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2020;(6):39–44.
2. Галиакберов А.Ф., Хисамов А.Х., Хафизова Л.Р. Развитие судебной системы в условиях цифровой модернизации. *Российский судья*. 2021;(5):34–36.
3. Наумов В.В. Информационные инструменты в

References:

1. Branovitsky K.L. [Digital accessibility of justice: a cross-border dimension]. *Arbitration and civil procedure*. 2020;(6):39–44. (In Russ.)]
2. Galiakberov A.F., Khisamov A.H., Khafizova L.R. [Development of the judicial system in the context of digital modernization]. *A Russian judge*. 2021;(5):34–36. (In Russ.)]
3. Naumov V.V. [Information tools in civil and arbitration

¹ Симонян К.Р. Указ. соч. С. 90.

гражданском и арбитражном процессе: проблемы внедрения и критерии эффективности. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2020;(7):7–12.

4. Тихомирова Ю.А., Кичигин Н.В., Цомартова Ф.В., Бальхаева С.Б. Право и цифровая информация. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021;(2):4–23.

5. Фетисов А.К. Цифровая дееспособность. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2021;(5):3–7.

6. Чеботарев А.В., Панарина М.М. Формы осуществления дистанционного правосудия в России. *Адвокатская практика*. 2021;(3):40–58.

7. Шепелев Д.В. Цифровизация в тенденциях правового регулирования и правоприменении на современном этапе. *Социально-политические науки*. 2020;(3):170–175.

8. Щербакова Е.К. Особенности механизма правового воздействия. *Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки*. 2017;2(159):363–372.

process: problems of implementation and criteria of effectiveness]. *Arbitration and civil process*. 2020;(7):7–12. (In Russ.)]

4. Tikhomirova Yu.A., Kichigin N.V., Tsomartova F.V., Balkhaeva S.B. [Law and digital information]. *Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2021;(2):4–23. (In Russ.)]

5. Fetisov A.K. [Digital legal capacity]. *Arbitration and civil procedure*. 2021;(5):3–7. (In Russ.)]

6. Chebotarev A.V., Panarina M.M. [Forms of remote justice in Russia]. *Law practice*. 2021;(3):40–58. (In Russ.)]

7. Shepelev D.V. [Digitalization in trends of legal regulation and law enforcement at the present stage] *Socio-political sciences*. 2020;(3):170–175. (In Russ.)]

8. Shcherbakova E.K. [Features of the mechanism of legal influence]. *Scientific notes of Kazan University. The Humanities series*. 2017;2(159):363–372. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Симонян Кристина Романовна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID 0000-0003-4140-0812

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kristina R. Simonyan

Cand. of Sci. (Law), Senior Lecturer at the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID 0000-0003-4140-0812

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-71-78>

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗЫВАНИЮ, УСТАНОВЛЕНИЮ, ВЫЯВЛЕНИЮ – КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Никитин В.И.

Главное следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым
и г. Севастополю
(пр-т Кирова, д. 47/2, г. Симферополь, Республика Крым, Россия, 295017)

Ссылка для цитирования: Никитин В.И. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, установлению, выявлению – как самостоятельные категории отечественного уголовно-процессуального права. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(3):71–78. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-71-78>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Никитин Виктор Игоревич, старший следователь следственного отдела по Центральному району г. Симферополя Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым и г. Севастополю, старший лейтенант юстиции.

Адрес: пр-т Кирова, д. 47/2, г. Симферополь, Россия, Республика Крым, 295017

Тел.: +7 (3652) 799-723

E-mail: v-nikitin-i001@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 29.08.2024

Статья принята к печати: 27.09.2024

Дата публикации: 15.10.2024

Аннотация: По утвердившемуся в науке уголовного процесса представлению доказывание составляет основу всего процесса, а факты – основа для принятия всех значимых процессуальных решений. Именно с решениями связываются такие важные проблемы, как законность, обоснованность, мотивированность, а также в отдельных случаях и справедливость вовлечения участников в уголовное судопроизводство и применения различных форм ограничения их прав участников, включая меры процессуального принуждения, производство следственных действий и др.

Факты, которые становятся материальными основаниями для принятия процессуальных решений имеют фундаментальное значение, равно как и способы их вовлечения в уголовное судопроизводства. Способы получения фактов оказывают на них значительное влияние, что при определенных обстоятельствах (в силу указаний уголовно-процессуального закона) может влиять на сферу использования фактов в уголовном судопроизводстве (например, использовать их для обоснования ходатайства следователя в суд о применении меры пресечения, для выдвинутого обвинения или для приговора суда и др.).

Несмотря на высокую значимость факты и способы их вовлечения в уголовное судопроизводство имеют теоретические и практические проблемы, разрешение которых способно изменить представления об устоявшихся и привычных понятиях.

В уголовно-процессуальном законе применительно к способам получения фактов используются различные термины. В их ряду отметим основные – это доказывание и выявление (оба фигурируют, в частности, в ст. 73, выявление, кроме того, используется законодателем в ч. 4 ст. 29, п.

2 ч. 2 ст. 37, ч. 1.1 ст. 110 и др. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), а также установление, которое представлено во многих статьях кодекса¹). Различия в смысловой нагрузке, нестабильность в контекстном использовании создает риск ошибиться в возможности использования тех или иных фактов, их оценке, учитывая способ их получения. Соответственно, актуальность приобретает разрешение проблемы единообразия применяемой терминологии и определение правового смысла и значения каждого понятия.

Цель настоящей работы состоит в формировании единообразного подхода к использованию терминологии и определении общего правового значения для каждого из указанных терминов – доказывание, установление и выявление.

Для достижения поставленной цели решались несколько *задач*, в том числе проведение сопоставления содержательного наполнения упомянутых терминов и формулирования рекомендаций, необходимых для единообразного законодательного регулирования в части определения способов вовлечения фактов и их использования в различных направлениях уголовно-процессуальной деятельности.

Методы исследования: описательный, сопоставительный, системно-структурный анализ, обособление, синтез.

Результаты: 1) сделаны выводы о смысловом различии понятий «доказывание», «установление», «выявление», что позволяет говорить о необходимости самостоятельного правового регулирования каждого из указанных способов получения и уголовно-процессуального вовлечения фактов; 2) от способа получения зависит оценка фактов и степень их достоверности [6] и сфера уголовно-процессуального применения; 3) сформулированы предложения по совершенствованию положений отечественного уголовно-процессуального закона для установления единообразия в терминологическом аппарате; 4) разработаны рекомендации по использованию терминов «доказывание», «установление», «выявление» в различных контекстах правоприменительной уголовно-процессуальной деятельности

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, факты, доказывание, выявление, установление, достоверность.

CIRCUMSTANCES TO BE PROVED, ESTABLISHMENT, IDENTIFICATION – AS INDEPENDENT CATEGORIES OF DOMESTIC CRIMINAL PROCEDURE LAW

Viktor I. Nikitin

Main Investigation Department

Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Crimea
and Sevastopol

(47/2 Kirov Ave., Simferopol, Republic of Crimea, Russia, 295017)

Link for citation: Nikitin V.I. Circumstances to be investigated, established, and identified as independent categories of domestic criminal procedure law. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(3):71–78. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-71-78>

CONTACT INFORMATION

Viktor I. Nikitin, Senior investigator of the investigative department for the Central District of Simferopol of the Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Crimea and Sevastopol. Senior Lieutenant of Justice.

Address: 47/2 Kirov Ave., Simferopol, Russia, Republic of Crimea, 295017

Tel.: +7 (3652) 799-723

E-mail: v-nikitin-i001@mail.ru

¹ В ст. 421 УПК РФ прямо предусматривает перечень обстоятельств, подлежащих именно установлению. Об установлении законодатель также упоминает применительно к обстоятельствам уголовного дела в ст. 74, п. 3 ч. 1 ст. 81, ч. 1 ст. 84, ч. 3.1 ст. 165, ст. 196, ч. 6 ст. 208, п. 2 ч. 2 ст. 209, ст. 226.5, ст. 265, п. 5 ст. 281, ч. 3 ст. 339, п. 4 ч. 3 ст. 226.5, ч. 2 ст. 21, ч. 3 ст. 348 УПК РФ.

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 29.08.2024

The article has been accepted for publication: 27.09.2024

Date of publication: 15.10.2024

Annotation: According to the concept established in the science of criminal procedure, evidence forms the basis of the entire process, and facts are the basis for making all significant procedural decisions. It is with solutions that such important problems as legality, validity, motivation, as well as, in some cases, the fairness of the involvement of participants in criminal proceedings and the use of various forms of restriction of their rights of participants, including measures of procedural coercion, investigative actions, etc. are associated.

The facts that become the material grounds for making procedural decisions are of fundamental importance, as well as the ways in which they are involved in criminal proceedings. The methods of obtaining facts have a significant impact on them, which in certain circumstances (due to the instructions of the criminal procedure law) may affect the scope of the use of facts in criminal proceedings (for example, to use them to substantiate an investigator's petition to the court for the application of a preventive measure, for an accusation or for a court order, etc.).

Despite the high importance, both the facts and the ways of their involvement in criminal proceedings have theoretical and practical problems, the resolution of which can change the perception of established and familiar concepts.

In the Criminal Procedure Law, various terms are used in relation to the methods of obtaining facts. Among them, we note the main ones – this is proof, identification (both appear, in particular, in Article 73, identification, in addition, is used in part 4 of Article 29, paragraph 2 of part 2 of Article 37, part 1.1 of Article 110, etc. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation), the establishment (presented in many articles of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). Differences in semantic load, instability in contextual use creates the risk of making a mistake in the possibility of using certain facts, given the way they are obtained. Accordingly, the resolution of the problem of uniformity of the terminology used and the definition of the legal meaning and meaning of each concept becomes relevant.

The *purpose* of this work is to form a uniform approach to the use of terminology and to define a common legal meaning for each of these terms – proof, establishment, identification.

To achieve this goal, several *tasks* were solved, including comparing the content of each of the mentioned terms, as well as offering recommendations necessary for uniform legislative regulation in terms of determining ways to involve facts and their use in various areas of criminal procedural activity.

Research methods: descriptive, comparative, system-structural analysis, isolation, synthesis.

Results: 1) conclusions are drawn about the semantic difference between the concepts of «proof», «establishment», «identification», which allows us to talk about the need for independent legal regulation of each of the specified methods of obtaining and criminal procedural involvement of facts; 2) the assessment of facts and the degree of their reliability and scope depend on the method of obtaining 3) proposals have been formulated to improve the provisions of the domestic criminal procedure law in order to establish uniformity in the terminological apparatus; 4) recommendations have been developed on the use of the terms «proof», «establishment», «identification» in various contexts of law enforcement criminal procedural activities.

Keywords: criminal proceedings, facts, proof, identification, establishment, reliability.

Введение

Уголовное судопроизводство представляет собой отдельный, самостоятельный вид деятельности, имеющий весьма специфические характеристики. К ним можно отнести субъектов, формы, цели, результаты и другие признаки. Однако особо в этом ряду нужно выделить именно результат. Итоговое судебное решение – приговор – является тем процессуальным актом, который не только завершает производство по уголовному делу (по общему правилу), но и определяет последующее правовое положение большого числа участников – граждан, юридических лиц, предпринимателей, и иных. Приговор должен отвечать требованиям законности, обоснованности и справедливости (ст. 297 УПК РФ). В соответствии со ст. 7 УПК РФ аналогичным требованиям

должны соответствовать и иные процессуальные решения, оказывающее влияние на права, свободы и законные интересы граждан и иных участников уголовного судопроизводства. Любое процессуальное решение легитимно только при условии, что оно основано на достаточном объеме фактического материала, позволяющего принять соответствующее решение. При недостаточности или сомнительности фактических обстоятельств решение как минимум является уязвимым, опровержимым, а как максимум – не законным и подлежащим отмене. Подбор фактов для принятия определенных решений, их качественный и количественный состав как правило законодательно не регулируется. Однако, законодатель использует иной подход, указывая правоприменителю на обязанность доказать, выявить или установить те или иные факты. Проблема, которую следует разрешить заключается в том, что законодателем эти понятия используются вне единообразного подхода, в различных контекстах. В свою очередь такая «неразборчивость» законодателя дает повод ученым также вольно обращаться с указанными понятиями, что отражается и на правоприменении.

В рамках данной статьи наша задача заключается в обсуждении указанных проблем, в постановке и разрешении вопроса, касающегося методологической возможности их разрешения в условиях неопределенности и множественности используемой терминологии.

Методы исследования

Методология исследования обусловлена целью и задачами исследования, решение которых возможно подробным описанием сущности и хода процессуальной коммуникации (метод описания), проведением сопоставления различных тактик и способов процессуальной коммуникации (метод сопоставления), выявлением структуры процессуальной коммуникации, ее элементов, определением места каждого из них в системе коммуникации (структурный метод), выявлении различий субъектов на основании применяемых тактик процессуальной коммуникации, языковых средств и т.д. (метод стратификации).

Результаты исследования

1. Выявление, установление и доказывание – самостоятельные процессуальные понятия, обладающие отдельным смысловым наполнением. Каждое из них может быть истолковано как деятельность (процесс), так и результат (например, установление факта). Рассматривая их как результат, предлагаются следующие их определения применительно к уголовному судопроизводству:

- выявление – это обнаруженное событие, их совокупность или отдельные их элементы, части, позволяющие составить предположение о событии в целом;
- установление – верифицированный факт о каком-либо событии, при этом уровень достоверности может быть различным: от истинного (приговор) до гипотетического (постановление о возбуждении уголовного дела);
- доказывание – формирование фактической основы, отличающейся признаком достоверности (самый надежный уровень установления фактов).

2. Выявление, установление и доказывание имеют внутренние связи. Без выявления не может быть установления. Установление имеет в уголовном судопроизводстве несколько форм, одна из которых – доказывание. Выявление в рамках доказывания может происходить только в установленных УПК РФ формах.

3. Главное значение предлагаемого разграничения заключается в определении критериев оценки получаемых фактов, уровня их достоверности и возможности использования для принятия конкретных процессуальных решений.

Научная дискуссия

Важным фактором законности уголовно-процессуальной деятельности выступает правильное понимание смысла правовых положений, что требует единообразных и однозначных по содержанию правовых конструкций. Однако, при формулировании ряда положений, касающихся уголовно-процессуального доказывания, законодатель данное обстоятельство проигнорировал. Даже поверхностный анализ и сопоставление законодательных правил (подчеркнем, имеющих императивный характер) позволяет указать на использование разных по смысловому содержанию выражений: «подлежат доказыванию», «подлежат выявлению», «устанавливаются».

В научных работах, нормативных правовых актах, правоприменительной практике терминология отличается большой вариативностью, причем зачастую различным понятиям придается одинаковый смысл.

Приведем некоторые примеры.

1. Судебная практика:

– «Все обстоятельства, подлежащие доказыванию, ..., были установлены (здесь и далее курсив наш. – В.Н.) судом»¹;

– «установление в подготовительной части судебного заседания личности подсудимого не освобождает суд от обязанности ... *выяснить* обстоятельства, характеризующие личность подсудимого»²;

– «ст. 75 УПК РФ устанавливает, что доказательства, полученные с нарушением его требований, являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также *использоваться для доказывания* любого из обстоятельств, названных в его статье 73 УПК РФ»³;

– обязанность суда *установить* «конкретные обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ»⁴;

– «суд не указал место совершения Г. преступления, которое, наряду с другим, отнесено законом к обстоятельствам, *подлежащим доказыванию* по уголовному делу (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). ... Таким образом, суд в приговоре *не установил* место совершения осужденным преступления»⁵.

2. Подзаконные нормативные правовые акты:

– «... брать на контроль расследование преступлений, добиваясь от органов предварительного следствия тщательного собирания доказательств, необходимых для *полного и достоверного установления предусмотренных статьей 73 УПК РФ обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу*»⁶.

3. Научные работы:

– «В ст. 85 УПК РФ указано, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях *установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ*» [2];

– «Вопреки требованиям п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ судом *не был установлен* размер ущерба, причиненного преступлением» [5, с. 71];

– «установление *возраста несовершеннолетнего обязательно, поскольку его возраст входит в число обстоятельств, подлежащих доказыванию*» [12, с. 27];

– согласно ст. 85 УПК РФ доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях *установления обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ* [3, 11];

– «их (объяснения – В.Н.) нельзя положить в основу обвинения, а также использовать для *доказывания* любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ *и подлежащих установлению* по уголовному делу [7, с. 22];

– «... необходимо установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, содержащиеся в п. 1–4, 6, 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ» [4, с. 29].

Аналогичные примеры можно продолжать. Однако, полагаем, что представленных материалов достаточно для того, чтобы сделать следующее заключение: установление и доказывание, а иногда и выявление рассматриваются как синонимичные понятия, т. е. обладающие одним и тем же смыслом. Также имеются факты использования указанных понятий в качестве причины и следствия, причем в

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.06.2022 № 35-УД22-8-А1. Приговор по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство. Приговор оставлен без изменения.

² О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

³ По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2023 № 33-П // Собрание законодательства РФ. 2023. № 26. Ст. 4846.

⁴ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: п. «б» ч. ч. 14, 21, 50 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Архив Высокогорского районного суда Республики Татарстан, 2022. Уголовное дело по обвинению Гибадуллина А.Р.: цит. по работе: Багаутдинов Ф.Н. Место совершения преступления: корректировка традиционных подходов // Законность. 2024. № 3. С. 60–65.

⁶ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 (ред. от 22.02.2023) // Законность. 2021. № 12 (Первоначальный текст).

различной вариативности: доказывание является причиной установления либо наоборот – доказывание рассматривается как следствие установления, а выявление становится условием установления. Исходя из логики уголовно-процессуальной деятельности в этих случаях действительно нет ошибки: нельзя установить, не выявив какое-либо событие, соответственно его же впоследствии нельзя и доказать.

Однако проблему составляет не то, что эти действия производятся в рамках уголовно-процессуальной деятельности, а то, какое правовое значение им придается учеными, практиками, а в отдельных случаях и законодателем. Во многих случаях речь идет о придании выявлению, доказыванию и установлению самостоятельного (идентичного по смыслу) правового значения. Из этого следует, что установленные факты равнозначны выявленным, а выявленные факты – то же самое, что доказанные.

Например, в ч. 2 ст. 73 УПК РФ законодатель дает следующую формулировку: «выявлению также подлежат». Учитывая контекст, а именно положения части 1 этой же статьи, где говорится о том, что обстоятельства подлежат *доказыванию*, можно высказать предположение, что доказать и выявить для законодателя имеет одно и то же значение.

Это предположение подтверждается и научными мнениями. Так, есть позиция, что одни и те же факты могут быть как выявлены, так и установлены [1]. Как полагает С.Б. Россинский: «завершение познавательной фазы предварительного следствия, ... напрямую связывалось со следственными выводами о доказанности всех подлежащих установлению по данному делу обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ» [9, с. 62; 10, с. 102].

Сформулируем проблему в форме вопроса: следователь обязан *доказать, выявить или установить факты, перечисленные в ст. 73 УПК РФ?*

Исходя из нормативных источников, сложившейся судебной практики, научных позиций ответ может быть как положительным, так и отрицательным, поскольку сложно разграничить смысл указанных понятий и правовую значимость соответствующих действий (установить равнозначно доказать, а доказать равнозначно установить либо выявить).

Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, представляется нежелательной, поскольку затрудняет восприятие и уяснение не только смысла уголовно-процессуальной деятельности в части определения ее предмета, но и оценки [8] правовой значимости фактов, фигурирующих в материалах конкретных уголовных дел (проверок сообщений о преступлениях).

Изложим некоторые соображения для формирования ответа на поставленный вопрос.

1. Уголовно-процессуальная деятельность позволяет выявлять, устанавливать и доказывать необходимые факты.

2. Установление представляет собой категорию, которая может иметь несколько ступеней: установить можно с высокой долей вероятности, с низкой долей вероятности, в соответствии с объективной истиной и др. Например, в отдельных случаях и в отношении определенной группы фактов законодатель допускает вероятностный характер их установления: при издании постановления о возбуждении уголовного дела фактические основания имеют некоторую степень вероятности и в дальнейшем могут измениться любым образом. Также и при избрании меры пресечения, законодатель устанавливает предположительный характер используемых фактов в обосновании, например, ходатайства следователя в суд об избрании меры пресечения.

Соответственно установление фактов в уголовном судопроизводстве имеет различный подход и результат.

3. Установление имеет неоднородный характер. Для его осуществления имеются несколько способов, основные из которых доказывание и оперативно-разыскная деятельность. Так, при обосновании производства следственных действий следователь может использовать факты, полученные в результате оперативно-разыскной деятельности. Те же результаты могут использоваться при обосновании постановления о возбуждении уголовного дела.

4. Доказывание – единственная форма процессуальной деятельности, обладающая специфической процессуальной формой, включающей многочисленные законодательные правила и требования, в числе которых достоверность информации, которая становится фактическим основанием для формирования доказательства. В таких условиях доказывание становится способом выявления и установления фактов, обладающих наивысшей степенью достоверности. Поэтому

формулировка «факты доказаны» должна рассматриваться как получение истинного¹ знания о событии. В отличие от иных способов – выявления и установления вне доказывания, когда факты могут не отличаться достоверностью, а, соответственно и не подлежат использованию при обосновании процессуальных решений, имеющих особое правовое значение.

5. Выявление и установление фактов при помощи оперативно-розыскной информации не позволяет считать, что «факты доказаны». Более уместным в таких случаях выглядят выражения факты «выявлены», либо «установлены». Но, как представляется, между тем и другим имеется не только терминологическая, но и правовая, в частности, уголовно-процессуальная разница. В связи с чем, полагаем, что выявление и установление также нуждается в конкретизации, а их применение в различных контекстах не должно исказить либо изменять их исходный смысл.

Представленные соображения позволяют сделать один, но, как представляется, значимый вывод: для определения единого подхода к оценке правовой значимости результатов процессуального доказывания в УПК РФ необходимо придерживаться четкой и однозначной терминологии, не позволяющей исказить смысл правовых установлений.

Предлагаем провести «инвентаризацию» законодательных положений для выявления и устранения неоднозначности в предусмотренных уголовно-процессуальных законом способах установления фактов. Факты, подлежащие доказыванию, имеющие правовое значение должны быть именно доказаны, что подчеркнет способ – установление в форме доказывания. В этой связи считаем, в частности, необходимым изменить формулировку ч. 2 ст. 73 УПК РФ, заменив выражение «Подлежат выявлению также обстоятельства, ...» на «Подлежат доказыванию также обстоятельства ...».

Список использованной литературы:

1. Богатырев Д.В., Ендольцева А.В. Механизм преодоления злоупотребления правом в досудебном уголовном производстве. *Закон*. 2024;(4):21–31. DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-4-21-31.
2. Бортникова Н.А. Доказывание в судебном процессе. 2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Гладышева О.В. Модели доказывания в уголовном судопроизводстве и их развитие. *Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. В.А. Семенцова*. Краснодар; 2016.
4. Кириллова Н.П., Каматесов П.А. Уголовно-процессуальные проблемы применения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. *Российский судья*. 2024;(6):27–31. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-6-27-31.
5. Курченко В.Н. Критерии разумного срока уголовного судопроизводства: интерпретация судебной практики. *Уголовное право*. 2024;(8):68–80. DOI: 10.52390/20715870_2024_8_68.
6. Maegherman E., Ask K., Horselenberg R., van Koppen P.J. Test of the analysis of competing hypotheses in legal decision-making. *Applied Cognitive Psychology*. 2021;35(1):62–70. DOI: 10.1002/acp.3738.
7. Никифорова Е.Ю., Милицин С.Д. Природа и процессуальная сущность объяснений, полученных в порядке ст. 144 УПК РФ. *Мировой судья*. 2024;(6):20–26. DOI: 10.18572/2072-4152-2024-6-20-26.

References:

1. Bogatyrev D.V., Endoltseva A.V. [The mechanism of overcoming abuse of law in pre-trial criminal proceedings]. *Law*. 2024;(4):21–31. DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-4-21-31. (In Russ)]
2. Bortnikova N.A. [Proving in court proceedings]. 2024 // Access from the SPS "ConsultantPlus".
3. Gladysheva O.V. [Models of evidence in criminal proceedings and their development]. *Actual problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedural activities and national security: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation / edited by V.A. Sementsov*. Krasnodar; 2016. (In Russ)]
4. Kirillova N.P., Kamatesov P.A. [Criminal procedural problems of applying a criminal law measure in the form of a court fine]. *A Russian judge*. 2024;(6):27–31. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-6-27-31. (In Russ)]
5. Kurchenko V.N. [Criteria for a reasonable period of criminal proceedings: interpretation of judicial practice]. *Criminal law*. 2024;(8):68–80. DOI: 10.52390/20715870_2024_8_68. (In Russ)]
6. Maegherman E., Ask K., Horselenberg R., van Koppen P.J. [Test of the analysis of competing hypotheses in legal decision-making]. *Applied Cognitive Psychology*. 2021;35(1):62–70. DOI: 10.1002/acp.3738.
7. Nikiforova E.Yu., Militsin S.D. [The nature and procedural essence of the explanations received in accordance with Article 144 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *A justice of the peace*. 2024;(6):20–26. DOI: 10.18572/2072-4152-2024-6-20-26. (In Russ)]

¹ Об истине в уголовном судопроизводстве ведется активная дискуссия. Но в данном случае мы не рассматриваем истину как повод для дискуссии.

8. Rassin E. Context effect and confirmation bias in criminal fact finding. *Legal and Criminological Psychology*. 2020;25(2):80–89.
9. Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого как автономная следственная процедура: явный пережиток прошлого или закономерно существующий правовой инструмент? *Государство и право*. 2022;(3):61–69.
10. Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого: «реперная точка» уголовного преследования или итог предварительного следствия? *Юрист-Правоведъ*. 2021;4(99):100–105.
11. Семенцов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания. *Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции / под ред. В.А. Лазаревой*. Самара, СамГУ; 2010.
12. Хромова Н.М. Правовой статус несовершеннолетних: частный и публичный аспекты. *Российская юстиция*. 2024;(8):23–34. DOI: 10.52433/01316761_2024_08_23.
8. Rassin E. [Context effect and confirmation bias in criminal fact finding]. *Legal and Criminological Psychology*. 2020;25(2):80–89.
9. Rossinsky S.B. [Involvement as an accused: the «reference point» of criminal prosecution or the result of the preliminary investigation?]. *Jurist-Jurist*. 2021;4(99):100–105. (In Russ)].
10. Rossinsky S.B. [Involvement as an accused as an autonomous investigative procedure: an obvious relic of the past or a naturally existing legal instrument?]. *State and law*. 2022;(3):61–69 (In Russ)].
11. Sementsov V.A. [Formation of evidence in the structure of criminal procedural evidence]. *Actual problems of the modern criminal process in Russia: collection of scientific tr. International scientific and practical conf. / edited by V.A. Lazareva*. Samara; 2010. (In Russ)].
12. Khromova N.M. [The legal status of minors: private and public aspects]. *The Russian justice system*. 2024;(8):23–34. DOI: 10.52433/01316761_2024_08_23 (In Russ)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Виктор Игоревич

старший следователь следственного отдела по Центральному району г. Симферополя Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым и г. Севастополю, старший лейтенант юстиции

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor I. Nikitin

Senior investigator of the investigative department for the Central District of Simferopol of the Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Crimea and Sevastopol. Senior Lieutenant of Justice

ДОПРОС ОПЕРАТИВНОГО СОТРУДНИКА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА

Семенцов В.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Семенцов В.А. Допрос оперативного сотрудника по законодательству России и Таджикистана. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(3):79–88. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-79-88>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Семенцов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040
Тел.: +7 (861) 268-59-64
E-mail: crimpro@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 03.09.2024

Статья принята к печати: 30.09.2024

Дата публикации: 15.10.2024

Аннотация: В статье изложены результаты сравнительно-правового исследования уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан в части, регулирующей основание, возможность и правила производства допроса в качестве свидетеля оперативного сотрудника и иных лиц, осуществляющих свою деятельность на конфиденциальной основе. Интерес к результатам данного сопоставления обусловлен принципиально различным подходом российского и таджикского законодателя к определению возможности производства указанного следственного действия, когда оперативно-розыскной закон Республики Таджикистан устанавливает такую возможность, в отличие от соответствующего закона Российской Федерации. Сама по себе возможность такого допроса актуализирует целый ряд проблем, связанных как с процессуальным статусом допрашиваемого, так и с порядком его допроса. Не менее существенно и то обстоятельство, что допрос, возможно, не единственное следственное и иное процессуальное действие, в которое допустимо вовлекать оперативного сотрудника и лиц, сотрудничающих с ним.

Обосновывается, что дозволение законодателя Таджикистан на допрос оперативного сотрудника вызывает необходимость дальнейшего совершенствования специальных правил как допроса, так и производства иных следственных и процессуальных действий в отношении указанных лиц, вплоть до придания всему уголовному делу или его части режима секретности.

Цель исследования – формулирование и обоснование значимости проблемы допроса оперативного сотрудника и лиц, сотрудничающих с ним на конфиденциальной основе, для поиска оптимальных путей ее решения, а также определения осознанного и ответственного подхода к засекречиванию материалов уголовного дела при представлении результатов оперативно-розыскной деятельности.

Задачи исследования – проведение сравнительно-правового анализа оперативно-розыскного и уголовного-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан для определения сходства и различия правового регулирования допроса оперативного сотрудника; формирование авторской позиции по вопросу о допустимости допроса оперативного сотрудника в качестве свидетеля; определение перспективных направлений совершенствования специальных правил допроса, производства иных следственных и процессуальных действий в отношении

оперативных сотрудников, агентов, негласных сотрудников, других лиц, осуществляющих свою деятельность на конфиденциальной основе.

Методы исследования: диалектический, общенаучные методы (логический, системный, структурный, функциональный, обобщение и др.), специальные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический).

Результаты проведенного исследования – сформулировано авторское видение проблемы, обусловленной отсутствием каких-либо формальных правил допроса, производства иных следственных и процессуальных действий в отношении оперативных сотрудников, агентов, негласных сотрудников, других лиц, осуществляющих свою деятельность на конфиденциальной основе, а также законодательно определенных оснований для применения (при необходимости) процедуры засекречивания материалов уголовных дел.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативный сотрудник, уголовное дело, допрос, специальные правила, режим секретности.

INTERROGATION OF AN OPERATIONAL OFFICER ACCORDING TO THE LEGISLATION OF RUSSIA AND TAJIKISTAN

Vladimir A. Sementsov
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Sementsov V.A. Interrogation of an operational officer on the legislation of Russia and Tajikistan. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(3):79–88. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-79-88>

CONTACT INFORMATION:

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, honored lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: crimpro@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 03.09.2024

The article has been accepted for publication: 30.09.2024

Date of publication: 15.10.2024

Annotation: The article presents the results of a comparative legal study of the criminal procedure and operational investigative legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan in terms of regulating the basis, possibility and rules for conducting interrogation as a witness of an operational officer and other persons carrying out their activities on a confidential basis. The interest in the results of this comparison is due to the fundamentally different approach of the Russian and Tajik legislators to determining the possibility of carrying out the specified investigative action, when the operational investigative law of the Republic of Tajikistan establishes such a possibility, unlike the corresponding law of the Russian Federation. By itself, the possibility of such an interrogation actualizes a number of problems related to both the procedural status of the interrogated person and the order of his interrogation. Equally significant is the fact that interrogation may not be the only investigative and other procedural action in which it is permissible to involve an operational officer and persons cooperating with him.

It is substantiated that the permission of the legislator of Tajikistan to interrogate an operative officer necessitates further improvement of special rules for both interrogation and the production of other investigative and procedural actions against these persons, up to giving the entire criminal case or part of it a secrecy regime.

The *purpose* of the study is to formulate and substantiate the importance of the problem of interrogating an operational officer and persons cooperating with him on a confidential basis in order to find

optimal ways to solve it, as well as to determine a conscious and responsible approach to classifying criminal case materials when presenting the results of operational investigative activities.

The *objectives* of the study are to conduct a comparative legal analysis of the operational investigative and criminal procedural legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan to determine the similarities and differences in the legal regulation of the interrogation of an operational officer; to form an author's position on the admissibility of the interrogation of an operational officer as a witness; to identify promising areas for improving special rules of interrogation, production of other investigative and procedural actions in relation to operational staff, agents, secret employees, and other persons who carry out their activities on a confidential basis.

Research *methods*: dialectical, general scientific methods (logical, systemic, structural, functional, generalization, etc), special methods (comparative legal, formal legal).

The *results* of the conducted research – the author's vision of the problem is formulated, due to the absence of any formal rules of interrogation, production of other investigative and procedural actions against operational staff, agents, secret employees, other persons carrying out their activities on a confidential basis, as well as legally defined grounds for applying (if necessary) the procedure for classifying criminal case materials.

Keywords: operational investigative activity, operative officer, criminal case, interrogation, special rules, secrecy regime.

Введение

Результаты оперативно-розыскной деятельности, отраженные в оперативно-служебных документах, могут содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Эти сведения, после их надлежащего представления, должны быть проверены и процессуально закреплены в материалах уголовного дела. И здесь необходимо учитывать, что сведения, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, т.е. вне уголовно-процессуальных условий и гарантий, не обладают той степенью достоверности, которую обеспечивает процессуальный порядок их собирания и проверки.

Именно поэтому такие сведения подлежат особо тщательной проверке на предмет их относимости, допустимости и достоверности, поскольку только при соблюдении этих требований они могут быть использованы в уголовно-процессуальном доказывании и даже быть приравненными к доказательствам, при соблюдении определенных условий [6, с. 116].

В связи с этим актуализируется вопрос об особенностях допроса оперативного сотрудника об обстоятельствах проведения оперативно-розыскных мероприятий для проверки их законности и обоснованности, а также последующего использования полученных сведений в доказывании. В рамках данного исследования предлагается провести сравнительно-правовой анализ предписаний оперативно-розыскного и уголовного-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан об особенностях допроса оперативного сотрудника.

Методы исследования

Методология исследования носит комплексный характер. Диалектика стала главным методологическим инструментом, позволившим определить наиболее существенные противоречия между потребностями правоприменительной практики и ее же реальными возможностями, закрепленными в действующем оперативно-розыскном и уголовно-процессуальном законодательстве. Основным результатом применения диалектического метода стало формулирование проблемной ситуации, требующей своего разрешения.

В силу основной направленности исследования базовым методом стал сравнительно-правовой анализ законодательных актов двух государств – Российской Федерации и Республики Таджикистан. В результате проведенной аналитической работы выявлены особенности в законодательном регулировании оснований и порядка проведения следственных действий (допроса) в отношении оперативных работников и лиц, сотрудничающих с ними на конфиденциальной основе.

Путем логических операций выдвинуты ряд гипотез, сформулированы авторские умозаключения относительно сущности, значимости для науки и правоприменительной практики проблемы допроса оперативных работников и иных лиц.

Системный и структурный методы позволили выявить и описать совокупность элементов уголовно-процессуального и оперативно-розыскного регулирования допроса оперативного сотрудника и лиц, сотрудничающих с ними на конфиденциальной основе, выявить характер их взаимодействия, определить расположение этих элементов системе.

Благодаря функциональному методу выявлены функции одних элементов законодательного регулирования допроса оперативных сотрудников и иных лиц по отношению к другим, выделить в этой совокупности элементы с наибольшей и наименьшей функциональной нагрузкой.

Эмпирическая часть исследования основана на методе системного анализа и обобщения полученных результатов.

Результаты исследования

Сравнительный анализ российского и таджикского уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства в части определения возможности, оснований и порядка производства допроса и иных процессуальных действий, в отношении сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и лиц, сотрудничающих с ними на конфиденциальной основе, демонстрируют два разных подхода. Полагаем, что оба имеют свои «плюсы» и «минусы».

Однако, проведенное сравнение убеждает, во-первых, в том, что имеющаяся проблема производства допроса указанных лиц в российском уголовном судопроизводстве не менее актуальна и для других государств, и, во-вторых, наличие в законодательстве Республики Таджикистан указания на то, что оперативные сотрудники могут допрашиваться мы оцениваем положительно и считаем рациональным шагом в комплексе мер по решению сформулированной проблемы.

Научная дискуссия

Допрос традиционно определяется в литературе как самое распространенное и универсальное по своим методам и получаемой информации следственное действие [3, с. 47]. Сущность допроса заключается в получении уполномоченным должностным лицом от допрашиваемого лица показаний, имеющих значение для уголовного дела. При наличии общих правил допрос различных лиц несет на себе определенные особенности, продиктованные спецификой их процессуального положения, с учетом которого принято выделять наряду с другими такую разновидность как допрос свидетеля.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ), а также закон «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее – закон об ОРД РФ) прямо не предусматривают возможность допроса оперативного сотрудника в качестве свидетеля. Поэтому допрос такого рода становится проблематичным, с позиции его легитимности, как и оценка законности решения суда, основанного на полученных таким способом доказательствах [7, с. 172].

Как считает И.В. Смолькова, практика широкого допроса оперативных сотрудников не согласуется «с тем, что оперативно-розыскные мероприятия проводятся негласно и в большей части относятся к государственной тайне» [8, с. 106].

Вместе с тем, посредством допроса оперативного сотрудника могут быть процессуальным путем проверены представленные сведения оперативного характера, которые стали ему известны в результате их личного, непосредственного восприятия. Эти сведения обычно получают в ходе проверочной закупки (оружия, наркотических средств или иных предметов, веществ, свободная реализация которых запрещена либо их оборот ограничен), в ходе наблюдения за действиями заподозренных в совершении преступления лиц, при оперативном внедрении в преступные группировки, оперативном эксперименте и др.

Безусловная ценность такого рода информации не вызывает сомнения.

В то же время есть постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г., в котором рекомендует судам признавать недопустимым доказательством показания оперативных сотрудников, если эти показания направлены на преодоление недопустимости полученных ранее доказательств³.

В этой части судебной практике пока не хватает единообразия, что приводит к постановлению ошибочных решений.

Проиллюстрируем это двумя примерами из практики.

В первом случае допрос М. проведен в отсутствие адвоката и без предупреждения о том, что признание о наличии у него статуса «вор в законе» может быть использовано в качестве доказательства. Попытка преодолеть данное нарушение допросом оперативного сотрудника была

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

² Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. С. 3349.

³ О судебном приговоре: п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 // Российская газета. 2016. 7 декабря.

пресечена судом, обоснованно признавшим протокол такого допроса недопустимым доказательством¹.

Однако, есть и иного рода решения, когда допрос оперативного сотрудника был признан судом первой инстанции недопустимым доказательством, но с этим решением не согласилась апелляционная инстанция, указав в своем определении, что допрос «был связан не с восполнением каких-либо недостатков следствия, а для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела, в частности, по факту нахождения и изъятия у Д., отбывающего лишение свободы, телефона, с помощью которого он совершил инкриминируемые действия»².

Оценочные характеристики такого допроса и отсутствие законодательных установок в этой части усложняют правоприменение, создают серьезные риски для законности уголовного судопроизводства.

Дополнительным, но не второстепенным фактором выступает формулировка ч. 3 ст. 56 УПК РФ, согласно которой оперативные сотрудники не входят в перечень лиц, которые не могут допрашиваться в качестве свидетелей. В то же время, если оперативный сотрудник является лицом, внедренным в организованную преступную группу, либо штатным негласным сотрудником соответствующего органа, то согласно ч. 2 ст. 12 закон об ОРД РФ он может быть допрошен в качестве свидетеля лишь при предоставлении письменного согласия на предание гласности сведений о себе, и в случаях, предусмотренных федеральными законами.

Данная формулировка ставит сразу два вопроса: почему только внедренный в организованную преступную группу агент наделяется соответствующей преференцией и каков порядок представления письменного согласия, а также его последующего исследования судом?

Авторы одного из комментариев к закону об ОРД РФ разделяют эту озабоченность и утверждают, что сведения о лицах, внедренных в иные преступные группы или к отдельным лицам, не могут рассекречиваться «в ином порядке, чем информация о лицах, внедренных в ОПГ» [3, с. 90]³. Мы согласны с данной позицией, но полагаем, что здесь необходимо более точное законодательное регулирование, как и в части определения порядка представления такого согласия. Одним из возможных вариантов, который можно было бы порекомендовать, – это то, что письменное согласие на предание гласности таких сведений должен утверждать руководитель службы, осуществляющей оперативно-розыскную деятельность.

И в рамках этого предложения, полагаем, становятся уместными условия допроса лиц, содействующих оперативным сотрудникам, сформулированные в литературе:

1) отказ от использования лица в качестве агента после дачи последним показаний, поскольку высока вероятность быть узнанным со стороны лиц, входящих в преступную организацию и оставшихся на свободе, а также потенциальных последователей привлекаемого к уголовной ответственности лица;

2) обеспечение безопасности агента [2, с. 55].

Названные условия допроса лиц, содействующих оперативным сотрудникам, можно рассматривать как обязательные при принятии решения руководителем соответствующей службы об утверждении согласия конфиденента на его допрос.

Думается, что к допросу свидетелей из числа оперативных сотрудников и лиц, содействующих им, следует прибегать лишь в случаях крайней необходимости, когда исчерпаны традиционные средства доказывания, поскольку это может привести к раскрытию форм и методов оперативно-розыскной деятельности, ее сил и средств. В подобной ситуации есть основание для утверждения о том, что, как и всякий иной участник уголовного судопроизводства, свидетель из числа оперативных сотрудников наделен совокупностью прав и обязанностей: явиться на допрос с адвокатом (п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ), не свидетельствовать против себя и близких родственников (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ), быть подвергнутым приводу в случае уклонения от явки по вызову без уважительных причин (п. 1 ч. 6 и ч. 7 ст. 56 УПК РФ) и др.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.08.2022 № 20-УД22-6А3 / Документ опубликован не был // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.02.2017 № 36-АПУ17-5 / Документ опубликован не был // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / О.А. Вагин, А.П. Исиченко, А.Е. Чечетин. М.: Деловой двор, 2008. С. 90.

М. Поляков и Р. Рыжов считают необходимым законодательно закрепить возможность допроса оперативного сотрудника вместо конфиденнта в случаях, связанных с необходимостью обеспечения безопасности лиц, предоставивших информацию органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность. Гарантией же достоверности этой информации должно быть предупреждение оперативного работника об ответственности за фальсификацию доказательств (ст. 303 УК РФ) [4, с. 89–90].

По оценке Ю.В. Астафьева и Н.В. Изотовой, допрос оперативного сотрудника вместо очевидцев (конфиденентов), «является самым эффективным для решения задач уголовного процесса без ущерба для охраняемых законом интересов» [1, с. 203].

Тем не менее, в п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ указывается, что показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности, относятся к недопустимым доказательствам. Полагаем, что эти требования уголовно-процессуального закона должны оставаться неизменными, поскольку в противном случае теряется связь с источником информации. Следует также иметь в виду, что по общему правилу, не могут быть предметом допроса сведения о средствах и методах оперативно-розыскной деятельности, которые по закону об ОРД составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Однако нельзя полностью исключать возможность их рассекречивания в ходе допроса.

Представляется, что в ситуации, когда следователь, а затем и суд ставит оперативного сотрудника перед необходимостью раскрытия оперативно-розыскных средств и методов получения сведений, объектов доказательственного значения, тот должен обладать правом отказаться от дачи показаний в соответствии с принципом конспирации. В этом случае нельзя вести речь об уголовно-правовых последствиях такого отказа, поскольку он связан с законным основанием недопустимости разглашения государственной тайны.

В связи с этим заслуживает внимания позиция В.Т. Томина, который рекомендовал законодателю ввести в уголовное судопроизводство институт служебной тайны, устанавливающий особый порядок сообщения следствию и суду специальной информации или вовсе освобождающий соответствующее лицо от обязанности ее сообщить [10, с. 11].

Законодательство Республики Таджикистан иным образом подходит к определению допроса оперативного сотрудника.

Согласно ч. 5 ст. 11 Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – закон об ОРД РТ), «в случае использования в уголовных делах результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, могут подлежать допросу об их подлинности, происхождении и обстоятельствах их получения. При этом лица, внедренные в преступную среду, и штатные негласные сотрудники могут быть допрошены только с их согласия в письменной форме, за исключением случаев совершения ими преступления». Отметим, что указанная формулировка повторяет, по сути, редакцию ч. 4 ст. 11 Модельного закона государств-участников СНГ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 16 ноября 2006 г.²

Из приведенных положений следует, что в отличие от Российской Федерации в Республике Таджикистан прямо предусматривается возможность допроса должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, но при соблюдении нескольких условий: 1) при использовании в уголовных делах результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств; 2) когда предмет допроса – это установление подлинности результатов оперативно-розыскной деятельности, проверка их происхождения и обстоятельств получения; 3) установлении запрета для допроса лиц, внедренных в преступную среду, и штатных негласных сотрудников, если отсутствует их согласия в письменной форме, либо когда речь не идет о совершении ими преступления.

Но здесь возникает ряд вопросов.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Таджикистан от 25.03.2011 № 687 (с изм. и доп. по сост. на 18.07.2017) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011. № 3. Ст. 155.

² Об оперативно-розыскной деятельности: Модельный закон (принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление от 16.11.2006 № 27-6)) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. 2007. № 39. Ч. 1.

1. Почему допрос оперативного сотрудника возможен лишь для установления возможности и допустимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств?

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств хотя и главное, но все же не единственное уголовно-процессуальное направление использования таких результатов. Для этого достаточно обратиться к содержанию ч. 1 и 2 ст. 11 закона об ОРД РТ, где указаны и другие уголовно-процессуальные направления использования результатов оперативно-розыскной деятельности: 1) для подготовки и осуществления следственных и судебных действий; 2) розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суд; 3) как основание для возбуждения уголовного дела, хотя согласно ч. 2 ст. 11 закона об ОРД РФ эти результаты используются не только в качестве основания, но и повода к возбуждению уголовного дела.

Если, например, результаты оперативно-розыскной деятельности послужили основанием для производства следственного действия, то вполне допустима ситуация, когда путем допроса оперативного сотрудника, получившего такие сведения, возникает необходимость проверить их законность, поскольку незаконность основания проведения следственного действия неизбежно приводит и к признанию незаконности полученного доказательства.

2. Чем обусловлено ограничение предмет допроса установлением только подлинности результатов оперативно-розыскной деятельности, проверки их происхождения и обстоятельств получения?

Думается, что предмет допроса оперативного сотрудника может быть шире заявленного в законе об ОРД РТ и охватывать своим содержанием обстоятельства, которые относятся к установлению личности подозреваемого или обвиняемого, его местонахождении и иные сведения, имеющие значение для уголовного дела.

Что касается продекларированного установления подлинности результатов оперативно-розыскной деятельности, то уточним, что термин «подлинность» в одном из своих значений истолковывается как синоним и близкий по смыслу термину «достоверность», который в законе об ОРД РТ не упоминается вовсе.

Вместе с тем, содержанием категории «достоверность» является убежденность субъекта оперативно-розыскной деятельности в том, что представляемые им сведения действительно относятся к событию с признаками преступления [5, с. 116], а те документы, в которых зафиксированы результаты этой деятельности, отвечают требованию их подлинности, т. е. подтверждают достоверность происхождения, когда их содержимое не было изменено или подменено в процессе создания, передачи или хранения.

Но обычно подлинность происхождения результатов оперативно-розыскной деятельности определяется экспертным путем, а не в ходе допроса оперативного сотрудника, тем более о сведениях, ставших ему известными в ходе оперативно-розыскных мероприятий, и содержащих порой пояснения участников, которые доказательствами по делу быть не могут.

3. Каким процессуальным статусом наделяется допрашиваемый оперативный сотрудник?

На практике оперативный сотрудник допрашивается в качестве свидетеля, хотя его правовое положение не совсем соответствует этому статусу, определенному в ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан¹ (далее – УПК РТ), как лица, которому должны быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела.

Из этих предписаний закона, регламентирующих статус свидетеля, следует, что свидетель-оперативный сотрудник обязан дать показания об обстоятельствах проведения того или иного оперативно-розыскного мероприятия, имеющих значение для расследуемого уголовного дела.

Когда в ходе допроса оперативного сотрудника устанавливаются факты злоупотребления полномочиями, либо непрофессионализма, то следствием этого могут быть не только допущенные им ошибки (действия непреднамеренного характера), но и нарушения требований закона, вызывающие необходимость дать этому обстоятельству правовую оценку.

В базовом законе, предназначенном для регулирования оперативно-розыскных правоотношений в Республике Таджикистан – «Об оперативно-розыскной деятельности», имеются прямые упоминания о возможных нарушениях при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Назовем основные из них:

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3.12.2009 № 564 (с изм. и доп. по сост. на 3.01.2024) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 12. Ст. 816.

1) когда речь идет об установленной ответственности за нарушения требований закона сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ч. 9 ст. 5 и ст. 23 закона об ОРД РТ);

2) если допущено нарушение прав и законных интересов физических и юридических лиц органом (должностным лицом), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, то прокурор либо суд (судья) обязаны принять меры по восстановлению этих прав и законных интересов и (или) возмещению причиненного вреда (ч. 8 ст. 5 закона об ОРД РТ);

3) в случае поступления уполномоченному прокурору материалов, информации и обращений граждан о нарушении закона, ему по запросу представляются оперативно-служебные документы, послужившие основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий (ч. 2 ст. 21 закона об ОРД РТ).

К числу наиболее типичных нарушений закона, допускаемых оперативными сотрудниками при получении и предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности для их использования в уголовном судопроизводстве, относятся: 1) провокация, т. е. действия, не совместимые с оперативно-розыскной деятельностью, заключающиеся в подстрекательстве, склонении или побуждении в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (п. 4 ч. 7 ст. 5 закона об ОРД РТ); 2) необоснованное ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий (ч. 2 ст. 8 закона об ОРД РТ); 3) фальсификация (поделка или подмена вещественных доказательств, документов и др. искусственным, ложным, мнимым) получаемых результатов оперативно-розыскной деятельности вопреки прямому запрету, содержащемуся в п. 5 ч. 7 ст. 5 закона об ОРД РТ.

При установлении фактов нарушения закона в оперативно-розыскной деятельности необходимо давать этому правовую оценку, начиная с признания в установленном порядке материалов, содержащих сведения об оперативно-розыскном мероприятии, недопустимыми доказательствами, и заканчивая привлечением к уголовной ответственности.

Важно отметить, что в Республике Таджикистан к уголовной ответственности за нарушение закона в оперативно-розыскной деятельности могут быть привлечены несколько категорий лиц: 1) должностные лица, непосредственно осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (руководители и оперативники) (ст. ст. 137–140, 283, 285, 286 и 311 УК РТ); 2) судьи (в связи с нарушением правил санкционирования оперативно-розыскных мероприятий), прокуроры и следователи (ст. 285 и ст. 286 УК РТ); 3) агенты, в частности, за заведомо ложный донос (ст. 306 УК РТ); 4) иные лица, оказывающие содействие в осуществлении оперативно-розыскной деятельности (специалисты, операторы связи, переводчики и др. (ст. 304 УК РТ); 5) физические лица, которые нарушают запрет на использование специальных и иных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ч. 3 ст. 138 УК РТ)¹.

Сам факт привлечения к уголовной ответственности за нарушения закона в оперативно-розыскной деятельности влечет за собой наделение оперативника процессуальным статусом уже не свидетеля, а подозреваемого по основаниям, предусмотренным УПК РТ, с его правом отказаться от дачи показаний и даже давать ложные показания, не неся ответственности за это в рамках действия конституционного принципа презумпции невиновности.

4. Каков порядок допроса лиц, внедренных в преступную среду и штатных негласных сотрудников, а также производства с их участием иных следственных и процессуальных действий, при отсутствии процедуры засекречивания уголовных дел?

Как известно, уголовно-процессуальный закон не предусматривает специальных правил не только допроса оперативных сотрудников, но и агентов, негласных сотрудников, других лиц, осуществляют свою деятельность на конфиденциальной основе, при всей очевидности необходимости соблюдения режима секретности. Между тем в Российской Федерации не подлежат отнесению к государственной тайне и засекречиванию сведения: о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина; о фактах нарушения законности органами государственной власти и их должностными лицами (ст. 7 Закона «О государственной тайне»²). В Республике Таджикистан в числе сведений, не подлежащих засекречиванию указаны аналогичные: о фактах нарушения прав и

¹ Косимов Ф.М., Самиев Н.М. Словарь специальных понятий и терминов, используемых в оперативно-розыскной деятельности / под ред. к.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода. Душанбе: ЭР-граф; 2018. С. 98.

² О государственной тайне: Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 4.08.2023) // Российская газета. 1993. 21 сентября.

свобод гражданина; о фактах нарушения законности государственными органами, организациями и их должностными лицами (ст. 21 Закона Республики Таджикистан «О государственных секретах»¹).

Тем самым на законодательном уровне подчеркивается необходимость применения осознанного и ответственного подхода к проблеме засекречивания материалов оперативно-розыскной деятельности. Если же необходимо соблюдение режима секретности, то протоколы допросов, производства других следственных и процессуальных действий с участием оперативных сотрудников, агентов, негласных сотрудников, иные материалы уголовного дела должны иметь гриф секретности на основании соответствующего решения.

Что характерно, действующий уголовно-процессуальный закон не содержит процедуры засекречивания уголовных дел. В отдельных случаях лишь упоминается об уголовных делах, в материалах которых содержатся сведения, составляющие государственную тайну. Например, согласно УПК РТ обеспечивается тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых и телеграфных сообщений, личная и семейная тайна (ст. 14), производство обыска и выемки документов, содержащих государственную тайну, должно быть санкционировано судом, судьей (ч. 2 ст. 192), выписки и копии документов из дела, в котором содержатся сведения, составляющие государственную тайну, хранятся при деле и вручаются обвиняемому и его защитнику во время судебного разбирательства (ч. 2 ст. 241), уголовные дела, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, подсудны Верховному Суду Республики Таджикистан (ст. 253).

По утверждению А.В. Сучкова, на практике «во всех случаях "засекречивание" уголовных дел происходит в стадии предварительного расследования, а не при рассмотрении дела в суде...». По поводу же отсутствия процедуры засекречивания уголовных дел А.В. Сучков отмечает, что «способы защиты государственной тайны в уголовном судопроизводстве должны устанавливаться законодателем и носить уголовно-процессуальный характер», а их отсутствие влечет невозможность засекречивания всего уголовного дела и поэтому «принятие решения о засекречивании возможно только в отношении конкретных документов, содержащихся в уголовном деле (с соблюдением... принципов законности, обоснованности, а также правила соразмерности ограничения прав участников процесса) [9, с. 301, 306].

Мы не разделяем позицию А.В. Сучкова относительно невозможности засекречивания всего уголовного дела и считаем, что режим секретности может присваиваться как в целом всему производству по делу, так и определенным его компонентам (материалам), которые не являются общеизвестными и легко доступными, в силу чего требуется принятия мер к сохранению их секретности со стороны лица, правомерно контролирующего эту информацию.

Список использованной литературы:

1. Астафьев Ю.В., Изотова Н.В. Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия / в кн.: Университетский человек: памяти Юрия Васильевича Астафьева / под ред. А.Ю. Астафьева. Воронеж: Изд. дом ВГУ; 2018.
2. Казакова А.В. Использование в качестве доказательств показаний агентов, внедренных в террористические организации. *Судебная власть и уголовный процесс: научно-практический журнал*. 2018;(2):53–57.
3. Мисник И.В. Особенности некоторых видов допросов в российском уголовном судопроизводстве. *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2018;(2):44–47.
4. Поляков М., Рыжов Р. О модели правового института использования результатов ОРД в уголовном процессе. *Уголовное право*. 2005;(1):88–90.
5. Ревисская Ю.А. Достоверность и объективность результатов оперативно-розыскной деятельности. *Ученые записки Крымского федерального*

References:

1. Astafyev Yu.V., Izotova N.V. [Proving and operational investigative activities: problems of correlation and interaction] / in the book: University man: in memory of Yuri Vasilyevich Astafyev / edited by A.Yu. Astafyev. Voronezh: Publishing House of the VSU; 2018. (In Russ.)]
2. Kazakova A.V. [Using the testimony of agents embedded in terrorist organizations as evidence]. *Judicial power and criminal procedure: a scientific and practical journal*. 2018;(2):53–57. (In Russ.)]
3. Misnik I.V. [Features of some types of interrogations in Russian criminal proceedings]. *Criminology: yesterday, today, tomorrow*. 2018;(2):44–47. (In Russ.)]
4. Polyakov M., Ryzhov R. [On the model of the legal institution of using the results of the ORDO in criminal proceedings]. *Criminal law*. 2005;(1):88–90. (In Russ.)]
5. Revisskaya Yu.A. [Reliability and objectivity of the results of operational investigative activities]. *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University*.

¹ О государственных секретах: Закон Республики Таджикистан от 26.07.2014 № 1095 (ред. от 2.01.2020) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2014. № 7 (часть 1) Ст. 392.

- университета имени В.И. Вернадского. *Юридические науки*. 2016;(3):114–120.
6. Семенцов В.А. Правовые основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ; 2020.
7. Семенцов В.А., Дзабиев У.К. Уголовно-процессуальные направления использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве: монография. М.: Юрлитинформ; 2024.
8. Смолькова И.В. Допрос оперативных сотрудников в суде и его доказательственное значение. *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. 2013;(1):104–113.
9. Сучков А.В. О засекречивании уголовных дел. *Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвузовский сборник научных статей. Вып. 2 / под ред. В.А. Лазаревой*. Самара: Самарский государственный университет; 2007.
10. Томин В.Т. Острые углы доктринального обеспечения радикальной реформы уголовного судопроизводства. *Цели и средства в уголовном судопроизводстве: сборник научных трудов*. Н. Новгород: Нижегородской ВШ МВД СССР; 1991.
- Legal sciences*. 2016;(3):114–120. (In Russ.)]
6. Sementsov V.A. [The legal basis for the use of the results of operational investigative activities in the pre-trial stages of criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform; 2020. (In Russ.)]
7. Sementsov V.A., Dzabiev U.K. [Criminal procedural directions of using the results of operational investigative measures in pre-trial proceedings]. Moscow: Yurlitinform; 2024. (In Russ.)]
8. Smolkova I.V. [Interrogation of operational staff in court and its evidentiary value]. *Siberian criminal procedure and criminalistic readings*. 2013;(1):104–113. (In Russ.)]
9. Suchkov A.V. [On the classification of criminal cases]. *Actual problems of the modern criminal process in Russia: interuniversity collection of scientific articles. Issue 2 / edited by V.A. Lazareva*. Samara: Samara State University; 2007. (In Russ.)]
10. Tomin V.T. [The sharp corners of the doctrinal provision of radical reform of criminal justice]. *Goals and means in criminal proceedings: collection of scientific papers*. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1991. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенцов Владимир Александрович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Sementsov

Dr. of Sci. (Law), Professor, honored lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ДИСКУССИОННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ЭКСПЕРТНОЙ ИНИЦИАТИВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Соловьева Н.А.

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
(просп. Университетский, д. 100, г. Волгоград, Россия, 400062)

Ссылка для цитирования: Соловьева Н.А. Историческая детерминированность дискуссионности представлений об экспертной инициативе в уголовном процессе. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(3):89–100. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-89-100>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Соловьева Наталья Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой процессуального права и криминалистики, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Адрес: просп. Университетский, д. 100, г. Волгоград, Россия, 400062

Тел.: + 7 (961) 681-38-19

E-mail: natalisoul13@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 04.09.2024

Статья принята к печати: 27.09.2024

Дата публикации: 15.10.2024

Аннотация: *Целью* представленного исследования является обоснование необходимости совершенствования института экспертной инициативы в отечественном уголовном судопроизводстве.

Задачи работы обусловлены недостаточной разработанностью вопроса о понятии и пределах экспертной инициативы в уголовном процессе, а также роли усмотрения эксперта в процессе инициирования различных решений и действий, несмотря на дискуссионность проблемы регулирования и реализации экспертной инициативы в уголовном процессе. В связи с этим можно выделить следующие задачи: историко-правовой анализ формирования представлений об экспертной инициативе на в разных условиях; обсуждение понятийного аппарата института экспертной инициативы, а именно самого понятия инициативы эксперта, ее пределов и объема; рассмотрение экспертной инициативы в системе оценочных понятий.

Методология настоящей статьи, по большей части, является традиционной, и включает в себя общенаучные методы: диалектический; логический; метод логического анализа и синтеза, индукция и дедукция, обобщение, абстрагирование, аналогия, восхождение от абстрактного к конкретному, функциональный и системный методы познания. В структуре исследовательской методологии, позволившей детализировать научные представления о природе и сущности экспертной инициативы, важное место заняли: историко-правовой; формально-логический; институциональный; сравнительно-правовой; интерпретационный методы.

Результаты: На настоящий момент право экспертной инициативы закреплено в: п.4 ч.3 ст. 57 и ч. 2 ст. 204 УПК РФ. Однако единого мнения по поводу сущности данной нормы в научной и практической среде не выработано, несмотря на историческую обусловленность таких дискуссий. Ряд ученых считает, что экспертная инициатива связана с такой формой реализации права, как использование, т.е. с усмотрением эксперта, и является для него необязательной. Другая же часть научного сообщества рассматривает инициативу эксперта как обязанность, т.е. реализация данной нормы, по их мнению, должна происходить в форме исполнения. В соответствии с этим обнаруживаются и разные подходы к определению экспертной инициативы. Представляется, что

наиболее точно сущность экспертной инициативы проявляется через усмотрение эксперта, а не ограничивается дублированием полномочий эксперта, указанных в ч. 4 ст. 57 УПК РФ. Постановка задачи в ключе изучения оценочных понятий открывает перспективу для дальнейших исследований выбранной темы.

Выводы: В вопросе отсутствия законодательного закрепления понятия экспертной инициативы, ее пределов и объема, имеет место не языковая коллизия, а неполнота и недостаточность в урегулировании инициирования экспертом действий и решений, входящих в компетенцию данного участника уголовного процесса. Для того, чтобы ее восполнить, необходимо предусмотреть в ст. 5 УПК РФ следующее положение: экспертная инициатива – профессиональная деятельность эксперта, осуществляемая по его усмотрению в пределах компетенции, и заключающаяся в свободе выбора научных технико-криминалистических средств и способов применения специальных знаний, экспертных методик и рекомендаций в целях предупреждения, раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: объем исследования, экспертная инициатива, активность, усмотрение эксперта, усмотрение, самостоятельность эксперта, расширение и сужение объема исследование, научный судья, дополнительные вопросы.

THE HISTORICAL DETERMINISM OF THE DISCUSSION OF IDEAS ABOUT EXPERT INITIATIVE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Natalya A. Solovyeva

FGAOU VO "Volgograd State University"
(ave. Universitetskiy, 100, Volgograd, Russia, 400062)

Link for citation: Solovyeva N.A. The historical determinism of the discussion of ideas about expert initiative in criminal proceedings. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(3):89–100. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-89-100>

CONTACT INFORMATION:

Natalya A. Solovyeva, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, head of the department of procedural law and criminology of the FGAOU VO "Volgograd State University"

Address: ave. Universitetskiy, 100, Volgograd, Russia, 400062

Tel.: + 7 (961) 681-38-19

E-mail: natalisoul13@mail.ru

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 04.09.2024

The article has been accepted for publication: 27.09.2024

Date of publication: 15.10.2024

Annotation: The *purpose* of the presented research is to substantiate the need to improve the institution of expert initiative in domestic criminal proceedings.

The *tasks* of the work are due to the insufficient elaboration of the question of the concept and limits of expert initiative in criminal proceedings, as well as the role of expert discretion in the process of initiating various decisions and actions, despite the controversial nature of the problem of regulation and implementation of expert initiative in criminal proceedings. In this regard, the following tasks can be distinguished: historical and legal analysis of the formation of ideas about the expert initiative in different conditions; discussion of the conceptual apparatus of the institute of expert initiative, namely the very concept of expert initiative, its limits and scope; consideration of expert initiative in the system of evaluative concepts.

The *methodology* of this article, for the most part, is traditional, and includes general scientific methods: dialectical; logical; method of logical analysis and synthesis, induction and deduction, generalization, abstraction, analogy, ascent from the abstract to the concrete, functional and systemic methods of cognition. In the structure of the research methodology, which made it possible to detail

scientific ideas about the nature and essence of the expert initiative, an important place was occupied by: historical-legal; formal-logical; institutional; comparative-legal; interpretative methods.

Results: At the moment, the right of expert initiative is enshrined in: paragraph 4 of Part 3 of Article 57 and Part 2 of Article 204 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. However, there is no consensus on the essence of this norm in the scientific and practical environment, despite the historical conditionality of such discussions. A number of scientists believe that the expert initiative is associated with such a form of realization of the right as use, i.e. with the discretion of the expert, and is optional for him. The other part of the scientific community considers the expert's initiative as a duty, i.e. the implementation of this norm, in their opinion, should take place in the form of execution. In accordance with this, different approaches to the definition of an expert initiative are also found. It seems that the essence of the expert initiative is most accurately manifested through the discretion of the expert, and is not limited to the duplication of the expert's powers specified in Part 4 of Article 57 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Setting the task in the key of studying evaluative concepts opens up the prospect for further research on the chosen topic.

Conclusions: In the absence of legislative consolidation of the concept of expert initiative, its limits and scope, there is not a linguistic conflict, but an incompleteness and insufficiency in regulating the initiation of actions and decisions by an expert within the competence of this participant in the criminal process. In order to make up for it, it is necessary to provide in art. 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation the following provision: expert initiative is the professional activity of an expert, carried out at his discretion within the competence, and consisting in the freedom of choice of scientific technical and forensic means and methods of applying special knowledge, expert techniques and recommendations in order to prevent, disclose and investigate crimes.

Keywords: scope of the study, expert initiative, activity, discretion of the expert, discretion, independence of the expert, expansion and narrowing of the scope of the study, scientific judge, additional questions.

Введение

Право экспертной инициативы – один из значимых элементов, составляющих не только процессуальный статус судебного эксперта, но и основу самой экспертной деятельности в целом.

По утверждению А.Р. Шляхова «...институт экспертной инициативы становится не только жизненной реальностью, но и насущной потребностью уголовного судопроизводства» [13, с. 36]. Предназначен данный институт для объективности и всесторонности расследования уголовных дел и рассмотрения их в суде [6, с. 80–82].

Изучением вопросов экспертной инициативы в экспертной деятельности занимались и занимаются многие эксперты-теоретики и эксперты-практики как в нашей страны, так и зарубежья. Вместе с тем, по-прежнему открытыми остаются многие вопросы, связанные с регулированием и реализацией экспертной инициативы в уголовном судопроизводстве. Ретроспективный взгляд на указанный вопрос позволил выявить историческую детерминированность проблемы, ее дискуссионность на всех этапах исторического развития в различных условиях.

И, прежде всего, это касается самого определения экспертной инициативы. К сожалению, в самом законе не содержится указания на подобный термин. Такая ситуация, в свою очередь, и породила существование разных подходов к определению сущности данного явления.

Первый, или общепринятый, подход под инициативой подразумевает право эксперта на установление в процессе исследования и отражение в заключении обстоятельств, имеющих значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы [6, с. 80–82].

Такое же содержание понятия «экспертная инициатива» можно увидеть и в словаре основных терминов судебных экспертиз¹.

Данное определение не вполне удачно, поскольку раскрывается исключительно через содержание ч. 4 ст. 57 УПК РФ. Следуя логике такого подхода, авторы называют указанное в норме полномочие эксперта инициативной, что не проливает свет на сущность данного понятия.

Наряду с указанным есть мнение, и оно соотносится с нашей позицией, что под экспертной инициативой следует понимать не противоречащую действующему законодательству профессиональную деятельность эксперта, осуществляемую по его усмотрению в пределах

¹ Корухов Ю.Г. Словарь основных терминов судебных экспертиз. М.: СУДЕКС; 2009. С. 89.

компетенции, и заключающуюся в свободе выбора научных технико-криминалистических средств и способов применения специальных знаний, экспертных методик и рекомендаций [1, с. 116].

Важно подчеркнуть, что стержнем в определении экспертной инициативы при таком подходе является усмотрение эксперта. Вместе с тем, нечасто можно встретить в исследованиях по оценочным понятиям в уголовном судопроизводстве такую категорию, как экспертная инициатива и усмотрение эксперта. Кстати, пределы экспертной инициативы также носят оценочный характер, и отчасти именно им определяется сложность уточнения таковых и сущности самой инициативы.

Задача четкого определения пределов экспертной инициативы, относятся как к реализации инициативы при производстве отдельных следственных действий с участием эксперта в качестве специалиста, так и непосредственно при производстве судебной экспертизы.

Экспертная инициатива, реализуемая в рамках осмотра места происшествия или производства иных следственных действий может иметь следующие формы (виды): выдвижение экспертной версии механизма преступления; постановка вопроса о расширении границ осмотра места происшествия; выявление и установление негативных обстоятельств в обстановке места происшествия, в ходе производства судебной экспертизы [5, с. 184–186].

К проявлению экспертной инициативы, реализуемой в рамках назначения и производства судебной экспертизы, ряд авторов относят, в том числе, и заявление ходатайств следователю «о необходимости проведения с участием эксперта конкретного следственного действия» (например, об эксперименте и реконструкции на месте происшествия), а также возможность самостоятельно определять «последовательность решения поставленных задач». Реализация экспертной инициативы вполне может быть представлена также посредством установления права эксперта на заявление ходатайств [3, с. 71].

Таким образом, часть ученых считает, что экспертная инициатива связана с такой формой реализации права, как использование, т.е. обусловлена усмотрением эксперта, является для него необязательной. Другая же часть научного сообщества рассматривает инициативу эксперта как обязанность, т.е. реализация данной нормы должна происходить в форме исполнения [1, с. 116].

Думается, что для того, чтобы разрешить эти и другие вопросы, необходимо проследить этапы становления данного института, используя научно-методологический инструментарий.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составили теоретико-методологические положения отечественной уголовно-процессуальной науки о сущности экспертной инициативы как правового феномена, тенденциях и закономерностях функционирования данного института и взаимодействия его с другими уголовно-процессуальными институтами. Используемая методика аккумулирует общенаучные и частнонаучные методы познания.

В структуре исследовательской методологии, позволившей детализировать научные представления о природе и сущности экспертной инициативы, его содержания и видовой классификации, важное место заняли следующие общенаучные методы познания: метод логического анализа и синтеза, индукция и дедукция, обобщение, абстрагирование, аналогия, восхождение от абстрактного к конкретному.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволило достичь определенных результатов, обобщив их следующим образом: 1) выявлены типичные тенденции формирования представлений об экспертной инициативе, отраженные в трудах отечественных ученых процессуалистов и дающие фундамент для выдвижения новых идей, а также обоснования перспектив развития института экспертной инициативы; 2) предложено понятие экспертной инициативы, отличное от того, что закреплено в УПК РФ; 3) сделана попытка соотнести понятие экспертной инициативы с оценочными понятиями при определении первого через усмотрение эксперта. Такой подход целесообразен и с позиции определения объема и пределов экспертного усмотрения.

Прежде всего, следует констатировать, что единого взгляда на экспертную инициативу в теории не существовало и не существует до сих пор. Практика шла по пути расширения объема исследования, хотя в каждом конкретном случае результат исследования зависел в конечном итоге от руководителя экспертного учреждения, который мог и не разрешить эксперту включить в заключение выводы по обстоятельствам, о которых не были поставлены вопросы.

И если в науке такая ситуация столкновения мнений вполне допустима и даже необходима для развития, то неоднозначное толкование нормы на практике может повлечь ощутимые последствия для непосредственных участников уголовного процесса.

А.А. Бойцов считает, что спорный характер научно-правовой оценки нормы связан в первую очередь с языком права, с тем, что данная норма отражена в законе в виде конструкции «эксперт вправе указать (вправе давать) заключение», где слово «вправе» ориентирует юриста на то, что описываемая норма относится к праву, а не к обязанности [1, с. 117].

На наш взгляд, о коллизии может идти речь при разночтении тех или иных положений закона. В данном же случае имеет место не языковая коллизия, а неполнота и недостаточность в урегулировании инициирования экспертом действий и решений, входящих в компетенцию данного участника уголовного процесса. Для того, чтобы ее восполнить, необходимо дополнить законодательство понятием экспертной инициативы, предусмотрев его в ст. 5 УПК РФ.

Отсутствие такого определения ведет к тому, что в научной литературе имеются разные точки зрения не только относительно того, каким образом может/должна быть реализована экспертная инициатива, но и относительно того, каковы ее границы, содержание, предмет и задачи, условия реализации.

Ряд ученых (А.И. Хмыз [11], И.Э. Никитина, [10], Е.И. Майорова [7], Р.С. Белкин¹, Е.А. Зайцева [4]) рассматривают экспертную инициативу достаточно широко, не только как право отразить в заключении что-то, но и право, а в ряде случаев и обязанность обозначить меры профилактического характера.

С.Л. Мельник прямо говорит, что «экспертная инициатива может иметь место лишь в отношении объектов, указанных в постановлении о назначении экспертизы. В тех случаях, когда эксперт берет на себя миссию исследовать объекты, не поименованные в постановлении, которые он обнаружил сам, имеет место существенное нарушение закона» [8, с. 21]. Эта же мысль прослеживается и в другой ее статье [9, с. 127].

Таким образом, при применении ст. 57 УПК РФ наметились две тенденции: расширительное толкование и сужение объема исследования, и любые попытки определить эти пределы носят субъективный, оценочный характер, что не позволяет поставить точку в этом вопросе.

Научная дискуссия

Экспертиза начала зарождаться в России в начале XVI в. В связи с введением ответственности за подлог. Уже в 1508 г. площадные подъячие проводили экспертизу по сличению почерков².

Псковская судная грамота (XV в.) предусматривала уже разбор подложных грамот и досок на судебном разбирательстве, но наказания за подлог еще не было предусмотрено. Участившиеся случаи фальсификации документов привели к тому, что судебник 1550 г. ввел смертную казнь за преступления такого рода. (Еще во времена Цицерона в Римской империи подлоги были столь часты, что существовала даже особая коллегия специалистов по почеркам, выступающих как эксперты в судах при рассмотрении этих дел). Указ 1597 г. обязал регистрировать все старинные крепости на холопов, однако помещики уклонялись от этого и зачастую предъявляли подложные документы. Спустя год после издания Указа в Новгородской приказной избе дьяками проводились исследования подложных документов.

Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. целую главу отвело борьбе с подлогами: «О подпизиках и которые печати подделывают». За такие преступления предусматривалась смертная казнь³.

Если при осмотре документа (по жалобе сторон или по каким-либо другим причинам) судья подозревал подлог, то признаки подлога предлагалось устанавливать площадным дьякам. Дьяки не только отвечали на вопросы, но проводили и другие исследования, которые были важны для суда.

Характерна в этом отношении экспертиза, проведенная в 1662 г.⁴ При осмотре «раздельной записи» (акт раздела имущества) судьи заподозрили, что в «Якушкове имени слова починиваны», т.е. исправлены в связи с чем и поставили вопрос дьякам, не исправлялись ли эти слова. Приглашенные приказные дьяки на основании тщательного изучения исследуемой записи пришли к выводу, что исправления действительно имеют место. Кроме того, они исследовали и другие признаки подлога, о

¹ Белкин Р.С. Криминалистика. Краткая энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.

² Площадные подъячие составляли особую корпорацию, находящуюся под надзором правительства. В Москве на Ивановской площади их насчитывалось 24 человека, в других крупных городах – по 12 человек.

³ Памятники русского права. Вып. 6: Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. и с предисл. К.А. Софроненко; подгот. Баскаковой Е.Г. и др. М.: Госюриздат, 1957. С. 124.

⁴ Яковлев А.И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.: по архивным документам Холопьяго и Посольского приказов, Оружейной палаты и разряда. Ленинград: Изд-во Акад. Наук СССР, 1943.

которых им не были поставлены вопросы, в частности, вещество письма: «и покрывка над «шами» старая пополнена новыми же чернилами» и грамматическое содержание текста: «ино бы де написано дали Яшку «Фофонова», а не «Фофонов».

Заключение дьякона оказалось решающим доказательством для суда, который, признав «раздельную запись» подложной, записал в приговоре: «...и той раздельной записи верить нечему».

В данном случае дьяки проявили инициативу, исследовав дополнительные обстоятельства, на которые суд при осмотре спорного документа не обратил внимание.

Таким образом, можно констатировать, что хотя в то время и не существовало какого-либо законодательного акта, разрешающего дьякам проявлять инициативу при исследовании вещественных доказательств, на практике они это делали, и не только в экспертизе документов, но и судебно-медицинской экспертизе – наиболее распространенных в то время видах исследования. Так, Я.А. Чистович приводит следующий пример судебно-медицинской экспертизы, осуществленной в 1739 г.¹ Копиисту тайной канцелярии Елисееву Григорию был проломлен череп, в результате чего потерпевший скончался через три дня. Власти заинтересовались причиной его смерти. Исследование мертвого тела проводил доктор Гангарт, который произвел не только наружный осмотр трупа, но и вскрытие. Дальнейшее исследование проводил доктор Санхес, который установил, что смерть наступила от перелома черепа. Формально он мог ограничиться этим, так как ему поставили лишь вопрос о причине смерти. Однако эксперт проявил инициативу. «мнением своим рассудил, ежели б показанный копиист Григорий Елисеев несколько часов после удара лекарем был пользован и трепанован, то божиием вспоможением господа бога иногда мог при животе быть, но понеже оное, сколько известно, не учинено, того ради показанный копиист Елисеев от того удара и умре».

Этот случай подчеркивает, что уже в начале XI века одновременно с возникновением экспертизы зарождался и институт экспертной инициативы, хотя, естественно, он носил примитивный стихийный характер и в каждом отдельном случае зависел от квалификации лиц, производящих исследование, их способности выявлять новые факты.

Сейчас трудно судить о том, осознавали ли сами эксперты, что они могут проявить и проявляют инициативу. Просто добросовестно относясь к служебным обязанностям, они считали своим долгом сообщать суду о всех обнаруженных ими обстоятельствах, даже если о них и не были поставлены вопросы.

К началу XVIII в. были законодательно закреплены судебно-медицинская, судебно-психиатрическая экспертизы и экспертиза документов, однако процессуальной стороны их осуществления закон почти не затрагивал. Свод законов Российской империи 1832 г. в ст. 1068 содержал перечень доказательств, в которые входили и показания сведущих лиц (п. 4). И в этом законе были отражены многие стороны экспертизы, в том числе, и вопрос об экспертной инициативе.

Во второй половине XIX в. на службу следствию были поставлены достижения естественных наук: кроме ранее указанных экспертиз, начали проводиться химические, биологические и некоторые другие исследования. Конечно, органы, назначающие их, не всегда могли правильно поставить вопрос, и эксперты иногда выходили за пределы заданных вопросов, несмотря на то, что закон и не уполномочивал их на это.

Институт экспертной инициативы уже находит место и в законодательных актах. Так, согласно ст. 332 «Устава уголовного судопроизводства» 1864 г. судебный следователь обязан был предложить сведущим лицам устно или письменно вопросы, подлежащие их решению; в ст. 333 прямо указывается, что эти лица абсолютно не связаны пределами поставленных вопросов: «сведущие лица, проводя освидетельствование, не должны упускать из виду и таких признаков, на которые следователь не обратил внимания, но исследование которых может привести к открытию истины». Таким образом, эксперты получили законодательное разрешение на проявление инициативы.

Крупнейший русский криминалист Е.Ф. Буринский инициативе эксперта придавал большое значение и в практической деятельности часто выходил из круга вопросов, поставленных перед ним судом². Он первым из русских криминалистов теоретически обосновал необходимость для эксперта

¹ Чистович Я.А. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб: тип. Я. Трея; 1870. С. 89.

² Буринский Е.Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею: пособие для гг. судей, судеб. следователей, лиц прокурор. надзора, поверенных, защитников, судеб. врачей и граф. Экспертов. СПб: тип. Спб. т-ва печ. и изд. дела «Труд»; 1903. С. 201.

расширять объем исследования. Процессуалисты М.В. Духовский, Л.Е. Владимиров, И.Я. Фойницкий, В. Случевский также положительно оценивали деятельность эксперта, направленную на расширение объема исследования.

М.В. Духовский разделял деятельность эксперта на две части¹. К первой он относил исследование различных предметов и вещественных доказательств, о результатах которого эксперт составлял отчет, ко второй – конструирование вывода на основе имеющихся данных по вопросам, поставленным следователем, а в суде – сторонами суда или судом. Однако эксперты, по мнению автора, не должны ограничиваться этими вопросами, а учитывать и такие обстоятельства, которые следователь и суд посчитали не заслуживающими внимания, но «исследование коих может привести к открытию истины». Для того, чтобы эксперт мог найти эти новые обстоятельства, ему необходимо изучить дело, так как только при этом условии он в состоянии обнаружить их и подвергнуть исследованию. Присутствуя в зале судебного заседания, эксперты могут выслушать всех свидетелей и анализировать имеющиеся в деле сведения. На предварительном следствии экспертам такого права не дано, следователь не обязан был (но мог) знакомить их с делом.

Таким образом, М.В. Духовский считал необходимым исследование новых обстоятельств, попавших в поле зрения эксперта, о которых ранее не были поставлены вопросы.

Л.Е. Владимиров исходил из правильных положений, рассматривая заключение экспертов как доказательство по делу². Однако он преувеличивал роль экспертов и считал, что поскольку суд не обладает специальными познаниями и не может правильно оценить выводы экспертов, то последние являются научными суждениями и их решения (заключения) обязательны для суда. Этот вывод ошибочен. Он противоречит принципу непосредственности и не позволяет суду оценивать все доказательства в их совокупности, что не содействует формированию внутреннего убеждения судьи, а, наоборот, заставляет его в какой-то степени приспособлять свое мнение к заключению эксперта. Естественно, что это способствует вынесению ошибочного приговора (решения), ибо нельзя даже усомниться в правильности заключения эксперта: «Судья самостоятелен в выборе экспертов. Но раз последние выбраны, судья следует за ними, как слепой за своим поводырем»³. Таким образом, получается как бы два решения в одном деле: судьи, рассматривающего дело по существу, и эксперта – научного судьи.

Однако учение В.Л. Владимирова о природе и сущности экспертизы содержало наряду с неправильными и ряд верных положений. В частности, по его мнению, эксперт не должен оставаться пассивным наблюдателем, а, проводя самостоятельно исследование, может выйти за пределы, указанные судом.

И.Я. Фойницкий считал, что эксперт должен ознакомиться с обстоятельствами дела, если это нужно для разрешения задания. Вопросы эксперту ставит суд, но в формулировке их может принимать участие та или иная сторона и даже сами эксперты, причем последние не должны упускать из виду и такие обстоятельства, на которые суд (следователь) не обратил внимания, но исследование которых необходимо для установления истины.

И.Я. Фойницкий указывал, что эксперты в таком случае не должны выходить за пределы своих специальных познаний, и в случае невозможности вынести решение обязаны отказаться от всякого ответа; в противном случае, особенно если заключение эксперта будет результатом его логических размышлений, оно не поможет правосудию, а, наоборот, может оказаться даже вредным.

Несколько раньше В. Случевский⁴, что судья должен обладать достаточным научным образованием не только для понимания ответов экспертов, но и для правильной постановки вопросов. Эксперт не всегда только отвечает, а судья спрашивает; во многих случаях первый занимает далеко не пассивную роль, а, наоборот, активно выясняет те обстоятельства, по которым он приглашается судом. Хотя Случевский и не говорит прямо о том, что эксперт обязан самостоятельно исследовать новые факты, но это логически вытекает из тех задач, которые он ставит перед экспертом.

¹ Буринский Е.Ф. Указ. соч. С. 69.

² Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах: части: общая и особенная. СПб: кн. маг. «Законоведение», 1910. С. 97.

³ Там же. С. 97.

⁴ Случевский В. Учебник русского уголовного процесса: судоустройство – судопроизводство. СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1895. С. 84.

Таким образом, отечественные дореволюционные процессуалисты рассматривали эксперта не как слепое орудие, послушное воле суда, а как активного участника выяснения тех или иных обстоятельств с помощью специальных знаний.

После октябрьского переворота 1917 года на территории РСФСР не осталось экспертных криминалистических учреждений, так как Петроградский кабинет научно-судебной экспертизы сгорел, а Московский прекратил свою работу в 1918 году. Оборудование его было передано Высшему институту фотографии и фототехники в Петрограде. Некоторые виды экспертиз выполнялись в судебно-медицинских лабораториях.

В этот период появляются работы, посвященные вопросам экспертизы, и некоторые из них содержали положения, заимствованные у дореволюционных ученых.

Так, например, взгляды Л.Е. Владимирова на эксперта как на научного судью, нашли свое отражение в постановлении о правах и обязанностях экспертов, изданном в январе 1919 года Наркомздравом РСФСР: «Выполняя все распоряжения и инструкции по медицинской экспертизе, каждый государственный медицинский эксперт в области своей научно-практической деятельности является самостоятельным работником, заключения которого, при соблюдении предписанных законом условий, получают обязательную силу и значение для частных лиц и учреждений различных ведомств». Если следователь или судья не были согласны с заключением государственного медицинского эксперта, то отвергнуть его не могли, а должны были обжаловать в вышестоящие медицинские учреждения (в порядке подчиненности).

Конечно, и судьи, и ученые-юристы того времени не всегда могли правильно оценить некоторые положения, касающиеся суда, и некритически принимали их, что и выразилось в понимании ими процессуального положения эксперта. Вместе с тем, в веденных инструкциях содержались и положительные моменты: судебно-медицинскому эксперту предоставлялось право в ходе исследования выявлять по собственной инициативе новые данные, о которых вопросы не были поставлены.

Такое положение существовало до принятия УПК РСФСР 1923 г., согласно которому значение заключения эксперта приравнивалось ко всем остальным доказательствам и могло свободно оцениваться судьями. Вопрос об инициативе в этом кодексе не упоминался.

В советской юридической литературе взгляд на эксперта как на научного судью развивал, в частности, Б.Л. Сперанский¹. Он предложил отказаться от понимания экспертизы как единого процессуального института и разделить ее на три части: установительную, определительную и квалификационную. Каждый эксперт, являющийся субъектом одной из этих трех самостоятельных категорий, наделялся особыми процессуальными правами. Задачей эксперта в установительной экспертизе было разрешение вопроса, совершалось ли преступление и совершено ли оно данным лицом. Сюда относятся случаи технических экспертиз, известных криминалистике. Эксперты имели право на свободу ознакомления со всеми материалами следствия и суда без каких-либо ограничений: свободу выхода из рамок вопросов, предлагаемых следователем и судом, свободу производства допроса свидетелей, осмотров и других действий, которые требуются для достижения поставленной им цели.

Согласиться со Б.Д. Сперанским по вопросу деления экспертиз на три вида нельзя, так как в противном случае установительная экспертиза является не чем иным, как особым техническим аппаратом предварительного расследования, а в квалификационной экспертизе эксперт выступает в качестве научного судьи. Главный недостаток этой концепции – в замене следователя (судьи) экспертом. Такое деление является искусственным, но мысль Б.Д. Сперанского о наделении эксперта правами ознакомления с материалами дела без каких-либо ограничений и возможностью выхода из рамок вопросов, предлагаемых следователем (судом), в какой-то мере ценна и сохранила свою актуальность до настоящего времени.

В 20-е годы XX века право эксперта на инициативу поддерживал М.А. Чельцов-Бебутов, считая, что эксперты, проводящие исследование, не должны быть связаны поставленными ими вопросами и могут расширить круг своих исследований². Он указывал, что институты судебной экспертизы не связывают себя только теми вопросами, которые им поставлены, а расширяют рамки исследования, если этого требуют обстоятельства дела. Однако и он смотрел на эксперта как на

¹ Сперанский Б.Д. Экспертиза в уголовном процессе. Иркутск: 1-я Гостино-лит., 1925. С. 11.

² Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс. Харьков: Юрид. изд-во; 1929. С. 170.

судью, поскольку считал, что в некоторых случаях эксперт превращается из орудия следователя в его руководителя.

В учебниках криминалистики более позднего периода среди прочих содержались и рекомендации следователям о формулировке вопросов при назначении экспертизы. Следователям, поскольку они не являются специалистами в какой-либо отрасли науки, рекомендовалось приглашать эксперта для дачи консультации при постановке вопросов. Эксперт в этом случае мог знакомиться с материалами дела и при необходимости обжаловать прокурору как неправильную постановку вопросов следователем, так и его действия по невключению вопросов, которые эксперт считает существенными и необходимыми, а следователь находит второстепенными.

Таким образом, видно, что эксперт мог проявлять инициативу, хотя решающее слово оставалось за следователем. Эксперту предоставлялась возможность добиться постановки тех или иных вопросов путем обжалования действий следователя прокурору. Такая инициатива, хоть и ограниченная, все же создавала возможность исследования новых обстоятельств, важных для дела. Однако следователи не всегда приглашали экспертов для дачи консультации, в большинстве случаев сами формулировали вопросы. Эксперт обязан был ответить на все вопросы, но он не лишен права отметить в заключении и такие обстоятельства, о которых ему не предлагалось вопросов, если эти обстоятельства имеют отношение к предмету экспертизы и эксперт считает их существенными для дела¹.

Как видно, авторы учебника разделяют инициативу на две части: в стадии назначения экспертизы (здесь она зависит от органов, назначающих экспертизу) и в стадии производства исследования. В последнем случае эксперт без всякого согласования может изучить новые обстоятельства, о которых вопросы ему не были поставлены.

Таким образом, практика шла по пути расширения объема экспертного исследования. Однако, как отмечал Ю.М. Кубицкий, часто эксперту направляется мало материалов, в связи с чем многие обстоятельства остаются за пределами его внимания, в то время как именно ознакомление с материалами дела позволяет решить вопрос о том, должен ли и может ли эксперт расширить поставленные перед ним вопросы².

После Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. деятельность экспертных криминалистических учреждений поднялась на более высокую ступень, что нашло свое отражение и в юридической литературе. Однако законодательно не было закреплено право эксперта на проявление инициативы.

В юридической литературе, посвященной экспертизе, необходимость предоставления экспертам права на инициативу стала обосновываться более глубоко. Так, А.И. Винберг высказал мнение о том, что эксперт поступает правильно, когда расширяет объем исследования, и что знание обстоятельств дела для него необходимо. Это знание крайне важно для выполнения так называемого неопределенного задания, когда следователь не может поставить конкретно вопросы и формулирует общий вопрос, например, «не содержится ли в документе каких-либо признаков, свидетельствующих о подделке». А.И. Винберг считал, что в этом случае знание всех обстоятельств дела необходимо для того, чтобы установить признаки подделки. Поэтому неправильно поступают следователи, когда при направлении на исследование вещественного доказательства или умалчивают об обстоятельствах дела, или упоминают о них весьма скупо³.

За необходимость ознакомления эксперта с материалами дела выступал и Р.Д. Рахунов, считавший, что это позволит эксперту подсказать следователю дополнительные вопросы, и последний может согласиться с ним, если это будет иметь значение для дела. Р.Д. Рахунов связывал экспертную инициативу с необходимостью согласования со следователем постановки дополнительных вопросов для того, чтобы он мог правильно ориентироваться в дальнейшей работе по расследуемому делу⁴.

¹ Криминалистика: техника и тактика расследования преступлений / под ред. А.Я. Вышинского. М.: Юрид. изд-во, 1938. С. 132.

² Кубицкий Ю.М. Криминалистическая и судебно-медицинская экспертиза. Ашхабад: Воен.-юрид. акад. РККА, 1942. С. 75.

³ Винберг А.И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. С. 32.

⁴ Рахунов Р.Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М.: Гос. изд-во юрид. лит. (тип. «Кр. Пролетарий»), 1950. С. 27.

Пользу, получаемую при реализации права следователя на инициативу, не только эксперты, ученые, но и практические работники.

Несмотря на отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве статьи о разрешении проявлять инициативу, это право осуществлялось и расширяло границы исследований.

В юридической же литературе в основной давались рекомендации об обязанности экспертов сообщать следователю о новых фактах, прежде чем отражать их в заключении. Вместе с тем, предварительная консультация следователя у эксперта необходима. Она нужна для того, чтобы следователь правильно определял последовательность задаваемых вопросов, уточнял их формулировку, установил момент предъявления заключения эксперта в процессе допроса, подготовился к ответам на возможные вопросы обвиняемого, т.е. совместно с экспертом выработал наиболее рациональные приемы тактики допроса. Наконец, такая консультация необходима и для того, чтобы сам следователь лучше разобрался в методике и результатах проведенного исследования и смог потом разъяснить обвиняемому суть заключения.

М.А. Чельцов и Н.В. Чельцова выступали за то, что эксперт в случае выявления им новых обстоятельств, важных для следствия, обязан сообщить об этом следователю, чтобы последний был в курсе исследований и в случае необходимости мог поставить дополнительные вопросы¹. Такой порядок, считали они, помогает следователю в расследовании преступлений, выдвижении новых версий, привлечении новых обвиняемых, соучастников, или, наоборот, исключении одних и привлечении других и т.п. Они, таким образом, не рассматривают инициативу эксперта как самостоятельный институт, а связывают ее с разрешением следователя, что в некоторой мере ограничивает активность эксперта и задерживает сроки проведения экспертизы, поскольку для такого разрешения нужно дополнительное время.

В литературе имеется мнение о необходимости в случае проявления экспертной инициативы обязательного ее согласования со следователем и судом «... эксперт в ряде случаев может сделать необходимым сообщение о них следователю до составления заключения с тем, чтобы решить вопрос об истребовании дополнительных материалов, проведении исследований, связанных с порчей или уничтожением вещественных доказательств, а также с тем, чтобы решить вопрос об истребовании дополнительных материалов проведения исследований, связанных с порчей или уничтожением вещественных доказательств, а также с тем, чтобы сформулировать дополнительное задание эксперту»².

Однако существует и противоположное мнение, заключающееся в одобрении права экспертов решать экспертом дополнительные вопросы, не поставленные следователем, хотя как в юридической литературе. Так и на практике нет ясности по этому поводу. Эксперт может как приостановить исследование и сделать запрос следователю, так и, не дожидаясь постановки дополнительных вопросов, выходит за пределы задания и дать заключение.

Эксперт, обнаруживший новые обстоятельства, не упомянутые в постановлении о назначении экспертизы, должен предварительно сообщить о них следователю, у которого при этом могут возникнуть дополнительные вопросы и который может найти дополнительный материал. Только в том случае, когда эксперт почему-либо не может связаться со следователем, он вправе самостоятельно упоминать в заключении об этих новых фактах.

Практическая реализация экспертной инициативы в уголовном судопроизводстве представляет собой одну из предпосылок дальнейшего развития и совершенствования наук криминалистики, уголовного процесса, равно как и судебно-экспертной деятельности в целом и судебной экспертизы в частности. Эксперт – активный исследователь вещественных доказательств и служебный долг обязывает его изыскивать новые пути и методы исследования, выявлять при этом и новые данные, не упомянутые в постановлении о назначении экспертизы.

Список использованной литературы:

1. Бойцов А.А. Право экспертной инициативы с позиции юридической герменевтики. *Теория и практика судебной экспертизы*. 2019;(2):115–127. DOI: 10.30764/1819-2785-2019-14-2-115-127.

References:

1. Boitsov A.A. [The right of expert initiative from the perspective of legal hermeneutics]. *Theory and practice of forensic examination*. 2019;(2):115–127. DOI: 10.30764/1819-2785-2019-14-2-115-127. (In Russ.)]

¹ Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 37.

² Котова О.А. Усовершенствование теоретических и методических основ идентификационной криминалистической экспертизы: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 17.

2. Духовский М.В. Русский уголовный процесс. М.: Склад изд. в книжном магазине М.В. Клюкина; 1908.
2. Dukhovskiy M.V. [Russian criminal trial]. M.: Warehouse publishing house in the bookstore of M.V. Klyukin; 1908. (In Russ.)]
3. Дьяконова О.Г. Право эксперта заявлять ходатайства, связанные с назначением и производством судебной экспертизы. *Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019;(5):66–78. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.57.5.066-078.
3. Dyakonova O.G. [The right of an expert to file petitions related to the appointment and production of a forensic examination]. *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA)*. 2019;(5):66–78. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.57.5.066-078. (In Russ.)]
4. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ; 2010.
4. Zaitseva E.A. [The concept of the development of the Institute of forensic expertise in the conditions of adversarial criminal proceedings]. M.: Yurlitinform; 2010. (In Russ.)]
5. Зорин Р.Г., Талецкий Н.С. Формы реализации экспертной инициативы в уголовном процессе. *Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Республики Беларусь*. Минск: БГУ; 2019.
5. Zorin R.G., Taletsky N.S. [Forms of implementation of expert initiative in criminal proceedings]. *Conceptual foundations of modern criminology: theory and practice: materials of the International Scientific and Practical Conference, dedicated to The 95th anniversary of the birth of the hero. a scientist Rep. Belarus*. Minsk: BSU; 2019. (In Russ.)]
6. Зуйкова Н.А., Головкин С.А. К вопросу об экспертной инициативе. *Вестник экономической безопасности*. 2022;(5):80–82. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-5-80-82.
6. Zuikova N.A., Golovko S.A. [On the issue of expert initiative]. *Bulletin of Economic Security*. 2022;(5):80–82. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-5-80-82. (In Russ.)]
7. Майорова Е.И. Особенности экспертной профилактики при производстве судебно-экологических экспертиз. *Право и государство*. 2018;(3-4):144–154.
7. Mayorova E.I. [Features of expert prevention in the production of forensic environmental examinations]. *Law and the State*. 2018;(3–4):144–154. (In Russ.)]
8. Мельник С.Л. О границах экспертной инициативы. *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2017;(2):20–22.
8. Melnik S.L. [On the boundaries of the expert initiative]. *Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;(2):20–22. (In Russ.)]
9. Мельник С.Л., Ревенко Я.Д. К вопросу о становлении института экспертной инициативы при производстве судебно-медицинских экспертиз в России. *Журнал российского права*. 2017;(2):124–130. DOI: 10.12737/24123.
9. Melnik S.L., Revenko Ya.D. [On the question of the establishment of the Institute of expert initiative in the production of forensic medical examinations in Russia]. *Journal of Russian Law*. 2017;(2):124–130. DOI: 10.12737/24123. (In Russ.)]
10. Никитина И.Э. Актуальные проблемы сотрудничества европейских государств в сфере внутренних дел и юстиции по линии экспертно-криминалистической и оперативно-разыскной деятельности. *Теория и практика судебной экспертизы*. 2017;(3):110–118.
10. Nikitina I.E. [Actual problems of cooperation between European states in the field of internal affairs and justice in the field of forensic and operational investigative activities]. *Theory and practice of forensic examination*. 2017;(3):110–118. (In Russ.)]
11. Хмыз А.И. Вопросы об экспертной профилактике при производстве судебной экспертизы. *Вестник Московского университета МВД России*. 2019;(1):105–108. DOI: 10.24411/2073-0454-2019-10027.
11. Khmyz A.I. [Questions about expert prevention in the production of forensic examination]. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;(1):105–108. DOI: 10.24411/2073-0454-2019-10027. (In Russ.)]
12. Чельцов М.А., Чельцова Н.В. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат; 1954.
12. Cheltsov M.A., Cheltsova N.V. [Conducting expertise in the Soviet criminal process]. M.: Gosyurizdat; 1954. (In Russ.)]
13. Шляхов А.Р. Процессуальные и организационные основы криминалистической экспертизы. М.: М-во юстиции СССР. Всесоюз. науч.-исслед. ин-т служебных экспертиз; 1972.
13. Shlyakhov A.R. [Procedural and organizational foundations of forensic examination]. M.: Ministry of Justice of the USSR. The All-Union. scientific research. Institute of Official examinations; 1972. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьева Наталья Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой процессуального права и криминалистики, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya A. Solovyeva

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, head of the department of procedural law and criminology of the FGAOU VO "Volgograd State University"

НЕЙРОСЕТЬ В СТРУКТУРЕ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТ. СТ. 240, 241–242² УК РФ)

Фонштейн А.И.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Фонштейн А.И. Нейросеть в структуре объективной стороны преступлений против общественной нравственности (на примере ст. ст. 240, 241–242² УК РФ). *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(3):101–107. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-101-107>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Фонштейн Анна Игоревна, аспирант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 925-93-00

E-mail: anya.litovchenko.00@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 28.08.2024

Статья принята к печати: 27.09.2024

Дата публикации: 15.10.2024

Аннотация: Искусственный интеллект в настоящее время внедряется и используется повсеместно, в том числе в преступной деятельности. *Целью* исследования является изучение нейросетей, способствующих облегчению совершения противоправных деяний, закрепленных в статьях гл. 25 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в структуре объективной стороны составов преступлений в качестве факультативных признаков.

Для достижения и в соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие *задачи*: проанализировать место изучаемой разновидности машинного обучения в структуре объективной стороны составов преступлений, на примере ст. ст. 240, 241–242² УК РФ, определить нейросеть в качестве факультативного признака объективной стороны указанных противоправных деяний, раскрыть проблемы квалификации при использовании генеративных математических моделей.

Методологической основой исследования выступает всеобщий диалектический метод, а также комплекс общенаучных и частно-научных методов познания для всестороннего рассмотрения изучаемой проблемы.

Результаты исследования. В структуре объективной стороны преступлений, описанных в ст. ст. 240, 241–242² УК РФ, генеративные математические модели могут выступать в качестве факультативных признаков объективной стороны – способа, средства или орудия совершения преступного деяния. Выявлены различные подходы, при которых нейронные сети, используемые при описании и обработке языка для компьютерных систем, синтеза изображений, аудио и видео-записей, определяются по-разному, характеризуя, в некоторых случаях способ, средство или орудие совершения преступления, а в других способ и средство совершения одновременно.

Выводы исследования. Генеративные математические модели в условиях современности имеют широкий потенциал в качестве криминогенного явления, способствующего упрощению совершения и распространения существующих противоправных деяний, в частности связанных с обращением порнографии и организацией проституции, что требует совершенствования уголовного законодательства и практики его применения. Совершение противоправных деяний против

нравственности с использованием нейросетей значительно повышает общественную опасность, в связи с чем необходимо введение в ст. ст. 240, 241–242² УК РФ нового квалифицирующего признака, указывающего на совершение преступления с использованием систем искусственного интеллекта, а также аналогичного обстоятельства, отягчающего наказание, в ст. 63 УК РФ.

Ключевые слова: нейросеть, искусственный интеллект, общественная нравственность, способ совершения преступления, средства совершения преступления, порнография, проституция.

NEURAL NETWORK IN THE STRUCTURE OF THE OBJECTIVE SIDE OF A CRIMINAL AGAINST PUBLIC MORALITY (ON THE EXAMPLE OF ARTICLES 240, 241-242² OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Anna I. Fonshtein

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Fonshtein A.I. Neural network in the structure of the objective side of a criminal against public morality (on the example of articles 240, 241-242² of the Criminal code of the Russian Federation). *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(3):101–107. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-101-107>

CONTACT INFORMATION:

Anna I. Fonshtein, postgraduate student of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 925-93-00

E-mail: Anya.litovchenko.00@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 28.08.2024

The article has been accepted for publication: 27.09.2024

Date of publication: 15.10.2024

Annotation: Artificial intelligence is currently being implemented and used consistently, including in criminal activity. The *purpose* of the study is to study neural networks that facilitate the commission of illegal acts included in the articles of Chapter 25 of the Criminal Code of the Russia, in the consistent objective part of the compositions are given as optional features.

To achieve and in accordance with the stated Goal, it is necessary to solve the following *tasks*: analyze the place of the studied typical machine learning in the consistent objective part of the compositions of the results using the example of Articles 240, 241–242² of the Criminal Code of the Russia, define the neural network as an optional feature of the objective side of the specified illegal acts, reveal the problems of qualification when using generative mathematical models.

The *methodological basis* of the study is the general dialectical method, as well as a set of general scientific and specific scientific methods of cognition for a comprehensive consideration of the problem under study.

Research *results*. In the manifestation of the objective side of the crimes described in Art. 240, 241–242² of the Criminal Code of the Russia, generative mathematical models can act as optional grounds for the objective side – the exit, means or completion of a criminal act. Various approaches have been identified in which neural networks use the language of computer systems, image synthesis, audio and video recordings, technology in description and processing in different ways, characterizing, in some cases, the method, means or instrument of committing criminals, as well as in other ways. and achieving perfection. Research results. In modern conditions, generative mathematical models have a wide potential as criminogenic phenomena that contribute to the commission and dissemination of existing illegal acts, in particular, with recourse to

pornography and the organization of prostitution, which requires the presence of criminal legislation and the practice of its application. The commission of illegal acts against morality using neural networks significantly increases the social danger, in connection with which it is necessary to introduce into Art. 240, 241–242² of the Criminal Code of the Russia, a new qualifying feature indicating the commission of a crime using artificial intelligence systems, as well as a changing circumstance aggravating the consequences, in Art. 63 of the Criminal Code of the Russia.

Keywords: neural network, artificial intelligence, public morality, method of committing a crime, means of committing a crime, pornography, prostitution.

Введение

Распространение математических моделей, построенных на основе генеративного и самоорганизующегося обучения, в последние годы протекает стремительно, что вызывает озабоченность у ученых и общественности в целом. Данная проблема связана в первую очередь с высокой степенью открытости и доступности исходных кодов алгоритмов искусственного интеллекта, а также их простым воспроизведением и, как следствие, легкостью пролиферации и использования в преступной деятельности. Адаптивность искусственного интеллекта позволяет обеспечивать анонимность, обходить цензуру и применять неограниченное количество символов для написания программного кода в противоправных целях [2, с. 783].

При этом остается открытым вопрос об инструментальном характере нейросетей и их определении в структуре объективной стороны преступления. Можно согласиться с позицией Н.Ю. Скрипченко, обращающего внимание на то, что ряд норм УК РФ содержит «скрытую инфотехнологичность», означающую возможность совершения некоторых преступных деяний посредством современных технологий [9, с. 202]. Указанное влечет необходимость уголовно-правовой характеристики инноваций, в том числе искусственного интеллекта, в качестве одного из признаков, в совокупности определяющих общественно опасное деяние как преступление. В рамках данного вопроса существует множество позиций, кардинально различающихся, а порой и входящих в противоречие с устоявшейся доктриной уголовного права, которые будут рассмотрены в дальнейшем.

Методы исследования

Основу методологии составляют, как всеобщий диалектический метод, разрешающий возникшие противоречия и способствующий рассмотрению нейросетей в качестве факультативного признака объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. ст. 240, 241–242² УК РФ, так и общенаучные методы, в частности анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также частно-научные методы, в числе которых сравнительно-правовой, формально-юридический, функциональный и метод контент-анализа.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования были выявлены три подхода, различающиеся на основе определения нейросети как одного из трех факультативных признаков объективной стороны преступления, а именно способа, средства или орудия совершения противоправных деяний, связанных с обращением порнографии и организацией проституции.

После выявления и анализа указанных подходов сформулирован вывод о возможности рассмотрения нейросетей в качестве различных факультативных признаков составов преступлений в ст. ст. 240, 241–242² УК РФ, причем в некоторых случаях по отдельности (лишь в качестве способа, средства или орудия), а в других одновременно (как способа и средства), что приводит к мысли о необходимости их учета при квалификации и назначении наказания. Современные технологии, в том числе связанные с применением искусственного интеллекта, уже не находятся в зачаточном состоянии, их использование создает новые угрозы ввиду широких генеративных возможностей, порой опережающих человеческие. Сказанное влечет необходимость указания на повышенную общественную опасность применения нейросетей путем введения нового квалифицирующего признака и расширения круга обстоятельств, отягчающих наказание, посредством внесения изменений в УК РФ.

Научная дискуссия

Начать изыскания в интересующей теме хотелось бы с того, что в отечественной и зарубежной науке активно распространяется теория, согласно которой нейросети характеризуют и рассматривают не в качестве факультативных признаков объективной стороны преступлений, а с позиции субъекта [4, с. 39; 15, с. 53]. В рамках исследования данный вопрос не будет

рассматриваться подробно, однако он заслуживает упоминания и оценки, которая влияет на восприятие нейросетей в контексте учения о составе преступления.

На данный момент в теории уголовного права одной из ключевых характеристик субъекта преступления указывается его физическое свойство (антропологическое происхождение), означающее необходимость совершения деяния исключительно индивидами, наделенными разумом и относительной свободой воли. Данный тезис исключает любые уголовно-правовые последствия для нейросетей в качестве субъекта преступления на существующем этапе общественного развития из-за недостаточного развития сквозных цифровых технологий и иных факторов [8, с. 14].

Однако невозможно отрицать тот факт, что использование методов машинного обучения, имитирующих принятие решений человеком, может повлиять на осуществление общественно опасного деяния. При таком рассмотрении генеративная математическая модель воспринимается в конкретной ситуации в качестве одного из факультативных признаков объективной стороны преступления: способа, средства или орудия совершения. Указанное приводит к необходимости анализа по отдельности всех трех подходов.

При первом подходе в качестве факультативного признака объективной стороны преступления рассмотрим функциональное применение нейронных сетей как способа реализации преступного деяния, выраженного через конкретную группу приемов, методов, то есть реально-воплощенную деятельность. В данном случае важно отметить именно «деятельную» форму способа совершения, например при применении чат-ботов с искусственным интеллектом или визуального контента, генерируемого нейросетями. Названные технологии воссоздают собственный образ противоправных действий, подстраиваемый под конкретную ситуацию.

Так, при совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 241, 242–242² УК РФ, подобные комплексы технологических решений, позволяющие имитировать когнитивные функции человека, способны формировать целевые ссылки бронирования мест в притоне для занятия проституцией или на зрелищном мероприятии порнографического характера, осуществлять переписку, создавать видео или фото порнографического или эротического характера для рекламирования порно-сайта или притона посредством генерации информации. В названных случаях наличествует конкретный алгоритм действий нейросети, просчитывающей последовательность решений и их перестановку в случае неудачи, для достижения необходимого результата, а сгенерированная ею речевая, визуальная или текстовая информация представляет собой способ совершения преступления.

Аналогично можно охарактеризовать ситуации, где путем нейросетевого воздействия совершается вовлечение в занятие проституцией, так как искусственный интеллект на основе данных, полученных в свободном доступе, сможет найти подход к индивиду, анализируя страницы в социальных сетях, упоминания в СМИ, активность в Интернете.

Определение генеративных математических моделей в качестве способа осуществления преступного посяательства поддержано многими авторами [1, с. 117; 3, с. 42]. Причем некоторые из них даже обосновывают необходимость дополнения ч. 1 ст. 63 УК РФ указанием на совершение преступления с использованием систем искусственного интеллекта в качестве обстоятельства отягчающего наказание для охраны всех названных в уголовном законе общественных отношений [14, с. 278].

Вторым и более распространенным подходом является понимание искусственного интеллекта и нейросетей как средства совершения преступления [5, с. 162; 10, с. 350], то есть приспособления, предмета, энергии, вещества или комбинации компьютерных данных и иных объектов материального и идеального свойства, используемых при посятельстве. Стоит подчеркнуть, что отличие средства от способа при использовании искусственного интеллекта сводится к его роли именно в качестве технологии, облегчающей совершение или реализацию деяния.

Например, в качестве средства совершения может выступать медиафайл, сгенерированный путем замены определенных элементов фото или видео на основе облика реально существующих физических лиц, который используется для дальнейшего незаконного оборота, если несет в себе признаки порнографического материала.

В таком случае имеет место частный случай генеративной математической модели. Средством совершения деяния является дипфейк технология, которая заключается в компьютерной генерации медиафайлов на базе искусственного интеллекта для соединения и наложения фото и видео на исходные изображения или видеоролики [7, с. 381].

Использование преступниками открытых нейросетей для создания порнографических материалов, как в целях их оборота в информационной среде, так и для дальнейшего совершения

вымогательств, вовлечения в занятие проституцией и иных преступных действий на основе полученной информации, можно рассматривать в качестве средства совершения преступления, виду того, что доступ к ним возникает именно с помощью нейронной сети.

Что же касается вопроса о характеристике одновременно нескольких факультативных признаков преступления при квалификации противоправного деяния, а именно способа и средства совершения в случае применения нейросетей, он может разрешаться по аналогии с дискуссией о природе информационно-телекоммуникационных сетей [12, с. 124]. В данном ключе наиболее предпочтительным является подход, раскрытый в работах Р.И. Дремлюги [6, с. 30] и Н.М. Тарасика [11, с. 67], которые указывают, что в силу двойственной природы «глобальной сети» она должна рассматриваться и как способ, и как средство совершения преступления одновременно, ввиду чего о нейросетях как разновидности машинного обучения также можно говорить в двойном контексте.

В третьем подходе при анализе нейросетей как орудия совершения противоправных деяний, важно выделить ключевое условие, а именно необходимость наличия «материальности» искусственного интеллекта, его физического воплощения, посредством которого выполняется объективная сторона преступления, так как орудия всегда имеют воплощенную физическую форму ввиду характера своего воздействия. Такие устройства существуют в виде автономных средств (компьютер), а некоторые из них (нейросети, животные) обладают и возможностями самодетерминированности, способностью к обучению и самообучению, впрочем, указанное приводит и к непредсказуемости их «реакций».

Примером устройства, которое может быть использовано в качестве орудия совершения противоправного деяния, является автономная роботизированная машина, которая реализует различные виды человеческой деятельности через выполнение технических задач с помощью вычислительных систем, не осознавая при этом своей субъектности и являясь только «суперсимулякром», совокупностью знаков, не имеющих соответствия в реальности [13, с. 93].

Обладая признаками машинного обучения, такие устройства способны стать орудием совершения противоправных деяний в случаях, когда непосредственно самим автономным средством будет причинен вред охраняемым УК РФ общественным отношениям (например, через вовлечение в занятие проституцией или съемку лица, не достигшего совершеннолетия, в целях изготовления и (или) распространения порнографических материалов).

Проанализировав указанные подходы, можно прийти к выводу о потенциальном рассмотрении нейросетей, имитирующих интеллектуальное поведение, в качестве различных факультативных признаков исследуемых составов преступлений, причем в некоторых случаях по отдельности, а в других одновременно.

Использование автоматизированных систем искусственного интеллекта осуществляется во многих сферах общественной жизни, поэтому невозможно игнорировать тот факт, что нейросети могут представлять угрозы для благ, охраняемых уголовным законом. Возможность применения инновационных форм реализации преступного умысла, а именно новых «информационных» способов, средств и орудий совершения преступления упрощает преступную деятельность и создает повышенную опасность для общественной нравственности, диктуя необходимость их уголовно-правовой оценки при квалификации и назначении наказания.

В настоящее время в РФ намечается тенденция криминализации новых технологий, используемых при совершении преступлений¹, с целью разрешения проблем безопасности, в том числе нравственного развития населения, в связи с чем можно назвать актуальным предложение о введении в рассмотренные в данном исследовании ст. ст. 240, 241–242² УК РФ нового квалифицирующего признака «с использованием систем искусственного интеллекта», а также дополнении ч. 1 ст. 63 УК РФ аналогичным обстоятельством, отягчающим наказание. Указанные меры также позволят избежать проблемы при квалификации деяний, предусмотренных ст. ст. 242–242² УК РФ, в части разграничения с таким квалифицирующим признаком, как «с использованием

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ [сайт]. Официальный интернет-портал правовой информации; 2024 [обновлено 08 августа 2024; процитировано 09 августа 2024]. Доступно: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080012?index=2>; О внесении изменений в УК РФ (в части установления ответственности за незаконное использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные): Законопроект № 502113-8 [сайт]. СОЗД ГАС «Законотворчество»; 2024 [обновлено 23 января 2024; процитировано 09 августа 2024]. Доступно: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8>.

средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Список использованной литературы:

1. Абдусаламов Р.А., Арсланов Ш.Д. Специфика и способы совершения преступлений в сети Интернет. *Вестник Дагестанского государственного университета*. 2014;(1):116–118.
2. Адамович В.В. Нейросети как новый инструмент для совершения киберпреступлений: постановка проблемы. *Санкт-Петербургский международный криминалистический форум: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 10–11 июня 2024 г., Санкт-Петербургский университет МВД России)*. СПб.; 2024.
3. Бахарева Д.А. Искусственный интеллект как способ совершения преступления. *Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 19 октября 2023 г. Московская академия следственного комитета)*. М.; 2024.
4. Васильев А.А., Шпоппер Д., Матаева М.Х. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ. *Юрислингвистика*. 2018;7(8):35–44. DOI: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2018\)7-804](https://doi.org/10.14258/leglin(2018)7-804).
5. Дремлюга Р.И. Интернет как способ и средство совершения преступления. *Информационное право*. 2008;(4):27–31.
6. Дремлюга Р.И. Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика. *Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2021;23(3):153–165. DOI: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/153-165>.
7. Иванов В.Г., Игнатовский Я.Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Государственное и муниципальное управление*. 2020;7(4):379–386.
8. Кобец П.Н. Правосубъектность технологий искусственного интеллекта: научные позиции исследователей и перспективы совершенствования. *Правопорядок: история, теория, практика*. 2024;1(40):8–14.
9. Скрипченко Н.Ю. Использование информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях: нормативный учет и перспективы расширения уголовно-правового значения. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2024;28(1):196–214. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-196-214>.

References:

1. Abdusalamov R.A., Arslanov Sh.D. [Specifics and methods of committing crimes on the Internet]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Dagestan State University*. 2014;(1):116–118. (In Russ.)
2. Adamovich V.V. [Neural networks as a new tool for committing cybercrimes: problem statement]. *Sankt-Peterburgskij mezhdunarodnyj kriminalisticheskij forum: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = St. Petersburg International Forensic Forum: Proceedings of the international scientific and practical conference (St. Petersburg, June 10–11, 2024, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)*. St. Petersburg; 2024. (In Russ.)
3. Bakhareva D.A. [Artificial intelligence as a method of committing a crime]. *Sudebnye ekspertizy v уголовном процессе: teoriya i praktika: Materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Forensic examinations in criminal proceedings: theory and practice: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, October 19, 2023 Moscow Academy of the Investigative Committee)*. М.; 2024. (In Russ.)
4. Vasiliev A.A., Shpopper D., Mataeva M.Kh. [The term «artificial intelligence» in Russian law: doctrinal analysis]. *Yurislingvistika = Jurislinguistics*. 2018;7(8):35–44. DOI: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2018\)7-804](https://doi.org/10.14258/leglin(2018)7-804). (In Russ.)
5. Dremlyuga R.I. [The Internet as a method and means of committing a crime]. *Informacionnoe pravo = Information law*. 2008;(4):27–31. (In Russ.)
6. Dremlyuga R.I. [Use of artificial intelligence for criminal purposes: criminal legal characteristics]. *Aziatsko-tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo = Asia-Pacific region: economics, politics, law*. 2021;23(3):153–165. DOI: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/153-165>. (In Russ.)
7. Ivanov V.G., Ignatovsky Ya.R. [Deepfakes: prospects for application in politics and threats to the individual and national security]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: State and municipal management*. 2020;7(4):379–386. (In Russ.)
8. Kobets P.N. [Legal personality of artificial intelligence technologies: scientific positions of researchers and prospects for improvement]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Legal order: history, theory, practice*. 2024;1(40):8–14. (In Russ.)
9. Skripchenko N.Y. [Use of information and telecommunication networks for criminal purposes: regulatory accounting and prospects for expanding criminal legal significance]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal sciences*. 2024;28(1):196–214. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-196-214>. (In Russ.)

10. Степанова А.В. Взаимосвязь искусственного интеллекта как средства совершения преступления и иных объективных признаков состава преступления. *Образование и право*. 2021;(5):349–353. DOI: <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-5-349-355>.

11. Тарасик Н.М. Анализ правовых основ борьбы с киберпреступностью. *Успехи в химии и химической технологии*. 2016;XXX(5):66–68.

12. Ткачев И.О. Спорные вопросы квалификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. *Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 21–22 мая 2024 г. Московская академия следственного комитета)*. М.; 2024.

13. Филимонов В.А., Тризкин Б.М. Искусственный интеллект как суперсимулякр и деонтологизация кота Шрёдингера. В: *Роботы заявляют о своих правах: Доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов: монография / под ред. А.Ю. Мамычева, А.Ю. Мордовцева, Г.В. Петрук*. М.: Издательский Центр РИОР; 2020.

14. Шмяткова Н.В. Искусственный интеллект: субъект или способ совершения преступления? *Государственная служба и кадры*. 2023;(5):276–279. DOI: <https://doi.org/10.24412/2312-0444-2023-5-276-279>.

15. Jomon P Jose Legal liability issues and regulation of Artificial Intelligence (AI). *Journal of the Nationality Law School of India University*. 2018;(1):1–76.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фонштейн Анна Игоревна

аспирант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0003-0928-7688

10. Stepanova A.V. [The relationship between artificial intelligence as a means of committing a crime and other objective signs of a crime]. *Obrazovanie i pravo = Education and law*. 2021;(5):349–353. DOI: <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-5-349-355>. (In Russ.)]

11. Tarasik N.M. [Analysis of the legal framework for combating cybercrime]. *Uspekhi v khimii i khimicheskoy tekhnologii = Advances in chemistry and chemical technology*. 2016;XXX(5):66–68. (In Russ.)]

12. Tkachev I.O. [Controversial issues of qualification of crimes committed using information and telecommunication networks]. *Primenenie ugolovno i ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva v praktike sledstvennogo komiteta Rossij: aktual'nye problemy i rekomendacii po ih resheniyu: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Application of criminal and criminal procedural legislation in the practice of the Investigative Committee of the Russia: current problems and recommendations for their solution: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, May 21–22, 2024, Moscow Academy of the Investigative Committee)*. M.; 2024. (In Russ.)]

13. Filimonov V.A., Trizkin B.M. [Artificial intelligence as a supersimulacrum and deontologization of Schrödinger's cat. In: *Robots declare their rights: Doctrinal and legal foundations and moral and ethical standards for the use of autonomous robotic technologies and devices*]. Ed. A.Yu. Mamycheva, A.Yu. Mordovtseva, G.V. Petruk. M.: RIOR Publishing Center; 2020. (In Russ.)]

14. Shmyatkova N.V. [Artificial intelligence: subject or method of committing a crime?] *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = Public service and personnel*. 2023;(5):276–279. DOI: <https://doi.org/10.24412/2312-0444-2023-5-276-279>. (In Russ.)]

15. Jomon P Jose Legal liability issues and regulation of Artificial Intelligence (AI). *Journal of the Nationality Law School of India University*. 2018;(1):1–76.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna I. Fonshtein

postgraduate student of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0003-0928-7688

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-108-114>

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Цыпина А.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Цыпина А.В. Уголовно-процессуальная коммуникация участников уголовного судопроизводства. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(3):108–114. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-108-114>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Цыпина Алла Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: sytinalla@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 21.08.2024

Статья принята к печати: 20.09.2024

Дата публикации: 15.10.2024

Аннотация: Исследование посвящено комплексному описанию и анализу уголовно-процессуальной коммуникации участников уголовного судопроизводства. Автор рассматривает влияние лексикона, прагматикона и тезауруса на формирование и функционирование языковой личности участников уголовного процесса, в частности языковой личности профессионального коммуниканта.

Для успешного диалогического взаимодействия профессиональный коммуникант должен обладать не только глубокими знаниями законодательства, но и высокоразвитыми коммуникативными компетенциями.

Цель настоящего исследования – формирование комплекса предложений по совершенствованию взаимодействия участников уголовного-производства посредством оптимизации коммуникативных процессов между ними.

Для достижения поставленной цели в качестве основной *задачи* видится необходимость определить конкретные рекомендации, направленные на достижение эффективного диалогического взаимодействия участников при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Методы исследования: описательный, сопоставительный, структурный, стратификация.

Результаты: разработаны рекомендации для эффективного коммуникативного взаимодействия в условиях уголовно-процессуальной коммуникации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная коммуникация, языковые конвенции, аргументированное диалоговое взаимодействие, коммуникативный кодекс.

CRIMINAL PROCEDURAL COMMUNICATION OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Alla V. Tsykina

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Tsykina A.V. Criminal procedural communication of participants in criminal proceedings. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(3):108–114. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-108-114>

CONTACT INFORMATION:

Alla V. Tsykina, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: sytinalla@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 21.08.2024

The article has been accepted for publication: 20.09.2024

Date of publication: 15.10.2024

Annotation: The study is devoted to a comprehensive description and analysis of criminal procedural communication of participants in criminal proceedings. The author examines the influence of lexicon, pragmatics and thesaurus on the formation and functioning of the linguistic personality of participants in criminal proceedings, in particular the linguistic personality of a professional communicant.

For successful dialogical interaction, a professional communicant must have not only deep knowledge of the law, but also highly developed communicative competencies.

The *purpose* of this study is to propose ways to improve and optimize communication operations in criminal procedure communication for participants in criminal proceedings.

In order to achieve this goal, it is seen as necessary to identify specific *recommendations* aimed at effective dialogic interaction.

Research *methods*: descriptive method, comparative method, structural method, stratification method.

Keywords: criminal procedure communication, language conventions, reasoned dialog interaction, the communication code.

Введение

Активное развитие и потребность в оптимизации коммуникативных процессов в современном обществе определяет развитие целого научного направления – правовой коммуникации, включая его уголовно-процессуальную сферу.

Уголовно-процессуальная коммуникация, как особая форма коммуникативного взаимодействия людей в рамках профессиональной деятельности, играет важную роль. Совершенствование коммуникативных процессов в этой области является одной из основных задач, направленных на повышение эффективности взаимодействия и устранения причин, приводящих к искажению восприятия языкового материала [1, с. 4–6].

Уголовное судопроизводство в России включает несколько стадий, каждая из которых имеет свои особенности и процедуры: возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, подготовка к судебному заседанию, судебное разбирательство, производство в апелляционной инстанции и исполнение приговора.

Каждая стадия с точки зрения лингвистического анализа предполагает свой отдельный, скажем так, коммуникативный жанр, обладающий набором специфических черт и особенностей [2, с. 10]. Коммуникативная форма взаимодействия на каждой стадии представляет собой сложный и многогранный процесс, который регулируется законодательством. Процессуальные нормы устанавливают порядок и правила взаимодействия сторон, в том числе и на коммуникативном уровне: строгое использование принятых законодателем формул общения, процессуальный порядок речевого взаимодействия и как таковую организацию речевого акта.

Общей характеристикой коммуникации в уголовном процессе на каждой стадии является наличие устной и письменной формы взаимодействия. Письменная форма представлена более структурировано и продуцирование уголовно-процессуальных текстов подчинено единому алгоритму

(работа с уголовно-процессуальной документацией требует высокой степени внимательности, юридической, языковой грамотности, полноты и точности установления фактических обстоятельств дела). Письменной процессуальной коммуникации придается особое значение: процессуальные решения (в различных формах) должны соответствовать установленным законом требованиям (ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Далее – УПК РФ). Протоколы следственных и судебных действий имеют силу процессуальных доказательств и их оформление также имеет правовую основу (ст. 166 УПК РФ). именно в отношении протоколов законодатель определил правило о дословном (по возможности) занесении сведений, полученных в ходе производства следственных действий.

Устная уголовно-процессуальная коммуникация чаще всего осуществляется в рамках особого процессуального режима с соблюдением строго регламентированных форм коммуникации (допрос, судебные прения сторон и пр.), тем не менее обладает большей свободой выражения по сравнению с письменной формой.

Важной особенностью уголовно-процессуальной коммуникации выступает корреляция между устными и письменными формами его проявления. Так, устные показания обязательно переводятся в письменную форму. Заявления, ходатайства заявленные устно заносятся в протокол соответствующего следственного или судебного действия. Весь процесс устного судебного разбирательства в судебном заседании отражается в протоколе судебного заседания. Это обстоятельство не означает, что все без исключения результаты уголовно-процессуальной коммуникации получают письменное закрепление. Однако, только получившие письменное закрепление результаты уголовно-процессуальной коммуникации имеют правовое значение и влекут правовые последствия. Исходя из чего можно сделать и следующее заключение, не получающие письменного выражения коммуникации участников могут иметь место, но они, во-первых, не будут иметь правового значения и, во-вторых, они не подчиняются уголовно-процессуальной регламентации. Соответственно можно выделить две формы: сочетание устной и письменной уголовно-процессуальной коммуникации, регламентируемой уголовно-процессуальным законом, обладающей правовым характером и влекущая правовые последствия и не процессуальная коммуникация, осуществляемая в произвольной форме и подчиняющаяся иным языковым конвенциям, включая этические.

Таким образом, в рамках уголовно-процессуальной деятельности следует выделять процессуальные и не процессуальные формы коммуникативного взаимодействия, основанные на принятых в обществе языковых конвенциях [4, с. 95].

Процессуальные требования, регламентирующие коммуникативные действия, изложены в законодательстве. Они охватывают все этапы, определяя основания для инициирования коммуникативного взаимодействия, его осуществления и завершения. Нарушение установленного законом порядка протоколирования и несоответствие необходимым процессуальным формальностям при устной процессуальной коммуникации может привести к признанию результатов хода общения недействительными и даже к правовым санкциям в отношении лиц, нарушивших установленный порядок. Так, например, ст. 189 УПК РФ регламентирует общие правила проведения допроса. Ее нарушения могут иметь коммуникативный характер и привести к признанию полученных показаний недопустимыми доказательствами (использование наводящих вопросов).

Ст. 190 УПК РФ регламентирует порядок составления протокола допроса, где указывается, что вопросы и ответы на них записываются в той последовательности, которая имела место в ходе допроса. Это строгое требование закона не оставляется на усмотрение следователя. Нарушения в этой части можно отнести не только к нарушениям процессуального порядка, но и к нарушениям коммуникативного характера: неправильное или неполное оформление протокола допроса (например, отсутствие некоторой части вопросно-ответной формы коммуникации) является существенным уголовно-процессуальным нарушением.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на некоторую пробельность процессуального законодательства в части регламентации процессуальной формы коммуникации в существующих следственных и судебных процедурах. Так, например, в соответствии со ст. 103 УПК РФ в качестве меры пресечения может быть избрано личное поручительство. Законодатель предусмотрел разъяснение поручителю его обязанности и ответственности, сущности выдвинутого подозрения или предъявленного обвинения. Налицо процессуальная форма коммуникации, однако ее последовательность явно нарушена: сначала поручитель заявляет ходатайство о своем желании принять на себя обязанности и ответственность за обвиняемого, а лишь затем ему разъясняются указанные обстоятельства. В этой связи можно сделать ошибочный вывод, что коммуникант должен

являться не только обладателем знаний деталей законодательного регулирования указанной ситуации закона, но и быть носителем определенных развитых процессуальных коммуникативных способностей (например, самостоятельно и грамотно с правовой точки зрения подготовить устное либо письменное ходатайство с тем, чтобы оно имело шанс на удовлетворение со стороны следователя или суда).

Методы исследования

Методология исследования обусловлена целью и задачами исследования, решение которых возможно подробным описанием сущности и хода процессуальной коммуникации (метод описания), проведением сопоставления различных тактик и способов процессуальной коммуникации (метод сопоставления), выявлением структуры процессуальной коммуникации, ее элементов, определением места каждого из них в системе коммуникации (структурный метод), выявлении различий субъектов на основании применяемых тактик процессуальной коммуникации, языковых средств и т.д. (метод стратификации).

Результаты исследования

1. Языковая личность участника уголовно-процессуальной коммуникации складывается из трех основных элементов: лексикон, тезаурус, прагматикон. Для эффективной коммуникативной интеракции в диалогическом формате необходимо владеть высоким уровнем лингвистической компетенции (лексикон) и всесторонним знанием предмета для его включения в определенные связи с другими объектами (тезаурус); нести ответственность за мотивы и интенции, которая лежит в основе коммуникативно-деятельностных потребностей (прагматикон).

2. При наличии коммуникативных барьеров рекомендуется применять конвенции речевого поведения, которые включают следующие правила: из множества вербальных вариаций мысли необходимо выбрать только одну самую оптимальную формулировку (лексикон), коммуникативное взаимодействие должно основываться на глубоком понимании предметной области (тезаурус), коммуникация должна основываться на абсолютной уверенности в собственных словах (прагматикон).

3. В условиях затруднительной языковой реализации в уголовно-процессуальной коммуникации для обоснования позиций в состязательном процессе рекомендовано:

- профессиональный коммуникант должен адаптировать материал к задаче и логически структурировать доказательства, чтобы выводы вытекали из фактов;
- для выражения четкой и ясной процессуальной позиции необходимо использовать терминологию с опорой на букву закона;
- факты, имеющие значение, должны быть детально изучены и систематизированы, чтобы выявить их взаимосвязь и влияние на главное событие;
- для верификации ложных показаний факты коррелируются с другими фактами и свидетельствами, с углубленным анализом деталей. Вопросы формулируются вариативно, допрос проводится в стандартном темпе;
- каждый задаваемый вопрос должен быть соотнесен с процессуальной ролью и позицией выступающего, обеспечивая восстановление хронологии событий. Формулировка вопроса осуществляется только после подтверждения их эффективности для достижения процессуальных целей.

Научная дискуссия

Устная уголовно-процессуальная коммуникация с точки зрения лингвистики чаще всего представлена в виде диалога, который является центральным видом коммуникации. «Диалогическое взаимодействие в правовом поле реализуются преимущественно в слове, в тех текстах, которые создаются человеком на протяжении всей его жизни. Т.В. Губаева отмечает, что на выражение смысловой диалогической позиции влияют три фактора: лексикон, тезаурус и прагматика, где лексикон – словарный запас человека, его способность выразить мысль в словесной форме; тезаурус – совокупность информации, которой обладает человек, его знания и жизненный опыт; прагматикон – речевая воля говорящего. Лексикон и тезаурус формируют языковое сознание, а прагматикон отвечает за мотивацию речевого поведения. В совокупности они формируют языковую личность, в частности языковую личность участника уголовно-процессуальной коммуникации. Являясь строго индивидуальными качествами, языковое сознание и речевая воля, формируют его языковую картину мира. Если по тем или иным причинам эти качества подавлены и несамостоятельны, то просто озвучиваются чужие мысли и идеи, что ведет к коммуникативному провалу.

Таким образом, успешное диалогическое взаимодействие профессионального коммуниканта складывается из трех элементов:

- развитые навыки владения языком(лексикон);
- всесторонне знание предмета для его включения в определенные связи с другими объектами (тезаурус);
- ответственность за речевую инициативу (прагматикон)» [8, с. 190].

В реальной коммуникативной уголовно-процессуальной практике диалоги не всегда проходят эффективно. Основные причины связаны с коммуникативными барьерами участников уголовного судопроизводства. Существуют ситуативные, контрсуггестивные, тезаурусные и интеракционные барьеры. Рассмотрим их более детально.

Ситуативные барьер возникает в результате того, что собеседником не понимается ситуация (не содержание речи, а именно ситуация), ее контекст просто игнорируется. Барьеры такого рода иногда могут быть связаны, например, вследствие излишней активности сотрудников правоохранительных органов, направленной на вовлечение интересующего лица в процесс коммуникации игнорируя его индивидуальные психологические и поведенческие особенности.

Контрсуггестивные барьеры характеризуются различными формами недоверия, предубеждением, безразличием и недостатком мотивации. Такого рода обоюдная антипатия может проявиться в рамках продолжительного коммуникативного взаимодействия, например, в процессе допроса.

Тезаурусные барьеры возникают в связи с недостаточным уровнем культурной компетенции и неспособностью пользоваться всей системой языковых ресурсов. Например, если в условиях коммуникации используется жаргон, тогда как на лексическом уровне язык может предложить множество разнообразных лексем для выражения мысли говорящего, или в ситуации, когда следователь не адаптирует языковую форму изложения мысли и изъясняется протокольным языком, а допрашиваемый не владеет официальным языком, что может привести к недопониманию.

Интеракционные барьеры объясняются неспособностью установить позитивный коммуникативный контакт, а также недостаточным или отсутствующим социальным опытом.

В контексте выявленных коммуникативных барьеров рекомендуется использовать конвенции речевого поведения, которые применимы, в частности, и в уголовно-процессуальной коммуникации:

- «среди множества словесных выражений мысли, следует выбрать только один оптимальный вариант (это относится к уровню лексикона);
- процесс говорения или письма должен быть обусловлен глубоким знанием предмета (это относится к тезаурусу);
- говорить и писать только о том, в чем абсолютно уверен (это правило относится к прагматикону)» [8, с. 191].

Такого рода языковые конвенции вербальных реализаций могут составить основу коммуникативного кодекса сферы уголовного судопроизводства. Коммуникативный кодекс представляет систему принципов коммуникации и совокупность тактик и приемов, применяемых для обеспечения правосудия.

Выбор приемов и тактик обусловлен принципом состязательности сторон активным отстаиванием сторонами своей точки зрения перед судом. Успех в убеждении суда зависит от того, насколько участники процесса владеют техникой и тактикой ведения диалога в суде. Одним из ключевых приемов ведения диалога является освоение техники аргументирования [5, с. 102].

Да, в судебных спорах условия аргументации регулируются процессуальными нормами, что, безусловно, влияет на их специфику. Тем не менее, мы считаем, что модель аргументации универсальна для всех гуманитарных областей. Основу составляют языковые конвенции и вышеупомянутые универсальные правила ведения диалога.

Большинство исследователей считают, что одним из ключевых принципов аргументативного общения является «обязанность доказывания». Это предполагает, что позиция по какому-либо аспекту реальности должна быть сформулирована и обоснована таким образом, чтобы слушающий мог ее адекватно оценить и, соответственно, принять или отвергнуть.

В классической аргументации традиционно выделяют несколько основных виды аргументации: логическая, диалектическая и эмоциональная. Для современного судопроизводства характерна логическая аргументационная база. Для повышения коммуникативного потенциала можно рекомендовать аргументирующему делать ссылки на предыдущую и последующую

информацию, использовать различные приемы подчеркивания мысли, при помощи экспрессивного синтаксиса (парцелляция, вставные конструкции, парантезы, синтаксический параллелизм и др.).

Успешная языковая реализация аргументированного диалога заключается в способности коммуниканта дифференцировать критически важную информацию и соотносить с ней ключевые лексемы в материалах дела. Релевантные данные необходимо подвергнуть тщательному анализу, установить их взаимосвязь, выделить опорные слова. Такой прием создаст прочную вербальную и смысловую конструкцию, на которую можно опираться в рамках диалога, представленная архитектура речи позволит занять более выгодные позиции в коммуникации.

Существуют языковые реализации, тормозящие продвижение уголовно-процессуальной коммуникации. В такого рода случаях целесообразно придерживаться следующих правил, лежащих в основе успешного коммуникативного взаимодействия: профессиональный коммуникант обязан адаптировать свои материалы в соответствии с поставленной задачей, учитывая процессуальные интересы. Анализ доказательств, подтверждающих позицию, и их последовательное изложение должны быть организованы таким образом, чтобы выводы логически вытекали из представленных фактов.

Т.В. Губаева по существу процессуальной позиции рекомендует излагать материал с высокой степенью ясности, точности и системности: «... для выражения ее содержания используется обыденная языковая форма, после чего применяется терминология с опорой на букву закона (основанная на законодательных нормах). Это значительно усиливает убедительность аргументации» [3, с. 114].

Структурирование речи, ее языковое оформление и изложение связано с «умением умение различать необходимое и полезное, неизбежное и опасное. Необходимое следует разобрать до конца, не оставляя ничего недоказанного; о полезном достаточно упомянуть; опасное должно быть устранено из речи; неизбежное надо решительно признать и объяснить или совсем не касаться его» [7, с. 200]. Эффективный тактический прием зависит от очередности изложения фактов. Организация фактов, рассматриваемых в ходе уголовного дела, порядок очередности их изложения может придать большую значительность. Информация, так или иначе, дестабилизирующая процессуальную позицию, может выглядеть «несущественными за счет контраста или быть отодвинута на периферию изложения» [3, с. 115], а в некоторых случаях о ней можно даже умолчать, если это допустимо. «В любом случае искусная группировка фактов выступающим означает, что эти факты:

- изложены в наивыгоднейшем освещении;
- даны в наиболее сжатом виде и с наибольшей простотой;
- по возможности заслоняют факты процессуального противника» [3, с. 115].

При обосновании позиций в состязательном процессе говорящий не должен преждевременно излагать свои аргументы и спешить с представлением доказательств. Оптимально делать это после того, как процессуальный оппонент изложит свои доводы. Таким образом, исключается использование оппонентом аргументационной базы противной стороны.

Вопросная форма коммуникации должна соответствовать процессуальным функциям и стратегической роли участника уголовного судопроизводства. Например, фундаментом при осуществлении процедуры допроса в рамках судебного заседания, будет являться соблюдение временной последовательности событий, то есть хронология событий должна быть восстановлена так, как они случились в действительности. Коммуникант должен быть уверен, что заданный будет способствовать достижению процессуальных задач. В данном случае умение задавать вопросы выходит за рамки привычного понимания и соотносится с мышлением в самом глубоком смысле: «вопрос – это форма мышления, связанная с затребованием информации» [6, с. 60], вопрос должен быть прагматически корректным. Необходимо помнить, что не каждая языковая формулировка с вопросительным знаком на конце является вопросом. Вопрос определяет не пунктуационный знак, а в первую очередь его содержание.

Реакция допрашиваемого на заданный вопрос может варьироваться в зависимости от ритмико-мелодической стороны речи допрашивающего, чередования повышения и понижения голоса, а также его манеры речи. В рамках допроса декодированию подлежит не только словесная формулировка и смысловое содержание вопроса, но и интерпретация интонационного контура высказывания. Следовательно, акцентуация на определенном слове может привести к ответу, противоположному тому, который был бы получен при акценте на другом слове.

Для проверки полной или частичной ложности показаний, передаваемые допрашиваемые факты подвергаются верификации путем сопоставления с другими фактами и анализируется в

контексте других свидетельских показаний. Надежность проверки возрастает с увеличением детализации и конкретизации. Вопросительная форма высказывания по ключевым аспектам должна быть разнообразной. Допрос следует проводить в обычном темпе, при необходимости слегка увеличивая скорость, чтобы лучше выявить колебания в ответах. Выявленные противоречия следует интерпретировать таким образом, чтобы было очевидно, что они несовместимы с заявленной позицией, так как сами по себе они не имеют значимого эффекта.

Комплексный характеристика уголовно-процессуальной коммуникации позволяет сделать вывод о преимущественно диалогической устной формы взаимодействия, которая базируется на основе, лексикона, тезауруса и прагматикона. Перспективы исследования мы видим в разработке и применении модели аргументированного коммуникативного взаимодействия для каждой стадии уголовного судопроизводства и в отдельности для каждого коммуникативного жанра в рамках уголовно-процессуальной коммуникации. Такие модели позволят отвечать требованиям современного коммуникационного общества и совершенствовать область правовой коммуникации, в частности.

Список использованной литературы:

1. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород.: Нижегородская правовая академия; 2003.
2. Голев Н.Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка. *Юрислингвистика*. 2006;(7):8–39.
3. Губаева Т.В. Язык и право: Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М.: Норма; 2003.
4. Далецкий Ч.Б. Риторико-коммуникативная личность юриста. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. 2016;(4):94–101.
5. Землякова Н.В., Гарбовская Н.Б. Аргументация в судебной риторике. *Теория и практика общественного развития*. 2017;(6):101–106. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.6.25>.
6. Петров Ю.А. Культура мышления: методологические проблемы научно-педагогической работы. М.: Изд-во МГУ; 1990.
7. Пороховщиков П.С. Искусство речи на суде. М.: Юрайт; 2012.
8. Сытина А.В. Специфика языка судопроизводства. *Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цыпина Алла Викторовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

References:

1. Alexandrov A.S. [Introduction to judicial linguistics]. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy; 2003. (In Russ.)]
2. Golev N.D. [Legal communication in the mirror of natural language]. *Legal linguistics*. 2006;(7):8–39. (In Russ.)]
3. Gubaeva T.V. [Language and law: The art of using the word in professional legal activity]. M.: Norm; 2003. (In Russ.)]
4. Daletsky Ch.B. [The rhetorical and communicative personality of a lawyer]. *Bulletin of the O.E. Kutafin University*. 2016;(4):94–101. (In Russ.)]
5. Zemlyakova N.V., Garbovskaya N.B. [Argumentation in judicial rhetoric]. *Theory and practice of social development*. 2017;(6):101–106. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.6.25>. (In Russ.)]
6. Petrov Yu.A. [Culture of thinking: Methodological problems of scientific and pedagogical work]. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 1990. (In Russ.)]
7. Porokhovshchikov P.S. [The art of speech in court]. Moscow: Yurait, 2012. (In Russ.)]
8. Sytina A.V. [Specifics of the language of legal proceedings]. *Topical issues of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedure and national security: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Krasnodar: Kuban State University; 2018. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla V. Tsypina

Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"